6ª EDICION

LEON DEGRELLE

Hitler para 1000 años

Леон Дегрель
Гитлер на тысячу лет

Глава 1
Намордник на побеждённых

Нам, уцелевшим в 1945 году на Восточном фронте, нам, измученным ранами, раздавленным обрушившимися на нас бедами, нам, истерзанным горем, какие права оставили нам? Мы – мертвецы. У нас есть руки и ноги, мы можем дышать, но мы – мертвы.

Любое публичное выступление или десяток строк, написанных тем, кто с оружием в руках сражался против Советов, особенно, если он был так называемым «фашистским» вождём, тотчас же расценивается «демократами» как провокационное.

Обычных уголовников никто не лишает права слова. Он убил своего отца? Свою мать? Банкира? Соседей? Он – рецидивист? Десятки мировых журналов охотно предоставят ему место для публикации своих «мемуаров», снабдив кричащими заголовками рассказ о преступлениях, разукрашенный мельчайшими подробностями…

Клиническое описание обычного убийцы, написанное педантичным аналитиком, американцем Трумэном Капоте, стало бестселлером и принесло автору миллионы.

Другие известные убийцы, такие как Бонни и Клайд, были воспеты кинематографом и даже стали законодателями мод для посетителей шикарных бутиков.

Судьба же преследуемых по политическим мотивам складывается по-разному. Будут ли их оправдывать или отвернутся от них с омерзением, зависит от политической окраски их партии.

В Испании Кампесино, неотёсанный мужлан, бывший главарём одной из банд «Народного Фронта», без малейших угрызений совести уничтоживший сотни националистов, может позволить себе свободно разглагольствовать о своих кровавых похождениях в крупнейшей мадридской газете, объясняя их с «левых» позиций.

Вот именно – левых!

Он – левый, поэтому – имеет право, также как и прочие леваки.

Какие бы злодеяния они не совершали, пусть даже массовые убийства, к которым столь тяготеют марксистские режимы, никто не окажет им дурного приёма; ни правые консерваторы, тупо гордящиеся своей «открытостью к диалогу», ни левые, которые издавна привыкли покрывать своих.

Революционный агитатор, вроде Режиса Дебре, может рассчитывать на сколь угодно широкую аудиторию; сотни буржуазных газет охотно растиражируют его слова. Папа и генерал де Голль в случае неприятностей поспешат укрыть его; первый - под своей тиарой, второй – под своим кепи.

Как не вспомнить здесь судьбу Робера Бразийака, крупнейшего французского писателя периода Второй мировой войны? Страстно влюблённый в свою страну, посвятивший ей без преувеличения всё своё творчество и всю свою жизнь, он был безжалостно расстрелян в Париже 6 февраля 1945 г., и если при этом поднялось хотя бы одно кепи, то только для того, чтобы дать отмашку расстрельной команде.

В это же время жидовский анархист, уроженец Германии Кон-Бендит, вяло разыскиваемый, и, само собой, так и не найденный парижской полицией в тот самый момент, когда он был готов взорвать Францию, смог безо всяких затруднений и купюр опубликовать свои сколь подрывные, столь и посредственные разглагольствования в крупнейших капиталистических издательствах, с ухмылкой положив в карман солидную сумму, выплаченную этими издательствами за авторские права!

Советы воздвигли свою диктатуру на шестнадцати с половиной миллионах убитых; вспоминать об этих мучениках сегодня считается совершенно неуместным.

Хрущёв, этот потливый базарный шут с бородавкой на носу, одетый как будто из лавки старьёвщика, со своей супружницей под ручку с триумфом объехал Соединённые Штаты Америки, сопровождаемый министрами, миллиардерами, танцовщицами французского канкана и «сливками» клана Кеннеди, позволил себе под конец выкинуть номер со стучанием стоптанным ботинком по столу и демонстрацией своих потных носков на сессии ООН.

Косыгин, с физиономией, напоминающей непропеченную картошку, принимал цветистые почести от французов, приходящих в ужас при упоминании Аушвица, но забывших о польских офицерах, своих союзниках в 1940 г., методично убитых в Катыни.

Сам Сталин, величайший убийца эпохи, безжалостный, законченный тиран, уничтожавший в припадках яростного безумия собственный народ, своих соратников, своих военачальников, своих близких, получил великолепный золотой меч в подарок от самого консервативного монарха мира, английского короля, который даже не понял, какой мрачный комизм заключается в самом выборе такого подарка такому преступнику!

Но как только мы, «фашисты», пережившие вторую мировую войну, дерзнём хотя бы на мгновение разомкнуть уста, как тут же сотни «демократов» поднимают истошный визг, повергая в ужас даже наших друзей, которые умоляюще кричат нам: «Берегитесь! Берегитесь!»

Берегитесь кого?

Неужели содеянное Советами настолько священно? На протяжении четверти века весь мир неоднократно мог убедиться в их злодеяниях. Трагедия Венгрии, раздавленной советскими танками в 1956 году, в искупление вины, состоящей лишь в том, что они почувствовали вкус к свободе; Чехословакия, поверженная и задушенная сотнями тысяч коммунистических захватчиков в 1968 году, только за то, что она дерзнула слегка ослабить железный ошейник, в который она, как китайский каторжник, была закована Москвой; протяжный стон народов, угнетаемых СССР, раздающийся от Финского залива до берегов Чёрного моря, наглядно свидетельствует о том, какой ужас обрушился бы на всю Европу, если бы Сталин смог – а он смог бы, если бы не героизм солдат Восточного фронта – добраться в 1943 году до набережных Шербура и скал Гибралтара.

От Сталинградского ада (ноябрь 1942 г.) до ада Берлина (апрель 1945 г.) прошло 900 дней, 900 кошмарных дней непрерывных боёв, становившихся с каждым разом всё более отчаянными, исполненных неописуемыми страданиями, оплаченных жизнью многих миллионов отважных молодых людей, которые добровольно бросались в эту мясорубку, пытаясь, несмотря ни на что, сдержать красные полчища, катящиеся с Волги на запад Европы.

В 1940 году со дня пересечения германцами французской границы около Седана до дня их вторжения на Северное море прошла всего одна неделя. Если бы европейские солдаты Восточного фронта, среди которых было полмиллиона добровольцев из двадцати восьми стран, удирали бы с такой же скоростью, если бы они на протяжении трёх лет жесточайших боёв, ценой нечеловеческого и сверхчеловеческого напряжения не оказывали бы сопротивления безудержно накатывающей волне советского наступления, Европа была бы потеряна, затоплена без остатков в конце 1943 или в начале 1944 года, задолго до того, как генерал Эйзенхауэр впервые увидел цветущие яблони Нормандии.

Прошедшая четверть века всё расставила по своим местам. Все европейские страны, захваченные Советами – Эстония, Латвия, Литва, Польша, восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария – продолжают остаться под их неумолимым владычеством.

При малейшем отклонении, в Будапеште или в Праге, строптивца ждет удар кнута в современном исполнении – то есть советские танки. С июля 1945 г. западные деятели, столь неосмотрительно поставившие на Сталина, начали разочаровываться.

«Мы прирезали не ту свинью» – прошептал Черчилль президенту Трумэну в Потсдаме, когда они вдвоём уходили после встречи со Сталиным, настоящим победителем во второй мировой войне.

Запоздалое и жалкое раскаянье…

Тот, кто раньше казался им «той свиньёй», благодаря их помощи, похрюкивая от удовольствия, развалился всей тушей на два континента – хвостом во Владивостоке, дымящимся рылом в двухстах километрах от французской территории.

Спустя четверть века это рыло по-прежнему там, ещё более грозное, чем когда бы то ни было, грозное настолько, что никто не рискует сегодня противопоставить ему что-либо, кроме дипломатических реверансов.

В 1968 г., на следующий день после подавления восстания в Праге, Джонсон, де Голль и Киссинджер ударились в платонические протесты, робко и сдержанно высказав свои сожаления.

Тем временем под брюхом этой свиньи задыхается пол-Европы.

Неужели этого не достаточно?

Разве справедливо то, что с теми, кто вовремя разглядел происходящее, с теми, кто в 1941-1945 гг., несмотря на свой юный возраст, невзирая на привязанность семейному очагу и личные интересы, бросили все свои силы на то, чтобы преградить кровавый натиск советских армий, продолжают обращаться как с париями до самой их смерти и даже после смерти?… Париями, которым затыкают рот, прежде чем они осмеливаются произнести: «Но всё же»…

Но всё же… Мы жили счастливо и в достатке, у нас были прекрасные дома и нежно любимые дети…

Но всё же… Мы были молоды, сильны и красивы телом, мы жадно вдыхали свежий воздух весны, напоенный ароматом цветов, самой торжествующей жизнью…

Но всё же… Мы ощущали своё предназначение, мы стремились к идеалу…

Но всё же… Нам пришлось принести в жертву наши мечты, подвергнуть наши двадцати-, тридцатилетние жизни неимоверным страданиям и непрестанным мукам; почувствовать, как наши тела пожирают морозы, как нашу плоть терзают раны, как наши кости ломаются в фантастических рукопашных схватках.

Мы видели своих товарищей, агонизирующих в липкой грязи и на снегу, окрашенном их кровью.

Чудом мы вышли живыми из этой бойни, почти обезумев от страданий и пережитого ужаса.

Спустя четверть века, когда самые дорогие нам люди умерли в тюрьмах или были убиты, а мы сами оказались в далёком изгнании, почти исчерпав свои силы, желчные злобные «демократы» продолжают преследовать нас с неистощимой ненавистью.

Когда-то у Бреды, как это можно увидеть на незабываемой картине Веласкеса в мадридском музее Прадо, победитель протягивал руку побеждённому, даря ему своё сочувствие и сострадание. Гуманный жест! Быть побеждённым, как это горько уже само по себе! Видеть, как рухнули твои планы и твои усилия; до самого последнего вздоха оставаться в полном одиночестве, с руками, опущенными перед навсегда исчезнувшим будущим, где теперь зияет пустота!

Какая жестокая кара для того, чье дело было неправедно!

Какая несправедливая мука для того, чьи помыслы были чисты!

В такие моменты понимаешь, что в менее жестокие времена победитель по-братски относился к побеждённому, понимая тайное бескрайнее страдание того, кто, хотя и сохранил свою жизнь, потерял всё, что придавало ей смысл и ценность…

Что значит жизнь для художника, которому выкололи глаза? Для скульптора, которому отрубили руки?

Что она значит для политика, поверженного роком, который с верой носил в себе пылающий идеал, который обладал волей и силой, чтобы перенести его в действительность, воплотить его в жизни своего народа?…

Отныне он никогда не реализует себя, отныне он больше не творец…

Отныне самое важное для него осталось в прошлом.

Что же было этим «важнейшим» для нас в великой трагедии второй мировой войны?

Как возникли «фашистские» движения – важнейшие в нашей жизни? Как они развивались? Как они погибли?

И главный вопрос, который встаёт перед нами спустя четверть века – каков итог этого великого дела?

Глава 2
Когда Европа была фашистской.

Современному молодому человеку Европа, называемая «фашистской», кажется неимоверно далеким миром, с трудом поддающимся воображению.

Этот мир потерпел крах.

Он не смог защитить себя.

Сегодня остались только те, кто одолел его в 1945 г. С тех пор они истолковывают все факты и намерения, как им угодно.

Спустя четверть века после поражения «фашистской» Европы, в России, если и появилось несколько полуправдивых работ о Муссолини, до сих пор не написано ни одной объективной книге о Гитлере.

Сотни посвященных ему трудов представляют собой либо явную халтуру, либо пропитаны животной ненавистью к описываемому персонажу.

Мир всё ещё ждёт появления взвешенной и нелицеприятной работы, которая подвела бы итоги жизни одного из главных политических персонажей первой половины XX века.

Случай Гитлера — не единственный. История — если её можно так назвать! — с 1945 г. пишется крайне односторонне.

Невозможно даже помыслить себе, чтобы на огромной территории в полмира, находящейся под владычеством СССР и красного Китая, кто-нибудь решился бы предоставить слово писателю, не согласному с этими режимами или не желающему им льстить.

Хотя в Западной Европе такого фанатизма нет, там действуют тоньше, но одновременно и лицемернее. Никогда ни одна крупная французская, английская или американская газета не опубликует статьи, в которой подчёркивались бы привлекательные или хотя бы просто созидательные — с точки зрения здравого смысла — аспекты фашизма или национал-социализма.

Даже сама идея такой публикации кажется ересью. Тотчас поднимается крик о кощунстве.

Предметом особо ревностной опеки стала одна область – с гигантской шумихой была опубликована сотня репортажей, зачастую изобилующих преувеличениями, а нередко и откровенно лживых, где повествуется о концентрационных лагерях и печах крематориев.

Похоже, это единственная тема, которая по общепринятому мнению заслуживает внимания из всего необъятного творения, которое представлял собой гитлеровский строй на протяжении нескольких лет.

До конца света они не перестанут совать под нос миллионам перепуганных читателей смерть жидов в гитлеровских лагерях, не особо озабоченных наличием точных, строго исторически подтверждённых доказательств.

Эта область также ещё ждёт серьёзного исследования с описанием реальных событий, подтверждённых методично выверенными достоверными цифрами; беспристрастного исследования, а не пропагандистского сочинения, основанного на слухах и измышлениях «свидетелей», или, тем более, на написанных под диктовку «признаниях», изобилующих ошибками и нелепицами, которые при помощи пыток и под угрозой смерти, — что была вынуждена признать американская сенатская комиссия — выбивали следователи из обвиняемых германцев, готовых подписать что угодно, дабы избежать виселицы.

Эта бессвязная, исторически неприемлемая чушь, несомненно, произвела сильное впечатление на чувствительную публику. Но это карикатура на серьёзную и страшную проблему, к сожалению, столь же древнюю, как и само человечество.

Ещё только предстоит написать такое исследование, — впрочем, его не опубликует ни один издатель! — где были бы приведены точные факты, собранные в соответствии с научным методом, оцененные, исходя из соответствующего политического контекста, и честно сопоставленные с теми событиями, которые, к сожалению, до сих пор остаются под запретом для обсуждения: работорговля, которую вели Франция и Англия в XVII-XVIII вв., оплаченная ценой трех миллионов жизней африканцев, скончавшихся во время жестоких облав и транспортировки; истребление из алчности краснокожих, загнанных до смерти на землях, сегодня принадлежащих США; концентрационные лагеря в южной Африке, куда, подобно животным, англичане сгоняли оккупированных буров под снисходительным взором г-на Черчилля; ужасающие экзекуции сипаев в Индии, осуществленные теми же прислужниками его милостивого Величества; истребление турками более миллиона армян; уничтожение более 16 миллионов не коммунистов в России; сожжение союзниками в 1945 г. сотен тысяч женщин и детей в двух величайших печах крематория – Дрездене и Хиросиме; серии убийств мирного населения, которые росли и приумножались после 1945 г.: в Конго, Вьетнаме, Индонезии, Биафре.

Поверьте, придется еще долго ждать появления таких объективных и всеохватных исследований, которые разберутся во всех этих вопросах и дадут им беспристрастную оценку.

И даже говоря не о столь горячих политических событиях, затрагивающих тех, кому не посчастливилось оказаться на правильной стороне, по-прежнему сложно рассчитывать на историческую объективность.

Неудобно говорить о самом себе. Но, в конце концов, из всех так называемых «фашистских» вождей, принимавших участие во второй мировой войне, я — единственный, кто остался в живых. Муссолини был убит, а затем повешен. Гитлер пустил себе пулю в лоб и затем был сожжен. Муссерт, голландский лидер, и Квислинг, глава Норвегии, были расстреляны. Пьер Лаваль, после короткой пародии на суд, отравился во французской тюрьме. С трудом спасенный от смерти, наполовину парализованный, десятью минутами позже он также был убит. Генерал Власов, глава русских антикоммунистов, выданный Сталину генералом Эйзенхауэром, был повешен на московской площади.

Даже в изгнании последние из уцелевших подверглись преследованиям – глава хорватского государства, Анте Павелич, был нашпигован пулями в Аргентине, я сам, повсюду преследуемый, едва избежал многократных попыток похищения и убийства.

Тем не менее, им по сей день не удалось уничтожить меня. Я жив. Я существую. Значит, я ещё могу предоставить свидетельства, представляющие определенный исторический интерес. Я близко знал Гитлера, я знал, каким он был на самом деле, что он думал, чего хотел, его намерения, пристрастия, его настроения, предпочтения, мечты. Хорошо я знал и Муссолини, столь переменчивого с его латинской пылкостью, с его сарказмом, с его страстями, слабостями и порывами, также бывшего чрезвычайно интересным человеком.

Если бы ещё существовали объективные историки, я должен был бы представлять для них довольно ценного живого свидетеля. Кто из политических деятелей, переживших 1945 г., лучше знал Гитлера или Муссолини? Кто точнее меня может рассказать, какими они были на самом деле, что они представляли собой как обычные люди?

Однако у меня есть лишь одно право – молчать.

Даже в своей собственной стране.

Невозможно даже представить себе — и это спустя двадцать пять лет! — чтобы мне позволили опубликовать в Бельгии работу о своей политической деятельности.

А ведь до войны я возглавлял оппозицию в своей стране и был вождем движения рекситов, законного движения, которому с соблюдением всех норм всеобщего избирательного права удалось добиться поддержки широких политических масс и сотен тысяч избирателей.

В годы Второй мировой войны, в течение четырех лет я командовал бельгийскими добровольцами на Восточном фронте, число которых пятнадцатикратно превосходило количество наших соотечественников, сражавшихся на стороне англичан. Героизм моих солдат неоспорим. Тысячи из них отдали свои жизни. И отдали они их не только за Европу, но, главным образом и прежде всего, ради спасения своей страны, ради её грядущего возрождения.

Однако для нас закрыта всякая возможность объяснить нашему народу, в чём состояла политическая деятельность РЕКСа до 1941 г. и его военная активность после 1941 г. Особым законом мне строго запрещено опубликовать хотя бы строчку там, в Бельгии. Этот закон запрещает продажу и распространение любых книг, которые я мог бы написать на эту тему! Демократия? Диалог? В течение четверти века бельгийцы имеют возможность слышать только одну сторону. Что же до другой стороны — представителем которой являюсь я! — бельгийское государство тратит все силы, чтобы заставить её замолчать.

В других странах не лучше. Во Франции моя книга «Кампания в России» была запрещена властями сразу после её выхода в свет.

Совсем недавно то же самое случилось и с моей книгой «Пылающие души». Это чисто духовная книга. Но, несмотря на это, она была изъята из оборота во Франции, и это спустя двадцать лет после прекращения моей политической деятельности!

Таким образом, под прицелом оказываются не только идеи отлученных авторов, но само их имя, которое подвергается неумолимому преследованию со стороны демократической инквизиции.

В Германии происходит то же самое.

Издатель моей книги «Die verlorene Legion» после её публикации стал объектом таких угроз, что спустя несколько дней после её выхода был вынужден лично уничтожить тысячи экземпляров, приготовленных для распространения по книжным магазинам. Но рекордсменом здесь стала Швейцария, где полиция не просто конфисковала тысячи экземпляров моей книги «Сумятица 1940 года» спустя два дня после её выхода, но позаботилась и о том, чтобы в типографии под их наблюдением был уничтожен весь набор, дабы исключить всякую техническую возможность её переиздания.

Итак, издатель был швейцарцем! Типография была швейцарской! И если отдельные лица посчитали, что я опорочил их в своём тексте, они легко могли бы привлечь к суду моего издателя или меня самого. Само собой, никто не пожелал так рисковать!

Сложности возникают не только с книгами, но и с устными выступлениями. Я бросил вызов бельгийским властям, предложив им позволить мне объясниться с моим народом, выступив в брюссельском «Дворце Спорта», или – всего лишь! – выдвинуть свою кандидатуру на выборах в Парламент. Пусть решение вынесет суверенный народ. Что может быть более демократичным?

Министр юстиции лично заявил, что если я осмелюсь появиться в Брюсселе, то буду незамедлительно выслан из страны. Чтобы окончательно убедиться в том, что я никогда не вернусь в Бельгию, был придуман особый закон, названный Lex Degrelliana, продлевающий на десять лет истекший к тому времени срок моего изгнания! Но как тогда люди могут оценить факты и намерения, составить свое мнение?… Как в этой путанице молодые смогут отличить истину ото лжи, если учесть, что Европа до 1940 г. не была чем-то единым целым? Напротив, каждая страна имела свои особенности. И каждый «фашизм» развивался по-своему.

К примеру, итальянский фашизм существенно отличался от германского национал-социализма. Так, в социальном плане германцы занимали более решительные позиции, и, напротив, в отличие от германцев, итальянский фашизм не был по сути своей юдофобским. Ему скорее была близка христианская направленность. Точно также он был более консервативен. Гитлер уничтожил последние останки Империи Гогенцоллеров, тогда как Муссолини, хотя и с видимым неудовольствием, продолжал следовать за плюмажем полуметровой высоты, реющим над беззубым личиком короля Виктора-Эммануила.

Более того, фашисты могли выступить как за Гитлера, так и против него. Муссолини был прежде всего националистом. После убийства австрийского канцлера Дольфуса в 1934 г. он сосредоточил несколько дивизий на границах Райха. В глубине души он недолюбливал Гитлера. Он не доверял ему.

— Будьте осторожны! Особенно по отношению к Риббентропу! — неоднократно твердил он мне.

Создание Оси Рим-Берлин было вызвано в основном оплошностями и провокациями со стороны желтой прессы и амбициозных, отставных политиканов типа парижского горохового шута Поль-Бонкура, потасканного донжуана с набережных Женевы, лощёной жерди из Лондона Энтони Идена и, в первую очередь, Черчилля. Мне доводилось встречать его в Палате Общин в то время, когда он совершенно не пользовался там доверием и уважением. Почти никто не обращал внимания на этого типа с кривыми зубами и обвислыми щеками разжиревшего бульдога, отличавшегося крайней желчностью в те моменты, когда он был трезв (что, впрочем, случалось крайне редко). Только война могла дать ему последний шанс, чтобы прийти к власти. И он остервенело уцепился за этот шанс.

Муссолини, вплоть до своего убийства в апреле 1945 г. в глубине души сохранял антигерманские и антигитлеровские настроения, несмотря на то, что

Гитлер неоднократно предоставлял ему свидетельства своей дружбы. Чёрные глаза, блестящие как агат, череп, гладкий как мрамор крестильной купели, осанка как у дирижера духового оркестра, казалось, он был рождён для демонстрации своего превосходства. По правде говоря, Муссолини здорово бесило то, что Гитлер имел в своём распоряжении лучший человеческий материал (серьёзный, дисциплинированный германский народ, не слишком склонный требовать объяснений), нежели тот, который достался ему (очаровательные итальянцы, охотно критикующие всё и вся, ветреные, как кувыркающийся в небе звонкоголосый жаворонок, при каждом порыве ветра меняющий направление своего полёта). Это недовольство незаметно переросло в странный комплекс неполноценности, только усиливающийся по мере новых побед, одерживаемых Гитлером, который вплоть до конца 1943 г., несмотря на исключительную рискованность своих начинаний, неизменно одерживал победу. Муссолини же, хотя и был превосходным главой государства, в отличие от Гитлера был наделен не большим талантом военачальника, чем деревенский полицейский.

Короче говоря, Муссолини и Гитлер были очень разными людьми.

Итальянцы и германцы тоже были разными народами.

Доктрины фашизма и национал-социализм также имели немало отличий.

Безусловно, многое их сближало как в идеологическом, так и в тактическом плане, но были и различия, которые, поначалу смягченные созданием Оси Рим-Берлин, позднее усиливались и нарастали из-за военных неудач Италии, глубоко ранивших гордость и расовое достоинство итальянцев.

Если два основных европейских «фашистских» движения, пришедших к власти в Риме и в Берлине и правивших континентом от Штетина до Палермо, были столь различны, что говорить о других «фашистских» движениях, возникавших по всей Европе – в Голландии, Португалии, Франции, Бельгии, Испании, Венгрии, Румынии, Норвегии или любой другой стране!

Румынский «фашизм» был по своей сущности почти мистическим. Его вождь, Кодряну, облачённый в белоснежные одеяния, появлялся верхом на лошади перед огромными толпами румынского народа. Его появление казалось чем-то почти сверхъестественным. Настолько, что его называли Архангелом. Его военная элита именовалась «Железной Гвардией». Жесткое слово удачно отражало жесткие условия борьбы и методов действия. Крылья Архангела нередко были припорошены динамитом.

В отличие от румынского, португальский «фашизм» был бесстрастным, подобно своему наставнику, профессору Салазару, интеллектуалу, который не пил, не курил, жил в монастырской келье и одевался как протестантский пастор. Он

разрабатывал пункты своей доктрины и этапы действия столь же хладнокровно, как если бы писал комментарии к Пандектам.

В Норвегии «фашизм» также имел свои отличительные черты. Квислинг был жизнерадостен, как служащий похоронного бюро. Я как будто снова вижу его одутловатую фигуру, угрюмый, сумрачный взгляд, когда он, будучи премьер-министром, принимал меня в своем дворце в Осло, расположенном рядом с Дворцом Правосудия, где бронзовая статуя короля, позеленевшая, как пожухший капустный лист, надменно вздымала свой высокий лоб, усеянный птичьим пометом. Квислинг, напоминающий своим чопорным видом главного бухгалтера, недовольного состоянием своей кассы, был столь же воинственен, как и Салазар. Он опирался преимущественно на милицию, чьи сапоги отличались гораздо более ярким блеском, чем созданная им доктрина.

Даже в Англии были свои «фашисты», возглавляемые Освальдом Мосли. В отличие от пролетарского «фашизма» Третьего Райха, английские фашисты по преимуществу были выходцами из аристократической среды. Их митинги посещали тысячи представителей поместного дворянства, стремившихся понять, что представляет собой это далекое и загадочное явление, которое называют рабочими (некоторое количество которых всё же состояло в движении Мосли).

Аудитория пестрела яркими нарядами молодых модниц в изящных обтягивающих шелковых платьях; и содержимое, и упаковка были крайне привлекательны. Очень возбуждающий и очень аппетитный фашизм! – особенно для страны, где преобладают худощавые, жердеобразные женские особи!

Мосли пригласил меня на обед в здание бывшего театра, расположенное над Темзой, где он принимал своих гостей за некрашеным деревянным столом. Обстановка на первый взгляд была суровой и аскетичной. Но вымуштрованные слуги обслуживали нас с исключительной быстротой, а сервируемая посуда была из золота!

Рядом с Гитлером-пролетарием, театральным Муссолини, Салазаром-профессором, Мосли выглядел паладином довольно фантастичного фашизма, который, однако, несмотря на свою своеобычность, вполне соответствовал британским нравам. Самый упёртый англичанин всегда стремится подчеркнуть свою исключительность, как в области политики, так и в манере одеваться. Мосли, подобно Байрону или Брюммелю, или позднее тем же «Битлз», стал законодателем нового стиля. Даже Черчилль пытался выделиться на свой лад, принимая важных посетителей, полностью обнаженный, как этакий англизированный Бахус, прикрытый лишь дымом своих гаванских сигар. Сын Рузвельта, посланный с миссией в Лондон во время войны, едва не поперхнулся при виде Черчилля, вышедшего к нему навстречу в одеждах Адама, с жирным, сальным брюхом, как у разжиревшего кабатчика, только что закончившего своё субботнее омовение в банной лохани.

Другую крайность воплощал собой Мосли до 1940 г.; впрочем, этот безукоризненный фашист, в сером котелке вместо стальной каски, вооруженный шелковым зонтиком вместо дубинки, также не был чем-то исключительным на фоне типично британской эксцентричности.

Но уже сам тот факт, что англичане, чопорные как министерские привратники, и консервативные, как моторы Роллс-Ройса, также поддались пьянящему очарованию европейского фашизма, свидетельствует о том, насколько это явление соответствовало общей атмосфере, царившей в предвоенной Европе.

Впервые после французской революции мир был взбудоражен новыми идеями и очарован новым идеалом, вызвавшим повсюду похожий отклик, несмотря на разнообразие местных националистических движений.

Одновременно от одного до другого края старого континента, от Будапешта до Бухареста, от Амстердама до Осло, в Афинах, Лиссабоне, Варшаве, Лондоне, Мадриде, Брюсселе, Париже, повсюду вспыхнула одна и та же вера.

В Париже, помимо характерных особенностей, свойственных французскому фашизму в целом, существовали его многочисленные подвиды: догматическое направление во главе с Шарлем Моррасом, глухим как тетерев бородатым старцем, мужественной и цельной натурой, интеллектуальным отцом всего европейского фашизма, который, однако, ревниво ограничивал своё движением рамками Франции; близкое к армии движение бывших фронтовиков 1914-1918 гг., трогательно вмешивающихся в каждую заварушку, но лишенных каких-либо идей: движение «средних классов» – «Огненные кресты» во главе с полковником де ла Роком, который обожал устраивать многолюдные манёвры с привлечением гражданских лиц и инспектировать казармы; пролетарское движение «Народной французской партии», возглавляемое Жаком Дорио, бывшего «коммуняки», очкарика, в пропагандистских целях обряжающегося в тяжёлые башмаки, подтяжки и кухонный фартук своей жены, чтобы выглядеть «своим» в глаза народа, который, однако, несмотря на довольно успешное начало, не пошёл за ним; боевое, пропахшее порохом движение кагуляров под руководством решительно настроенных Эжена Делонкля и Жозефа Дарнана, с энтузиазмом взрывавшее синдикаты, принадлежавшие крупным капиталистам, дабы заставить тех пробудиться от золотого сна. Делонкл, гениальный выпускник Политехнической Школы, был убит германцами в 1943 г., а Жозеф Дарнан – французами в 1945 г., несмотря на то, что он был одним из самых отважных героев двух мировых войн.

Этот переизбыток парижских «фашистских» движений, теоретически преследующих единые цели, но на практике соперничающих между собой, разделял и дезорганизовывал французскую элиту. В результате после кровавой трагедии, разыгравшейся вечером 6 февраля 1934 г. на площади Согласия в Париже, никто из «правых» победителей не сумел взять в свои руки власть, готовую пасть в обстановке всеобщей паники.

Своим предводителем в ту ночь они выбрали Жана Кьяппа, перфекта парижской полиции, тремя днями раньше смещенного со своего поста левым правительством. Это был словоохотливый, краснолицый корсиканец, с розеткой Почётного Легиона, размером с помидор, очень маленького роста, несмотря на накладные каблуки, которые при разговоре с ним создавали впечатление как будто он стоит на скамеечке. Отличаясь отменным здоровьем, он, тем не менее, неустанно заботился о себе; 6 февраля, сославшись на приступ ревматизма, он даже не вышел на улицу, чтобы присоединиться к демонстрантам. Ведь он только что принял горячую ванну и уже облачился в пижаму, собираясь лечь в постель. Несмотря на всё более настойчивые уговоры своих сторонников он отказался переодеться, хотя ему достаточно было всего лишь перейти через улицу, чтобы занять пустующее кресло в Елисейском дворце!

В 1958 г. генерал де Голль в подобных обстоятельствах не заставил себя упрашивать!

Между всеми этими парижскими «фашистскими» партиями накануне 1940 г. было очень мало общего.

Испанский генерал Примо де Ривера, более чем кто-либо другой, был «фашистом» на свой лад, фашистом-монархистом, немного напоминая этим Муссолини. Во многом именно его привязанность к трону стала причиной его гибели. Вокруг него роилось слишком много пустых и скользких как угри придворных, готовых при любом удобном случае подставить подножку другому. Слишком мало было рядом пролетариев, пролетариев с простыми сердцами и сильными руками, которые с таким же успехом могли бы пойти за Примо де Риверой, взявшимся за социальные реформы в своей стране, вместо того, чтобы пополнить ряды боевиков и поджигателей из «Народного Фронта». По вине дворцовых заговорщиков его реформы увязли в попытках преодолеть предрассудки, свойственные салонной, тщеславной и уже издавна политически бесплодной аристократии.

Хосе Антонио, сын генерала, умершего в Париже несколько дней спустя после своего изгнания, был вдохновенным оратором. Несмотря на своё дворянское происхождение, он сумел понять, что в наше время главная политическая битва шла в социальной области. Его программа, этика, личное обаяние помогли ему привлечь миллионы испанцев, которые жаждали обновления своей страны, которые желали не только восстановить её величие и навести порядок, но также, и, прежде всего, добиться социальной справедливости. К несчастью для него «Народный фронт» уже успел основательно раскачать ситуацию, сбить с толку массы, разделив испанцев баррикадами ненависти, огня и крови. Хосе Антонио мог стать молодым Муссолини в Испании 1936 г. Но в том же году мечта этого замечательного светлого юноши была оборвана пулями расстрельной команды в Аликанте. Однако его идеи оставили сильный отпечаток в душах его соотечественников. Они воодушевляли сотни тысяч бойцов и фронтовиков. Они возгорелись с новой силой, возрождённые

героями «Голубой Дивизии», сражавшимися в залитых кровью снегах восточного фронта, вносящих свой вклад в создание новой Европы.

Очевидно, что Испания 1939 г. не походила на Германию 1939 г.

Парижский полковник ла Рок, несгибаемый как метроном, тугодум, процесс мышления для которого был похож на ходьбу по расплавленному асфальту, столь же мало походил на доктора Геббельса, яркого, ослепляющего своими внезапными идеями, как ослепляет вспышка фоторепортёра, сколь мало Освальд Мосли, утончённый лондонский фашист, походил на своего берлинского «двойника», неповоротливого, сизого от пьянства доктора Лея.

Однако одна и та же сила двигала их народами, одна и та же вера воодушевляла их, и идеологическая основа была повсюду сравнительно одинаковой. Их роднило неприятие старых, одряхлевших партий, коррумпированных и скомпрометированных грязными сделками, лишенных воображения и не способных к масштабному и революционному решению социальных проблем, которого с нетерпением и тоской ждал от них изнеможенный тяжёлой работой и нищенской зарплатой (шесть песет в день в период правления «Народного Фронта»!) народ, почти целиком лишенный всяких гарантий в случае потери трудоспособности, болезни и старости, жаждущий того, чтобы с ним наконец начали обращаться по-человечески, не только в материальном, но и в моральном плане.

Я часто вспоминаю разговор, который мне довелось услышать в своё время в угольной шахте, куда спустился бельгийский король: «Чего вы хотите?» – несколько напыщенно, хотя и исполненный самых лучших намерений, спросил суверен у старого шахтера, чёрного от угольной пыли. «Сэр», – отвечал тот без обиняков: «мы хотим, чтобы нас уважали»!

Это уважение народа и стремление к социальной справедливости соединялись в «фашистском» идеале с волей к восстановлению порядка в государстве и преемственности власти.

Кроме того, существовала и сильная духовная потребность. Молодежь всего континента отвергала посредственных профессиональных политиканов, болтливых, ограниченных, невоспитанных и бескультурных, опиравшихся в качестве электората на представителей полусвета и завсегдатаев кабаре, с молодости повесивших себе на шею некрасивых жён, отставших от жизни и подрубающих под корень всякую идею и любое дерзание мужа.

Эта молодежь хотела жить ради чего-то великого и чистого.

Спонтанный расцвет самых разнообразных «фашистских» движений по всей Европе был продиктован общей и насущной потребностью в обновлении: в обновлении государства, сильного и авторитарного государства, имеющего в своём

распоряжении достаточно времени для восстановления компетентного правительства, которое не допустило бы скатывания в политическую анархию. В обновление общества, освобождённого от удушающего консерватизма ограниченных буржуа, в белых перчатках и туго накрахмаленных воротничках, лоснящихся от деликатесов и побагровевших от дорогого вина, чей ум, чувства и, прежде всего, кошелёк противились самой идее реформ. Европа нуждалась в социальном обновлении, а точнее в социальной революции, должной ликвидировать патернализм, столь милый обеспеченным людям, которые с выгодой для себя, с отрепетированной дрожью сострадания в голосе, разыгрывали щедрых благотворителей, предпочитая, вместо признания права на социальную справедливость отделываться скупыми подачками, обставляя свои «благодеяния» с огромной помпой. Европа нуждалась в социальной революции, которая должна была поставить капитал на его место, место материального средства, тогда как народ, как живая субстанция, должен был вновь стать первичной основой, первичным элементом в жизни Отечества. Наконец, Европа нуждалась в нравственном обновлении, благодаря которому нация и, прежде всего, молодёжь вновь научились бы самопреодолению и самоотдаче.

В Европе 1930-1940 гг. не было ни одной страны, не откликнувшейся на этот призыв к обновлению.

Несмотря на наличие определённых незначительных расхождений, все «фашистские» движение Европы имели схожие общественно-политические основания, что и объясняет стремительно растущую солидарность: французские «фашисты», которые поначалу испытывали некоторое неудобство, вскоре с энтузиазмом стали принимать участие в шествиях «Коричневых Рубашек» в Нюрнберге; португальские фашисты распевали «Джовинеццу» (гимн итальянских фашистов – прим. перев.), в то время как севильцы пели «Лили Марлен» северных германцев.

В моей стране, как и повсюду, «фашизм» имел свои отличительные черты, которые за несколько лет сгладились под влиянием того духа единства, который в ходе Второй мировой войны сплотил представителей различных европейских стран. Я был тогда молодым человеком. На обороте одной фотографии я написал (я тогда уже был скромным):

Вот более-менее верные черты моего лица
Бумага не может передать пылающий во мне благородный огонь,
Который сжигает меня сегодня, который сжигал меня вчера,
Который завтра обернётся всепожирающим пожаром.

Пожар я носил в себе. Но кто знал об этом? За границей меня никто не знал. Во мне пылал священный огонь, но мне не на кого было опереться, чтобы осуществить свои замыслы. Несмотря на это, мне хватило одного года, чтобы привлечь сотни тысяч последователей, чтобы взорвать сонный покой старых партий

и одним махом провести в бельгийский парламент группу, состоящую из тридцати одного моего молодого соратника. Весной 1936 г. название нашей партии – РЕКС – за несколько недель стало известным всему миру. В 29 лет, в возрасте, когда большинство предпочитает проводить время, сидя с бокалом вина на террасе и поглаживая пальчики смущённой молоденькой девушки, я уже стоял на пороге власти. Это было необычное время, когда нашим отцам оставалось лишь следовать за нами, когда повсюду молодые люди с волчьим взглядом и волчьей хваткой, готовые изменить мир, бросались в бой – и побеждали!

Глава 3
К власти в двадцать пять лет

В тридцать восемь лет я пережил крушение своей карьеры и как политический вождь, и как военачальник (генерал, командир армейского корпуса).

Каким же образом четверть века назад такому молодому человеку удалось столь рано и столь стремительно прорваться на вершину политической власти?

Совершенно очевидно, что успех зависит от эпохи, в которую вам довелось родиться. Бывают такие времена, когда одарённые люди изнывают от скуки, не в силах реализовать своё призвание. Другие времена открывают возможность для появления, развития и роста исключительных людей. Родись Бонапарт на пятьдесят лет раньше, он, несомненно, закончил бы свою карьеру в должности разжиревшего гарнизонного коменданта в провинциальном городишке. Не будь первой Мировой войны, Гитлер, скорее всего, остался бы озлобленным мелким буржуа, прозябающим в Мюнхене или Линце. Муссолини в сонные времена папских государств до конца своей жизни остался бы учителем в Романье или провёл бы остаток жизни в тюрьме Мамертин как закоренелый заговорщик. Страстные духовные поиски, охватившие Европу к началу 30-ых годов, открыли невиданные горизонты для амбициозных и целеустремлённых людей. Весь мир пришёл в брожение.

Старый мир рушился. В Турции царил Ататюрк — здоровяк, отличающийся отменным здоровьем, проводящий ночи в удалых пирушках как грубый солдафон, а днём властвующий как абсолютный диктатор, единственный диктатор, которому посчастливилось умереть в положенный срок в собственной постели. В это же время в Италии к власти приходит Муссолини, этот Цезарь нашей моторизованной эпохи. Всего несколько лет понадобилось Дуче, чтобы навести порядок в стране, уставшей от анархии. «Если бы я был итальянцем, я стал бы фашистом» — воскликнул однажды Уинстон Черчилль.

Однажды вечером, когда мы ужинали в ресторане Палаты Общин, он лично повторил мне те же слова.

Однако Италия раздражала его тем, что она осмелилась выйти за рамки той скромной роли, которая была уготована ей великими державами, возжелав стать имперской страной; последнее же до тех пор было дозволено только Англии, отличавшейся отменным аппетитом и не меньшей гордыней.

Именно пример Муссолини более всех прочих завораживал Европу и мир.

Его фотографировали с обнаженным торсом, жнущим пшеницу на осушенных понтийских болотах. Эскадрильи его самолетов в безукоризненном строю пересекали Атлантику. Одна англичанка даже примчалась в Рим, но не для

того, чтобы, подобно множеству других женщин, разразиться истерическими признаниями в любви, а чтобы весьма нелюбезно выпустить в него пулю, слегка поцарапавшую ему крылья носа. Повсюду с песнями маршировали юные «балиллы». В построенных для итальянских рабочих великолепных общественных зданиях – самых прогрессивных для Европы того времени – кипела жизнь. Итальянские поезда больше не останавливались в чистом поле, как это было в 1920 г., для того, чтобы силком согнать священника, который имел дерзость сесть в поезд! По всей стране царил порядок. По всей стране ключом била жизнь. Страна развивалась спокойно и без социальных конфликтов.

Рождалась индустриальная Италия, Италия Национальной Нефтяной Компании и концерна «Фиат», на котором Аньелли, по распоряжению Дуче, спроектировал народный автомобиль. Позднее, в 1941г., он также ушёл на русский фронт с другими итальянскими добровольцами и сражался рядом с нами в бассейне Донецка.

Эту индустриальную Италию, которая после смерти Дуче достигла серьезных успехов в мировой экономике, создал именно Муссолини, пусть даже многие хотели бы это забыть.

За несколько лет он создал великую африканскую Империю, – протянувшуюся от Триполи до Аддис-Абебы – не позволив запугать себя лицемерными протестами со стороны сытых колониальных государств, которым казалось невиданной наглостью само стремление жителей бедных стран есть дома досыта, вместо того, чтобы от нищеты ежегодно сотнями тысяч эмигрировать в трущобы Бруклина или в малярийные пампасы Южной Америки.

Во всех странах тысячи европейцев следили за Муссолини, изучали фашизм, восхищаясь порядком, блеском, дерзостным порывом и достижениями в общественно-политической области.

«Хорошо бы, чтобы и у нас было так»! — задумчиво повторяли они. Множество недовольных, и прежде всего молодежь, истосковавшаяся по идеалу и действию, жаждали того, чтобы кто-нибудь поднял и повёл их так же, как это сделал Муссолини на своей родине.

Даже в Германии итальянский пример отчасти способствовал победе Гитлера. Конечно, Гитлер был самодостаточен. Он умел безошибочно угадывать настроение масс и направление действия, он обладал неоспоримой отвагой. Он ежедневно кидался в бой, рискуя своей шкурой. Формулируя понятные всем принципы, он зажигал массы, с каждым днём впадавшие всё в больший раж. Он был хитёр и вместе с тем обладал исключительными организаторскими способностями. Отец Гитлера умер очень рано, однажды утром, разбитый ударом, он упал, уткнувшись головой в опилки на полу кафе. Его мать спустя несколько лет угасла от туберкулеза. В 16 лет он остался сиротой. Никто больше не помогал ему. Он должен

был пробиваться сам. У него не было даже германского гражданства. Тем не менее, за двенадцать лет он стал главой одной из крупнейших партий Райха, а затем его канцлером.

В 1933 г., придя к власти демократическим путём, — подчеркнём это особо — с одобрения абсолютного большинства германских граждан и парламента, избранного с соблюдением всех демократических норм, где и христианские демократы, и социалисты высказались за доверие его новому правительству, он стал полновластным хозяином Германии.

Периодически проводимые плебисциты подтверждали народную поддержку с всё более впечатляющими результатами. И это была искренняя поддержка. Позднее стали утверждать обратное. Но это ложь. В Сааре, германской провинции, оккупированной союзниками с осени 1918 г., референдум был организован и проходил под наблюдением иностранных наблюдателей при поддержке иностранных войск. Гитлеру даже не разрешили появляться в этом регионе во время избирательной кампании. Тем не менее, он получил в Сааре то же триумфальное большинство (более 80% голосов), как и на остальной территории Германии. Такое же количество голосов было отдано за него в Данциге и Мемеле, германских городах, также находившихся под иностранным контролем.

Правда есть правда: подавляющее большинство германцев добровольно примкнули к Гитлеру либо ещё до его победы, либо с непрерывно возрастающим энтузиазмом пополняли ряды его партии как миллионы бывших социалистов и коммунистов, убедившись в пользе его энергичной деятельности. Он вернул работу миллионам безработных. Он влил новую силу во все области экономической жизни. Он восстановил повсюду социальный и политический порядок, строгий, но благотворный порядок. Каждый германец Райха лучился гордостью за то, что он был германцем. Патриотизма перестали стыдиться, им стали гордиться.

Утверждать обратное, твердить о том, что Гитлер не имел поддержки у своего народа, означает исказить тогдашнее состояние духа и отрицать очевидные факты.

В то же самое время Испания, оказавшаяся под властью «Народного Фронта», являла взгляду прямо противоположную картину, поражая стороннего наблюдателя бессмысленным и бесплодным насилием. Задолго до военного поражения испанский «Народный Фронт» проиграл социально. Невозможно накормить народ расстрелами ограниченных буржуа и пузатых кюре, ни тем более выкопанными из могил скелетами кармелитов, выставленных напоказ на улице Алкала.

«Народный Фронт» — и именно это важнее всего — не смог достичь в Испании даже видимости социальных реформ. Об этом никогда не должны забывать молодые испанские рабочие: с 1931 по 1936 гг. их отцы под властью красных

вожаков — оглушённые постоянной пальбой и ослеплённые видом пылающих монастырей — не знали ничего, кроме нищенских зарплат, постоянной угрозы безработицы, полной беззащитности перед болезнями, несчастными случаями и старостью.

«Народный Фронт» — которому в кои-то веки выпала возможность доказать, что левые политики защищают народ! — был обязан дать рабочим Испании зарплату, соответствующую нормальному прожиточному уровню, социальные гарантии, должные обеспечить им материальное выживание, которому угрожал эгоизм капиталистов, забастовки и кризисы, и защитить семью рабочего в случае потери трудоспособности или смерти кормильца.

В социальном плане кровавый «Народный Фронт» был полным нулём. Перед лицом постоянно растущих социальных достижений фашизма и гитлеризма его социальное и политическое банкротство бросалось в глаза всем объективным наблюдателям.

Это только подчёркивало правильность ориентации на восстановление политического и социального порядка и вредоносность демагогических, коммунистических или социалистических лозунгов, будь то в Москве, подавленной беспрерывными сталинскими чистками, или в погруженном в анархию Мадриде, где деятели «Народного Фронта», храбрые как зайцы, докатились до того, что глубокой ночью вытащили из постели и расстреляли из пулемёта главу оппозиции, депутата Кальво Сотело.

Подобная атмосфера только усиливала кризис во всех европейских странах. Безусловно, это помогло мне стремительно водрузить своё знамя на крепостной стене одряхлевшей политической системы, рушившейся в моей стране, как она рухнула до этого в других странах континента.

Несомненно, я был рождён для этой битвы.

Конечно, бывает, что счастливый случай или удачное стечение обстоятельств способствуют устранению препятствий с вашего пути, но самого по себе этого не достаточно. Необходимо обладать политическим чутьём, умением действовать в нужную минуту, использовать обстоятельства и при необходимости менять свою тактику по ходу действия, нужно обладать изобретательностью, никогда ничего не бояться и, самое главное, хранить верность своим идеям – тогда ничто вас не остановит.

Никогда за всё время моей политической деятельности я ни на секунду не сомневался в своём конечном успехе. Меня удивлял любой, кто выказывал по этому поводу хотя бы малейшие сомнения.

Располагал ли я хоть какой-нибудь могущественной поддержкой или значительными средствами?

Никоим образом. Совершенно нет. Меня никто не проталкивал, у меня не было ни одного союзника даже среди второстепенных общественных деятелей. Я добился триумфа на выборах 1936 г., выдвинув кандидатов, набранных с бору по сосёнке, без финансовой помощи со стороны каких-либо влиятельных лиц или промышленных групп.

Я родился в глубинке бельгийских Арденн, в небольшом городишке, насчитывающем менее трёх тысяч жителей. Мои родители, добрые провинциальные буржуа, и мы, семеро братьев и сестер, жили замкнутой и спокойной семейной жизнью в нашей горной долине. Река. Леса. Поля.

В пятнадцать лет я поступил в иезуитский колледж Намюра. С тех пор я начал писать и даже иногда выступал на публике. Но сколько других писали и выступали с речами! В двадцать лет, изучая право и политические науки в университете Лувена, я опубликовал несколько работ. Я выпускал еженедельную газету. У меня был свой читатель. Но во всём этом не было ничего необычного.

Затем события ускорились.

Я возглавил издательство «РЕКС» (Christus-REX, от латинского rex=царь, т.е. Христос-Царь), принадлежащее «Католическому Действию», и затем начал выпускать еженедельник «РЕКС», который за десять лет достиг поистине сказочных для Бельгии того времени тиражей: 240 000 проданных экземпляров каждого номера.

Мне пришлось проявить недюжинную расторопность. Все считают, что для организации крупного политического движения по всей стране требуются миллионы. Но денег у меня просто не было.

Я начал с публикации брошюр, в которых мгновенно реагировал на любое мало-мальски сенсационное событие.

Текст я писал за одну ночь. Я шумно рекламировал их выпуск, словно это был новый сорт мыла или сардин, покупая целые полосы объявлений в массовой прессе. Мне быстро удалось сколотить команду из четырнадцати моторизованных пропагандистов (мотоциклы были приобретены за счёт рекламы, которую я размещал в своих первых изданиях). Они разъезжали по всей стране, продавая мои брошюры руководителям школьных учреждений, которые зарабатывали на них приличные комиссионные, поручая их распространение детворе. Водители моих ревущих болидов также получали деньги, исходя из количества проданных изданий. Мне удалось достичь очень высоких тиражей: ни разу не меньше 100 000 экземпляров, а однажды даже 700 000.

Итак, всё шло как по маслу.

Когда я начал выпускать еженедельник «РЕКС», в моём распоряжении помимо моих моторизованных агентов было уже несколько групп убеждённых пропагандистов. Они сами окрестили себя рекситами. Они начали завоёвывать внимание общества, выступая повсюду, у входа в церкви и в кинотеатры. Все пропагандистские центры РЕКСА жили за счёт комиссионных с продаж еженедельника, и благодаря им покрывали все свои издержки. Вскоре наша пресса стала источником значительных доходов, покрывавших все издержки нашей деятельности.

Можно сказать, что своим стремительным развитием РЕКС обязан периодическим печатным изданиям, которые мы оперативно выпускали и столь же быстро распродавали; покупавшие их читатели сами полностью финансировали великий прорыв рексизма.

Наша борьба заставила меня создать ежедневную газету «Настоящая страна». В моём распоряжении было десять тысяч франков. Ни сантимом больше. Этой суммы хватило бы на оплату только трети стоимости первого выпуска. Надо было вкалывать. В невозможных условиях я сам писал большую часть материалов для газеты – около трехсот страниц дважды в месяц.

Но газета прорвалась к читателю, и после нашей победы её тираж достиг потрясающей цифры: в октябре 1936 г. в среднем более 200 000 экземпляров ежедневно, эта цифра заверялась официальным протоколом, составляемым судебным приставом каждую ночь.

Но политическое завоевание страны должно опираться на устное слово, в той же мере, как и на письменное. Никогда ни в Бельгии, ни в любой другой стране не было политического движения, которое сумело бы собрать слушателей без значительных затрат со стороны организаторов. Но мои материальные возможности не позволяли мне тратить такие суммы. Поэтому мне надо было найти слушателей, готовых самим платить за возможность меня выслушать, как я уже нашёл читателей, готовых платить за возможность меня читать. Я искал аудиторию, которая не стоила бы мне ничего.

Плакаты, зазывающие на марксистские собрания, приглашали к выступлению своих противников, хотя никто не рисковал сунуться туда для этого, опасаясь за целостность своих костей. Я стал приходить туда регулярно. Каждый вечер я был там.

«Это Леон!» — перешептывались в толпе. Вскоре меня уже знала значительная часть публики. Даже драки, затеянные с целью прекратить мои визиты, шли мне на пользу, поскольку они подробно освещались в прессе. Мои кости, если не считать проломленного в 1934 г. черепа, остались целыми. Тем

временем, ряды наших пропагандистов, вдохновленных нашими идеями, раззадоренных прямыми действиями и связанным с ними риском, росли: в них тысячами вливались самые пылкие юноши, самые красивые и великолепно сложенные девушки. Таков был Rex-Appeal, как сказал бы король Леопольд.

Теперь я мог проводить собственные собрания. Собрания, которые с самых первых дней стали платными. Это было неслыханно, но я твёрдо стоял на своём. До последнего дня каждой избирательной кампании бельгийские слушатели выкладывали ежедневно самое малое по пять франков, чтобы послушать меня. Объяснял я это просто: аренда зала стоит столько; реклама – столько, отопление – столько, освещение – столько, общая сумма – столько, каждый платит свою долю; всё просто и ясно.

Таким образом, за три года я провёл несколько тысяч собраний, по несколько за каждый вечер, каждое по два часа или больше, всегда в присутствии оппонентов. Однажды мне пришлось выступать четырнадцать раз, с семи утра до трёх часов ночи следующего дня.

Я выбирал как можно более вместительные залы, такие как Дворец Спорта в Антверпене (35 000 мест) и Дворец Спорта в Брюсселе (25 000 мест). Получалось более 100 000 франков за каждое выступление! Я также провёл шесть крупных собраний подряд за шесть дней, назвав эту кампанию «Шесть дней» (по аналогии со знаменитым бельгийским велотуром) и собрав рекордную сумму из когда-либо ранее полученных от мероприятий, проводившихся под крышей крупнейшего велотрека Бельгии – 800 000 франков прибыли! Я арендовал заброшенные заводские корпуса. В Ломбеке на окраине Брюсселя я провел митинг на открытом воздухе, который собрал более 60 000 слушателей: 325 000 франков прибыли!

Эти деньги ничего не значили для меня. Будучи главой РЕКСа, я не взял себе ни сантима. Деньги важны лишь как средство для действия. Но у нас было и другое средство, не требующее ни гроша, но не менее могущественное.

Недостаток денег мы компенсировали фантазией. Наши пропагандисты расписывали мосты, деревья, дороги. Они использовали для этого даже стада коров, бродящих вдоль линий железных дорог, украсив их бока тремя огромными красными буквами REX, подняв настроение пассажирам, восхищённым неожиданным зрелищем. За год, безо всякой поддержки, благодаря нашему упорству, готовности к самопожертвованию и вере, силами нескольких тысяч юношей и девушек мы перевернули всю Бельгию. Согласно предвыборным прогнозам старых политиков, мы не должны были получить ни одного места в парламенте: мы получили сразу тридцать одно! Некоторые из нас были ещё совсем детьми. Наш кандидат, обошедший в Рэне министра юстиции, только в день выборов достиг возраста, позволяющего принимать участие в них! Мы доказали на деле, что воля и, прежде всего, великий идеал, ведущий вас вперёд, могут всё преодолеть и всё победить. Победа достаётся тому, кто стремится и верит.

Я говорю это для того, чтобы ободрить тех пылких молодых людей, которые сомневаются в своём успехе. На самом деле, тот, кто сомневается в успехе, никогда не добьется его. Тот, кто вступает в бой с судьбой, носит в себе неведомые силы, которые наверняка когда-нибудь откроют проницательные и пытливые ученые, но которые не имеют ничего общего с физическим и психическим устройством обычного существа.

«Если бы я был таким же, как и другие, я бы по сей день продолжал пить пиво в Коммерческом Кафе» — сказал мне как-то Гитлер в ответ на моё шутливое замечание, что для гения нормально быть ненормальным человеком. Муссолини также не был «нормальным» человеком. Не был «нормальным» и Наполеон. Когда поддерживающие его анормальные силы покинули его, его политическая карьера рухнула столь же стремительно, как падает на землю орёл с перебитыми крыльями.

Муссолини в последние годы своей жизни — это было заметно и производило трагическое впечатление — метался, как судно, плывущее без компаса по бурному морю, готовому в любой момент поглотить его. Когда же его наконец накрыла смертельная волна, он без сопротивления погрузился в пучину. Его жизнь кончилась тогда, когда неведомые силы, сделавшие его Муссолини, перестали питать его тайной кровью. Тайная кровь. Всё дело именно в ней. В жилах других людей течет обычная кровь, анализ которой позволяет распределить её по группам. При удачном стечении обстоятельств они становятся неплохими генералами вроде Гамелена, хорошо разбирающимися в штабных интригах и охотно участвующими в них, или прилизанными политиками, вроде Пуанкаре, аккуратными, прилежными и дисциплинированными как налоговый сборщик. Они ничего не ломают. Человечество, состоящее из нормальных людей, для решения высших задач выдвигает из своих рядов лучших специалистов, идёт ли речь о государстве, об армии или строительстве небоскрёба, автострады или создании компьютера. Уровнем ниже этих умов, наделённых выдающимися способностями, но, тем не менее, нормальных, пасётся огромное стадо обычных существ, не отличающихся никакими талантами. Именно они составляют человечество – несколько миллиардов человеческих существ, наделённых средним умом и средней душой, живущих средней жизнью.

Но вдруг однажды небо страны озаряет яркая молния – появляется человек, не похожий на других, исключительный человек, хотя не сразу можно точно понять, в чём состоит его исключительность. Эта молния пробуждает в огромной массе людей прежде дремавшие силы родственной природы, которые в ответ на испытанный удар приходят в движение и, хотя и в меньшем масштабе, также способствуют преображению жизни. Люди начинают действовать под влиянием сил, с которыми они никогда ранее не сталкивались в своей нормальной жизни и о существовании которых они даже не подозревали.

Гениальный человек, как бы его не звали — Александром или Чингисханом, Магометом или Лютером, Виктором Гюго или Адольфом Гитлером, — служит

своего рода мощным передатчиком и приемником этих сил. Гениальные вожди народов, гениальные волшебники цвета, звука или слова, все они в той или иной мере следуют неотвратимому року. Вероятно, некоторые безумцы также являются гениями, но гениями, которые, не выдержав напряжения, сорвались, поскольку какие-то шестеренки в загадочном механизме гениальности то ли сломались, то ли с самого начала были поставлены неправильно. О внутренней природе гениев учёные, медики, психологи пока ещё не знают почти ничего. Гения нельзя создать искусственным образом, никакой, даже самый напряжённый труд, не сделает человека гением. Гениальность представляет собой до сей поры неизученное физическое и психическое состояние, особый случай, встречающийся один на сто тысяч или миллион, или даже сто миллионов людей. Именно поэтому его появление всегда ошеломляет окружающих. И именно поэтому столь смехотворными выглядят суждения обычных людей об исключительном человеке, во всём их превосходящем. Когда я слышу, как примитивные людишки с уверенностью небожителей высказывают своё мнение о Гитлере или Ван-Гоге, Бетховене или Бодлере, я иногда с трудом удерживаюсь от смеха.

— Что они в этом понимают?

Главное ускользает от них, поскольку они не обладают той таинственной силой, которая составляет сущность гения, будь то гений абсолютный, в котором эта сила достигает наибольшего напряжения, или гений частичный, гениальность которого ограничена либо более слабой и недостаточно развитой волей к экспансии, либо направленностью на какую-либо узкую область.

Гений, добрый или злой, хотим мы того или нет, является закваской для пассивного и однообразного человеческого теста. Без этой стимулирующей добавки тесто осядет и не поднимется. А Природа отпускает её крайне скупо. К тому же, чтобы этими семенами высшей жизни удалось оплодотворить однородную, инертную и саму по себе бесплодную массу, в тысячи раз превосходящую их в количественном отношении, необходимо благоприятное стечение обстоятельств. Без гения, время от времени подобно удару молнии пронзающего мир, он навечно остался бы миром безликих служащих. Только гений иногда позволяет миру убежать от посредственности и преодолеть самого себя. Когда молния угасает, мир вновь погружается в серость, и только новая вспышка сможет когда-нибудь вывести его из этого состояния.

Именно поэтому эпоха фашизма, озарённая вспышками подлинной гениальности, была столь пленительной. В исключительных обстоятельствах появлялись преобразователи народов исключительного масштаба, благодаря которым мир готовился испытать один из самых необычных поворотов в своей Истории.

— Все кончилось плохо?

Можем ли мы быть уверенными в этом?

После краха Наполеона всем также казалось, что всё кончилось плохо, однако сделанное им навеки наложило свой отпечаток на нынешний лик человечества. Смогли бы мы без Гитлера хотя бы приблизиться сегодня к использованию атомной энергии? Существовала бы сейчас реактивная техника? А ведь именно эти изобретения положили начало коренному изменению нашей эпохи.

Если проанализировать всю ситуацию целиком, то надо признать, что если гений по имени Гитлер, с одной стороны, спровоцировал катастрофы, то с другой, он, безусловно, привел также к коренному изменению того пути, которым идёт человечество. Новый мир, родившийся из гитлеровской трагедии, за несколько лет привёл к необратимым и крупнейшим за последние пять веков переменам в условиях жизни, в индивидуальном и общественном поведении, в науке и экономике, в методах и способах производства.

Возможно, Гитлер был всего лишь детонатором, который спровоцировал гигантский взрыв нашей эпохи и потряс современный мир. Как бы то ни было, мир испытал встряску. Возможно, не будь Гитлера, мы ещё на протяжении сотни лет оставались бы теми же степенными мелкими буржуа, какими мы были в первой четверти нашего века.

С 1935 г. взлёт Гитлера был неизбежен. Гений не останавливается. Начался обратный отсчёт перед стартом, в котором должны были принять участие все страны; каждая на свой лад и иной раз неосознанно вносила свой вклад в сборку механизма, из которого должен был возникнуть новый мир. Одни — отрицательный, как, например, Франция и Британская Империя, другие — положительный.

Но какой ясновидящий мог в 1936 г. представить себе, что одряхлевший мир, в котором мы тогда жили, движется к столь коренному изменению? Сам Гитлер, в котором клокотали неведомые силы, движущие его подлинной жизнью, понимал ли он, какая судьба ждет всех нас и лично его?

Я, как и другие, думал тогда только о своём народе, который надо было вытащить из политического болота, спасти морально и политически. В 1936 г. родная страна повсюду ещё оставалась альфой и омегой для каждого гражданина. Французский премьер-министр Пьер Лаваль ни разу в своей жизни не бывал в Бельгии, находящейся в двухстах километрах от Парижа! Муссолини никогда не видел Северного моря. Салазар не знал, какого цвета Балтийское море.

Правда, мне довелось побывать в Азии, Африке, Латинской Америке. Я был в Канаде и в США. Но я не особо распространялся об этом, побаиваясь прослыть легкомысленным непоседой.

На самом деле тогда не существовало ни международного, ни даже европейского духа. Единственный международный орган того времени, Лига Наций, расположенная в Женеве, походила на болтливую и бестолковую старуху, о которой воспитанные люди говорят со снисхождением. Примерно на протяжении двадцати лет она объединяла главных государственных мужей Европы. Один лишь Бриан предугадывал в ней неясные черты будущей единой Европы, но его концепция была слишком расплывчатой. И это был практически единичный случай. Несомненно, не будь Гитлера, Европа ещё долгое время оставалась бы в прежнем состоянии, когда каждая страна действовала исключительно в пределах своей собственной территории.

Менее чем за три года старый континент претерпел полное изменение. В мгновение ока Гитлер вознёсся над Европой, словно атомный гриб, грандиозный и ужасающий, заполнив собой всё небо, рассеяв свою радиацию вплоть до самых дальних океанов.

Глава 4
Расколотая Европа

– Если бы вы вовремя взяли власть в Бельгии, смогли бы вы остановить вторую мировую войну?

На первый взгляд, этот вопрос кажется совершенно нелепым, ведь Бельгия это небольшой лоскуток земли, расположенный на северо-востоке континента. Что могла бы сделать страна, площадью всего в тридцать тысяч километров, учитывая масштаб тех интересов, которые преследовали как итало-германская сторона, так и франко-английская… Так что?…

И, тем не менее, это «так что…» звучит не столь однозначно, как могло бы показаться на первый взгляд. Между двумя западноевропейскими блоками, готовыми схватиться в рукопашной, стояла только одна страна, способная воспрепятствовать им – Бельгия, и она же могла стать полем битвы этих двух великих противников.

Будучи главой государства и обладая единственным на то время средством международной пропаганды – радио, при помощи ежедневных передач можно было остановить французских милитаристов из «Народного фронта», которые подталкивали Париж к прямому столкновению с Третьим Райхом.

Сторонники войны во Франции составляли меньшинство, причём крайне незначительное меньшинство. Это стало понятно, когда после подписания мюнхенских соглашений в сентябре 1938 г. министр Даладье, приземлившись на аэродроме Бурже, вместо ожидаемых им помидоров и тухлых яиц был встречен парижским народом с исступлённым восторгом, настолько поразившим его, что этот просвещённый добрый пропойца начал запинаться от изумления. Это стало ещё понятнее во время войны в Польше. Франция, несмотря на щедрую выпивку, полагающуюся во фронтовых условиях, неохотно взялась за оружие. Она сражалась плохо в 1940 г. не только потому, что гитлеровская стратегия на уровень превосходила стратегию неповоротливого и отставшего на век французского генштаба, но поскольку она совершенно не понимала целей этой войны и не обладала духом для её ведения.

Если бы удалось ежедневно просвещать французский народ с 1936 г., возможно он понял бы проблему воссоединения единого Райха, столь неосмотрительно разделённого после 1918 г. Французы обладают живым умом. В политике они способны прислушаться к разумным доводам. Они смогли бы понять, что для них же было бы лучше самим вовремя выступить с предложением об окончательном и справедливом урегулировании проблемы германских границ и особенно Данцига, города, произвольно отсоединённого от Райха. Города, где 99% жителей проголосовало за Гитлера, но которому во имя «демократии» и вопреки

сделанному им выбору, было запрещено воссоединиться со своим отечеством, с которым его роднила общность истории, расы, языка.

Но в чём тогда состоит право народов распоряжаться собственной судьбой? С другой стороны, Данциг представлял собой узкое горлышко, через которое новая Польша получала доступ к морю.

Понятно, что было совершенно немыслимо, чтобы такая великая страна как Германия оставалась навечно разделённой пополам, чтобы её жители могли встречаться лишь пересекая чужую территорию в пломбированных вагонах.

Польша со своей стороны имела право свободного продвижения вплоть до Балтики.

И, тем не менее, эта сложная проблема польского коридора имела довольно простое решение.

Оно состояло в проведении совместного польско-германского плебисцита, который гарантировал бы обеим странам, как победившей, так и проигравшей в ходе избирательного состязания, свободу перемещения по автостраде, соединяющей две части Райха, если бы германцы проиграли, или обеспечивающей полякам выход к Балтийскому морю, если бы они выиграли.

Несомненно, найти решение, подобное предложенному здесь, или какое-либо другое, также равно удовлетворяющее все стороны конфликта, было бы гораздо проще, чем воплотить в жизнь экстравагантные планы по сосуществованию, которые были навязаны в 1919 г. столь разным народам, соперничающим и даже нередко враждующим между собой – миллионам чехов, словаков, галицийцев и венгров, делившим между собой древние склоны Богемии; миллионам поляков, украинцев, жидов и германцев в разнородной Польше, где ни один народ не имел национального большинства. Или Югославии, населённой ненавидящими друг друга хорватами, сербами и болгарами, которые чаще мечтают о том, как порвать друг друга в клочья, нежели о том, чтобы слиться в дружественных объятиях.

Чтобы найти приемлемое решение проблемы Данцигского Коридора, не было никакой необходимости дожидаться 30 августа 1939 г., когда всё пространство Восточной Пруссии от Померании до Силезии уже огласилось рокотом моторов нескольких тысяч танков!

Франция предоставила яркие доказательства своего дипломатического мастерства накануне 1914 г., когда сумела уладить англо-французские разногласия и заключила франко-русский союз; она подтвердила эти способности вновь уже во времена де Голля, по сути отказавшись занять ту или иную сторону в борьбе двух непримиримых блоков. Равным образом она могла бы применить это умение и в 1936 г. для мирного решения этой германской головоломки.

К тому же, Гитлер в 1936 г. ещё не был рычащим Гитлером 1939 г. Я встречался с ним на протяжении всего этого времени, поскольку интересы моей страны, зажатой между несколькими европейскими государствами, требовали налаживания ясных и разумных отношений со всеми ведущими игроками европейской политики. Поэтому я конфиденциально встречался со всеми основными государственными деятелями европейских стран – с французами Тардье и Лавалем, итальянцами Муссолини и Чиано, германцами Гитлером, Риббентропом и Геббельсом, испанцами Франко и Серрано Суньера, и англичанами Черчиллем и Сэмюэлем Хором.

В августе 1936 г. я имел продолжительный разговор с Гитлером. Встреча прошла великолепно. Он был спокоен и уверен в себе. У меня же за плечами были мои двадцать девять лет, плюс смелость и отвага.

«Никогда ещё мне не доводилось встречать такого человека среди людей его возраста» – несколько раз повторил Гитлер Риббентропу и Отто Абецу после нашего разговора. Я воспроизвожу эту оценку не для того, чтобы по-павлиньему распустить хвост, но чтобы показать, что мы быстро угадали друг в друге родственные души, и он с интересом выслушал всё, что я говорил ему на протяжении нескольких часов в присутствии Риббентропа.

Так что же я ему предложил? Ни много ни мало, как устроить встречу между Леопольдом III и Гитлером в Эйпен-Мальмеди, другой земле, которая в соответствии с Версальским договором также была отчуждена от Германии, но на этот раз в пользу Бельгии по результатам откровенно сфальсифицированного плебисцита – те, кто был не согласен с этим решением, должны были публично подтвердить своё несогласие в письменном виде, тем самым рискуя добровольно внести себя в список будущих подозрительных лиц!

Кто в таких условиях решился бы на это?

Напрасно по всей Бельгии радостно ударили в колокола, празднуя так называемое присоединение! Это было недальновидным решением, вся несостоятельность которого не замедлила бы сказаться в ближайшее время. Поэтому, на мой взгляд, необходимо было постараться упредить возможные претензии и закопать топор войны в том самом месте, где существовала опасность, что он будет пущен в ход.

Гитлер сразу согласился с моим предложением – провести плебисцит, подготовительная кампания к которому должна была ограничиться совместным выступлением глав двух государств перед собранием местных жителей, где каждый из них вежливо и публично изложил бы свою точку зрения по этому вопросу; после проведения плебисцита должно было состояться второе собрание на тех же условиях, где, независимо от результата, главы обеих стран скрепили бы примирение двух их народов.

Если Гитлер – даже больше, чем Леопольд III, которому я сделал аналогичное предложение – был склонен пойти на это мирное решение, то в 1936 г. у него было ещё больше оснований согласиться с планом по совместному мирному решению проблемы австрийских, чешских, датских и прочих границ, не говоря уже о дружеском соглашении с Польшей, которая с 1933 г. примирилась с Райхом, и, с другой стороны, состояла в дружеских отношения с Францией, каковая в этом случае могла бы стать прекрасным посредником для достижения окончательного урегулирования.

Учитывая, что незадолго до этого маршал Петен и маршал Геринг уже встречались и именно в Польше, в подобном развитии событий не было ничего невозможного.

С 1920-го г. не было ни одного государственного деятеля, который сомневался бы в неразумности решений, принятых по результатам первой мировой войны по поводу Данцига, польского Коридора и Силезии.

Решения, принятые тогда, были несправедливы, так как основывались либо на принуждении, либо на результатах сфальсифицированных плебисцитов.

Ещё до того, как возник вопрос об аншлюсе и Судетах, следовало принять иное, тщательно продуманное и разумное решение, поскольку тогдашняя обстановка, как в Польше, так и в Германии, способствовала высокому уровню сотрудничества. Дошло до того, что когда президент Гаха, отвергнутый словаками, доверил Гитлеру 15 марта 1939 г. решить судьбу Богемии, Польша под командованием полковника Бека приняла участие в военном вторжении, захватив тешинский край в Чехии. Тогдашней Польше было бы трудно отказаться от серьёзных переговоров со своим весенним союзником.

Без провокационного вмешательства англичан в конце апреля 1939 г., посулившего полковнику Беку – человеку физически и финансово испорченному – «банку варенья и ящик печенья», подобное соглашение вполне могло бы состояться.

Достаточно было воззвать к здравому смыслу французов. Гитлер публично навечно отказался от Эльзаса-Лотарингии. У него не было ни малейшего намерения скрестить шпаги с непригодной для ассимиляции Францией, то есть, говоря другими словами, не представляющей никакого интереса для захватчика.

Со своей стороны, Франция также не могла ничего выиграть от этого столкновения. Насколько плодородные восточные земли искушали Гитлера – искушение, которое Западу, желающему избавиться от германской угрозы на ближайшие сто лет, стоило бы скорее поощрять, побуждая его двигаться в этом направлении – настолько же заведомо бесплодная война с Францией не пробуждала в нём ни малейшего желания.

Глава бельгийского правительства, – сын, внук и правнук французов – объясняющий французам всю жизненную значимость их роли как посредников, как это неустанно делал бы я, сидя перед микрофоном в радиостудии, смог бы оказать влияние на умы французов.

Как бы то ни было, я бы попытался сделать невозможное.

До самой смерти я не перестану жалеть о том, что мне не удалось успеть захватить власть вовремя, пусть даже она давала мне лишь минимальный шанс сохранить мир. Я бы использовал этот шанс с максимальной эффективностью. Моё страстное стремление к миру продиктовало бы мне необходимые слова. Французский народ хорошо чувствует звучание слов. И он был достаточно зрел для понимания того языка, на котором я бы к нему обратился.

И можете мне поверить, самое удивительное здесь заключается в том, что именно Гитлер виновен в том, что добыча ускользнула из моих рук, в том, что мне не удалось вовремя взять власть железной рукой; власть, которую я бы уже никому не отдал. Его стремительное вторжение в Австрию, в Судеты, в Чехию и начавшийся вслед за этим раздрай с Польшей напугали бельгийское общество и оборвали моё восхождение к вершине власти. Но, несмотря на это, в тогдашней прессе обо мне постоянно писали как об орудии Гитлера, как о марионетке Гитлера. Я никогда не был ничьей марионеткой, ни Гитлера, ни кого-либо ещё, даже во время войны, когда я сражался бок о бок с германскими войсками на восточном фронте. Это подтверждают все тайные архивы Третьего Райха. Никогда, ни в 1936 г., ни позднее, я не получал от Гитлера ни одного пфеннига, ни одного приказа. Да и сам он никогда и ни в чём не пытался повлиять на меня.

Напротив, позднее, обеспокоенный смутными политическими перспективами войны, я без обиняков высказывал ему свои сомнения. Его основной переводчик, доктор Шмидт, обычно присутствовавший в этом качестве при наших беседах, уже после войны сам рассказывал в прессе о том, что я разговаривал с Фюрером так смело и резко, как не осмеливался никто другой перед лицом этого собеседника.

Он относился к этому терпеливо, иногда подшучивая надо мной.

«Леон», – говорил он мне во время войны, когда я отстаивал интересы своей страны, в чём бы они ни заключались, – «в конце концов, это не вы сотрудничаете со мной, а я сотрудничаю с вами»!

И это действительно было похоже на правду.

Наша маленькая страна могла легко утратить свою идентичность в Европе, не имеющей чётких границ. Я всегда настаивал на необходимости соблюдать уважение ко всем аспектам жизни, характерным для нашего народа – к его единству, к его обычаям, его вере, его двуязычию, национальному гимну и флагу. Во время

кампании в России я никогда не допускал того, чтобы какой-нибудь германец, пусть даже лично мне симпатичный, командовал моими подразделениями или даже просто обращался к нам на германском. Сначала мы должны были отстоять свою самостоятельность. А что будет потом, посмотрим.

Даже с Гитлером я разговаривал исключительно на французском (которого Гитлер не знал), что, говоря между нами, давало мне время поразмыслить, пока мне переводили то, что я уже понял. Конечно, Гитлера это не могло обмануть.

«Fuchs»! – однажды, смеясь, сказал он мне, заметив хитринку в моих глазах. Но он не возражал против этих увёрток, давая мне время на обдумывание каждой моей реплики.

Впрочем, в 1936 г. ситуация была совсем другой. Тогда Гитлер был для нас неизвестным германцем. Время крупных операций по объединению германских земель ещё не наступило. Реоккупация левого берега Рейна, который должен был отойти германцам задолго до этого, выглядела логично и не вызвала особого беспокойства. Быстро перешли к подсчёту доходов и потерь, поэтому эту проблему быстро списали со счета.

На момент победы РЕКСа (в мае 1936 г.) европейский барометр показывал прекрасную погоду. В ходе нашей избирательной кампании имя Гитлера ни разу не было упомянуто ни одним конкурентом. Все бельгийские партии, вступившие в сражение, были погружены в проблемы внутренней политики. В нашей программе того времени – тексты которой, пожелтевшие от времени, все еще можно найти – подробно и жёстко критиковались старые политические партии, обсуждалась реформа государства (власть, ответственность, сроки правления), необходимость построения социализма и обуздания крупных финансовых воротил. Но там не было ни слова о международной политике.

Даже в течение долгих месяцев после нашей победы в 1936 г. наша позиция ограничивалась одобрением политики нейтралитета, позволяющей нашей стране уклониться от участия в каких-либо опасных союзах – и разве не также действовал позднее де Голль перед лицом двух «блоков», сформировавшихся после войны? – и держаться в стороне от начинавшей разгораться ссоры между демократиями старого образца (Франция, Англия) и новыми демократиями (Германия, Италия). Под нашим давлением эта политика нейтралитета быстро стала официальной политикой Бельгии.

Это явно свидетельствует о том, что в международной политике рексизм совершенно не ориентировался в прогитлеровском направлении. Безусловно, нас живо интересовали великие реформы, проводимые национал-социализмом и фашизмом. Но мы оценивали их исключительно как наблюдатели и не более того.

По правде говоря, меня больше притягивала Франция. Моя семья была родом оттуда, также как и моя жена, сохранившая французское гражданство. Мои дети могли выбрать страну проживания. И они все единодушно высказались за Францию. С 1936 по 1941 гг. я только один раз побывал в Берлине, но сотни раз в Париже.

Думаю этого достаточно, чтобы покончить со всеми разговорами о руке Германии, деньгах Германии, приказах из Германии! Мы были нейтральны. Ни с германцами, ни с французами – строжайший нейтралитет по отношению к завязавшейся схватке, от которой наша страна не выигрывала ничего и вмешательство в которую сулило нам только тумаки от обеих разгорячённых противников.

И всё же весной 1936 г. вероятность этого столкновения ещё не стояла столь чётко в европейской повестке дня. Мы получили несколько недель отсрочки. Но уже летом лавина обрушилась.

Сначала во Франции, где на выборах победил Народный Фронт. Власть перешла к вожаку левой коалиции. Леон Блюм, благодаря своим марксистским убеждениям и жидовскому происхождению, был заклятым врагом всего, связанного с именем Гитлера. Его ненависть к нему – ослепляющая ненависть – доходила до того, что он предрекал поражение Гитлера буквально накануне того, как тот пришёл к власти!

Часть министров из его команды, как мужчины, так и женщины, также были жидами. Их любовь к Франции вряд ли можно было назвать особенно страстной – один из них, по имени Жан Зей (Zay), этакий Мефистофель в очках, как-то раз даже назвал французский флаг подтиркой для задницы. Но их страстная ненависть к Гитлеру была воистину неистовой и безграничной. Мгновенно возросла напряжённость.

Под их вдохновенным руководством кампания ненависти, сопровождаемая антигитлеровскими провокациями, быстро набирала обороты.

Горячо поддерживаемый жидовской пропагандой, Народный Фронт яростно набрасывался на всех правых, как за границей, так и во Франции. Так мне, только потому, что я придерживался политики нейтралитета, они приписали поддержку Гитлера. Они натравили на меня свору тайных агентов французской разведки, активно действующих в Бельгии, которые обильно тратили миллионы, заработанные на коррупции, на обнищавших и жадных до денег журналистов и светских деятелей.

Спустя месяц ситуация ещё более накалилась – национальная Испания поднялась против испанского Народного Фронта, родного брата французского Народного Фронта.

Испании и Бельгии, не имевшим общих границ, делить было совершенно нечего. Восстание было необходимым, справедливым и священным, как в том же году было заявлено сначала испанским епископатом, а затем и Ватиканом. Гражданская война была крайним средством, но ужасы правления Народного Фронта заставили национальную Испанию прибегнуть к нему.

Фаланга, как организация католического толка, была очень близка к рексизму, как политически, так и духовно. Хосе Антонио Примо де Ривера даже назначил меня в 1934 г. фалангистом номер один за рубежом. Восставшая испанская армия отстаивала те же патриотические и моральные идеалы, что и рексизм.

И всё же, всё же, — если французский Народный Фронт, Советы и весь марксистский Интернационал встал на сторону поджигателей и душителей, если они яростно поддержали их, в изобилии поставляя им французские самолеты и русские танки, если они послали тысячи добровольцев, – безумцев вроде Мальро, кровавых мясников вроде Марти и прочих тюремных подонков – так почему же мы, патриоты и христиане, не должны были испытывать симпатии к таким же патриотам и христианам, как мы, травимым и преследуемым на протяжении пяти лет террора и вынужденным взяться за оружие ради собственного выживания?…

Итак, первый очаг европейской войны вспыхнул. Никто не спешил затушить разгорающийся костёр. Наоборот, пожар разрастался. Германцы и итальянцы, русские и французские коммунисты перешли от обмена словами к обмену взрывчаткой, пытаясь использовать испанское поле битвы, чтобы в кровавой схватке решить свои споры. 1936 г. заканчивался плохо для мира. Нервы были на волоске – 1937 г. должен был стать поворотным в судьбе Европы.

С этого времени Гитлер, которому не должно было быть никакого дела до избирательных планов рексизма, начал регулярно ставить нас в глупое положение, каждый раз, когда нам требовалось усилить наше влияние, чтобы благодаря новым завоёванным голосам мирным путём прийти к власти.

Это была моя хорошо продуманная позиция – никакого насильственного захвата власти. Никогда в мирное время я не носил с собой оружия. Меня можно было встретить в любом месте Брюсселя безо всякой охраны. Я ходил на мессу, в ресторан или в кино со своей женой – она была моей единственной защитой, полной обаяния и любезности.

Вместе с детьми мы совершали многокилометровые прогулки по лесу. Я всегда испытывал физическое отвращение к любым телохранителям. Я всегда верил в свою звезду. Со мной никогда ничего не случится. Да, к тому же, где гарантии того, что я успею выхватить пистолет из кармана прежде, чем нападающий нанесёт свой удар.

Народ недолюбливает телохранителей, поскольку они повсюду привносят с собой атмосферу подозрительности. Надо искренне доверять ему. Я в одиночку на трамвае отправлялся на красные сборища самого худшего толка. Конечно, инцидентов хватало, и нередко они носили довольно комичный характер. Но избранный мною способ был верен. Народ прямодушен сердцем. А поэтому лучше обращаться к его чувству гостеприимства и дружелюбия, чем оскорблять его запугиванием.

Настолько же, насколько я стремился завоевать массы сердцем, никогда не прибегая к демонстрации силы, настолько же всё моё существо противилось идее прибегнуть к вооружённой силе для захвата власти в моей стране.

А у меня была эта сила; в октябре 1936 г. самый известный и любимый народом глава бельгийской армии генерал Шардон письменным приказом перевёл все свои войска в моё подчинение и предложил перебросить их поездами особого назначения в Брюссель. За час путь был бы расчищен силами элитного подразделения арденнских стрелков. Король – как объяснил его секретарь писателю Пьеру Дайе (Daye), нашему депутату – распорядился бы не оказывать сопротивления.

Я поблагодарил генерала, но отказался от его предложения.

Несомненно, если бы я мог предугадать, что международные события застанут меня врасплох, я принял бы его. Вряд ли можно было ожидать заметного сопротивления со стороны обеспеченных людей. Как бы то ни было, единожды приняв решение, я одолел бы все препятствия, не особо стесняя себя: для меня спасение моей страны и сохранение мира в Европе стоили гораздо больше, чем истерические вопли нескольких марксистских вожаков, которым быстро заткнули бы рот. Но в глубине своей души я был уверен, что смогу справиться с ситуацией, не прибегая к насильственным мерам. Мне больше нравилось убеждать, привлекать на свою сторону по свободному согласию, заражая их своим энтузиазмом.

Мне было всего двадцать девять лет, но тысячи людей были готовы поддержать меня. Спустя несколько месяцев, руководители фламандских националистов поддержали предложенную мной концепцию федеральной Бельгии. Их депутаты и сенаторы, обладавшие почти таким же количеством мест в парламенте, что и мои, сблокировались с рексистами. Почему же это мирное развитие не могло привести нас к окончательной победе безо всякого насилия? Ещё одна-две избирательных кампании, сопровождаемых мощными пропагандистскими акциями, и я пришел бы к власти без единого выстрела, опираясь исключительно на согласие и любовь абсолютного большинства моих соотечественников.

Мне не хватило совсем немногого.

И повторю, в том, что мне это не удалось, прежде всего и более всего виноват Гитлер, который перешёл от стадии внутреннего переустройства Райха к стадии выдвижения международных требований, что заставило многих наших избирателей испуганно вернуться под крыло старорежимных партий. В начале 1937 г. напряжение в Европе опасно возросло благодаря непрерывной усиливающейся браваде со стороны французского Народного Фронта. Гитлер отвечал на выпады своих врагов всё более яростными проклятиями, всё более жёстким сарказмом, всё более прямыми угрозами.

За шесть месяцев Европа разделилась на два лагеря. Это был не добровольный, а вынужденный выбор. Нас, не имевших никаких, ни политических, ни финансовых связей с Третьим Райхом, чуть ли не силой заставили встать на сторону германцев, несмотря на всё наше нежелание присоединяться к ним.

Я до сих пор помню, как покидая митинг левых зимой 1936-1937 г., впервые услышал фразу, брошенную мне в спину одним красным манифестантом: «Убирайся в свой Берлин!». Это была абсолютная клевета. Тем не менее, обеспокоенный, я обратился к присутствующим там моим друзьям: «Это плохой знак, этот крик». На следующий день вся марксистская пресса повторяла то же самое. С тех пор, несмотря на наши непрекращающиеся протесты, нас занесли в список людей Берлина!

Но настоящая катастрофа состояла в том, что Гитлер, разозлённый проводимой против него кампанией, начал терять терпение, злиться, нападать первым!

И каждый очередной его бросок, будь то в сторону австрийского Дуная, судетских гор или прекрасных барочных мостов Праги, словно автоматически приходился на самый разгар избирательной кампании РЕКСа, что плохо способствовало тому, чтобы окончательно перетянуть бельгийцев на нашу сторону.

По вполне понятным причинам Бельгия сохранила ужасные воспоминания о несправедливом и жестоком вторжении 1914 г. Поэтому каждое военное вторжение Новой Германии в соседнюю страну, даже мирное, даже воспринятое с восторгом, как это было, например, в Австрии, повергало бельгийских избирателей в состояние транса.

«Убирайтесь в Берлин!» – хором кричали нам крайне-левые пропагандисты, прекрасно понимая силу воздействия этого лозунга как на валлонских, так и на фламандских избирателей! И они трусливо бросали нам в лицо эту клевету, уверенные в своей безнаказанности. «Убирайтесь в Берлин!», в то время как этот самый Берлин своими военными действиями неизменно ввергал в панику наших потенциальных избирателей в самый решающий момент избирательной кампании.

Когда в 1937 г. я уговорил бельгийского премьер-министра Ван Зеланда провести избирательный плебисцит в Брюсселе, яростный вопль «Убирайтесь в Берлин!» преследовал нас на протяжении всей кампании. А завершилась она чудовищным ударом, который нанёс мне малинский архиепископ, использовав свой архиепископский посох как приклад ружья, настроенный против Гитлера, ещё более решительно, чем даже Леон Блюм и все вместе взятые жидовские организации.

Кардинал Ван Рей был здоровым, грубо отёсанным фламандским крестьянином, «молчуном» и упрямцем, из-под облачения которого доносился густой, стойкий запах. Кто-то из недолюбливающих его прихожан окрестил его Носорогом. Лига защиты животных скромно промолчала по этому поводу.

Его архиепископский дворец, наводящий удручающую тоску, наводняла горбатая, косая, хромая, мрачная и молчаливая челядь, нанятая за гроши. Перед начищенной воском деревянной парадной лестницей кудахтала разношёрстная домашняя птица.

«Мои цыпочки» – угрюмо бормотал архиепископ без какой-либо задней мысли. Это было единственное зрелище, которое он позволял себе в качестве развлечения.

Он обращался со своей паствой как фельдфебель армии Фридриха Великого с нерадивыми новобранцами. При малейшем нарушении дисциплины он заставлял своих братьев-монахов с покаянным видом простираться ниц перед столом своего начальника, своей священной туфлей отпихивая всякого, кто осмеливался предстать перед ним иначе, как со склонённой головой и глазами, опущенными долу. Сегодня из него сделали бы чучело и, предварительно обработав, чтобы отбить присущую ему вонь, поместили бы в музей. Но тогда он царил.

Помимо его каменной непробиваемости по отношению к неверующим, которая с духовной точки зрения казалась мне чудовищно-карикатурной, мы с ним повздорили по поводу одной курочки, курочки не простой, а золотой; причём, судя по размеру тех золотых яиц, которые она несла, это была уже не курица, а целый страус.

Речь шла о миллионах франков, украденных у бельгийского государства. Я в высшей степени настроил против себя Его Высокопреосвященство, разоблачив – среди многих других – финансово-политическую афёру, в которой с самого начала была замешана одна гнусная мелкая банковская акула по имени Филипс (Philips), гном с багровым лицом и огромным сизым, бугорчатым носом, увенчанным фиолетовой бородавкой.

Этот Филипс щедро подкармливал церковных иерархов (шесть миллионов франков в 1934 г.), используя их для рекламы собственного банка. Его щедрость была вызвана тем, что благодаря коррупции правящей католической партии ему удалось добиться согласия Штатов на астрономические финансовые «вливания» (их

коллеги социалисты в то же время добились аналогичных субсидий в пользу своего «Рабочего Банка», стоявшего на грани банкротства). Я разоблачил эту грабительскую афёру. Я заставил этих «банкстеров» плюхнуться носом в собственные нечистоты, вываляв их в грязи на глазах у всей Бельгии.

Филипсу не оставалось ничего другого, как попытаться привлечь меня к суду. Я выиграл дело. Я заставил его уйти из политической жизни Бельгии, буквально пинками вытолкав его за дверь Сената. Он очутился на улице со своим бесчестьем, своей фиолетовой бородавкой и отчётливым отпечатком моих сапог на дрожащих ягодицах.

«Вонючее дерьмо»! – крикнул я ему вслед, выпихнув эту кардинальскую подстилку на потеху зевакам. Однако этот прогоревший мошенник пользовался открытой защитой и покровительством кардинала-примаса Бельгии. Как болтали некоторые нескромные языки за стенами архиепископского дворца, они были неразлучной парочкой. Никогда ни с кем не обменявшийся улыбкой кардинал при виде этого безобразного прохвоста расцветал в улыбке, как будто ему явился сам ангел.

Их отношения была настоль близки, что архиепископ, этот заядлый домосед, ради него ночевал вне своего дома, проводя уикенд в роскошном замке банкира, расположенном в прекрасной долине. В моём распоряжении оказались фотографии, запечатлевшие этих двух пройдох, с набожным видом прогуливающихся по грабовой аллее, и кто знает, читали ли они вместе библейские псалмы, или менее ангельски обсуждали растущие проценты, полученные епархией за счёт торговли церковными должностями.

Несколькими годами раньше, когда этот банкир ещё не пользовался известностью в политических кругах, кардинал Ван Рей приказал католическим парламентариям переизбрать его сенатором на место уже выбранного выдающегося правого интеллектуала Фермена ван ден Босха (Firmin van den Bossche).

Естественно, с учётом всех этих обстоятельств, схватить Филипса за шкирку и пинком под зад отправить его кувыркаться в воздухе, пока он не плюхнулся на груду своих отныне бесполезных миллионов, было с моей стороны настоящим святотатством! Я совершил поистине неслыханное преступление. Никаких небесных молний не хватило бы на то, чтобы наказать меня за этот кощунственный поступок.

Моя «дерзость» возросла настолько, что я не ограничился расправой над этим любимым избранником Его Преосвященства. Я пошёл дальше и с тем же священным пылом разделался с несколькими коллегами вышеупомянутого сенатора, такими же ханжами, ворами и распутниками, которые шлялись по дорогим притонам с таким видом, будто они совершают святое таинство.

Я нацелился на вожаков, нанеся первый сногсшибательный удар по главе католической партии, государственному министру Полю Сегерсу, тщеславному и крикливому прислужнику, с мертвенно-бледным лицо ханжи, который в перерыве между молитвами охотно запускал свою руку в государственную кассу и, в том числе, в «Сбербанк», где хранили свои сбережения простые люди.

Со стороны главы католической партии крупных буржуа, чванящихся своей высокой нравственностью, такое лицемерие выглядело особенно гнусным. Это были типичные представители прогнившей элиты, которые с напыщенным видом разыгрывают высокую добродетель. И я ударил по Сегерсу. Во время ежегодного собрания его партии, на котором он председательствовал, я буквально ворвался на трибуну. Это случилось – боги иногда проявляют чувство юмора – 2-го ноября, в день поминовения усопших.

Я привёл с собой триста молодцов, готовых на всё.

За полчаса моего выступления министр Сегерс превратился в кусок дерьма. Это стало самым громким скандалом в довоенной Бельгии.

Так же как и Филипс, Сегерс подал на меня в суд, потребовав выплаты в три миллиона франков на восстановление «своей чести и достоинства». Восстановления чего?! Какой чести? Кто из этих политиканов и финансовых мошенников мог иметь хоть какое-то представление о чести?

Суд состоялся. Я был только триумфально оправдан (хотя, видит Бог, тогда я совершенно не разбирался в «тонкостях» правосудия!), а Сегерс, государственный министр, был осуждён как заурядный прохвост.

«Вы – знамя католической партии!» – воскликнул обращаясь к нему накануне процесса сенатор по имени Струйе (Struye), смахивающий телосложением на провинциального парикмахера, с жабьей физиономией, украшенной очками. Эта очкастая жаба, после «Освобождения», обретя на старости лет призвание к мясницкой работе, отомстила за приговор, вынесенный в своё время его «знамени», приговорив к расстрелу более сотни наших товарищей.

Предвоенная бельгийская демократия практически ничем не отличалась от других демократических режимов того времени, слабых и подверженных всем искушениям.

Все они были замешаны в скандалах того времени – достаточно вспомнить дело Бармата (Barmat) в Германии, Ставиского во Франции (оба, к слову сказать, были жидами).

Но каждый раз полицейские власти спешно заметали все следы этих грязных делишек. Бармат ранним утром был найден мертвым в своей камере. Ставиский

другим ранним утром был застрелен в упор сыщиками, взявшими накануне ночью в осаду его виллу в Шамониксе, которые, тем самым, сняли тяжкий груз ответственности с орды левых политиканов, щедро осыпавших его деньгами Франции в обмен на собственную безопасность.

В Бельгии – и никто никогда мне этого не простит – я не спасал Стависких, будь они валлонцами или фламандцами, и не позволил бы никому спасти их. Напротив, я держал их грязные головы под водой до тех пор, пока на поверхности не появлялся последний пузырёк.

Но всякий раз, когда я устранял очередного прогнившего политика, прикрывающегося своим «католичеством» – что меня возмущало больше всего! – моё новое «преступление» вписывалось в чёрную книгу кардинала.

Боже мой, но ведь именно он должен был с треском выкинуть их из церквей! Однако нет, виновником был я, честный католик, который выкидывал прочь этих финансово-политических прохвостов, трусливо прячущихся в исповедальнях!

В декабре 1936 г. кардинал обратился в Ватикан, пытаясь добиться осуждения рексизма. Он потерпел поражение. Схоронившись за спинами своей хромой, горбатой и косой прислуги в своём епископском дворце, он пристально следил за каждым моим шагом. Он поджидал своего часа.

Выборы-плебисцит Ван Зеланд против Дегрелля, состоявшиеся 11 апреля 1937 г., наконец предоставили ему возможность исподтишка нанести мне удар из-за угла. Буквально в последние минуты избирательной кампании, когда предпринять ответные меры было просто технически невозможно, он внезапно выкинул трюк, достойный времён средневековья.

Человек, носящий митру на голове, со свирепостью и крайней нетерпимостью, которых сегодня более не может позволить себе ни один публичный католический деятель, бросился в чисто выборные склоки, где католичеству было совершенно нечего делать, выступив urbi et orbi [везде, на весь мир; ко всеобщему сведению] с грозным заявлением, откровенно запрещающим голосовать за меня!

Но и это ещё не всё. Вдобавок ко всему, он открыто, пригрозив осуждением в грехе, запретил верующим воздерживаться от голосования или голосовать против всех, к чему были склонны многие бельгийские католики, которые, даже не будучи сторонниками РЕКСа, тем не менее, не хотели отдавать свои голоса кандидату, выдвинутому крайне левыми партиями, который, к тому же, по слухам также был замешан в очень грязной финансовой афёре.

Скандал разразился уже летом того же года. Стало известно, что кардинальский протеже с несколькими своими сообщниками не постыдился втайне

присвоить жалования крупных чиновников «Национального Банка», которые числились умершими по спискам гражданского состояния, но которых Ван Зеланд и его клика продолжали числить в живых в списках жалованья государственного банка Бельгии!

Ван Зеланд и его шайка прозвали эту чёрную кассу «кубышкой». Они бесстыдно опустошали её каждый месяц, обворовывая государство, и вдобавок к этому, благодаря этим махинациям утаивали налоги!

Политико-финансовые нравы демократов до 1940 г. были таковы, что человек, использовавший мертвые души чиновников, чтобы набить свои карманы за счёт государства, мог стать премьер-министром!

Ван Зеланд – губы гузкой, с рукой, прижатой к сердцу, – клялся своим избирателям-католикам, что он защитит Отечество и Честь перед лицом рексистской угрозы! Надо было слышать как этот плаксивый и чопорный лже-апостол, более острый на язык, чем миллионы бритвенных приборов «Жилетт», разыгрывал из себя мученика за демократию: «Я спокойно и безмятежно иду своим путём, невзирая на все козни, его затрудняющие»!

Попробуйте-ка с десяток раз быстро повторить эту тарабарщину: «Я спокойно и безмятежно иду своим путём, невзирая на все козни, его затрудняющие!». Затем он возводил умилённый взор к небесам, населённым праведниками и архиепископами!

И что же! Этот торговец «мёртвыми душами» банковских чиновников, несомненно, был чемпионом среди борцов с «фашизмом» накануне Второй мировой войны!

Чтобы спасти его от поражения, которое, судя по результатам опроса общественного мнения, проведённого министерством внутренних дел за три дня до выборов, было неизбежно, кардинал за несколько часов до выборов принялся размахивать своим пастырским посохом, как троглодит своей дубиной.

Угрожая осуждением в грехе, он вынудил сто тысяч брюссельских католиков проголосовать за этого карманного воришку, который, как выяснилось в том же 1937 г., был по уши замешан в скандале, связанном с упомянутой «кубышкой», и должен был – навсегда! – покинуть свой пост главы бельгийского правительства, тогда как многие из его коллег-некрофилов из «Национального банка» – во главе с министром – покончили жизнь самоубийством с интервалом в несколько дней; казалось, что от Брюсселя до Антверпена прозвучала настоящая канонада револьверных выстрелов!

Но тогда, 11 апреля 1937 г., хранитель «кубышки» Ван Зеланд, осыпанный благословениями, взошёл победителем на подмостки антинацизма. Понятно, что

принадлежность к католической церкви серьёзно осложняла мою политическую жизнь. Будь я неверующим, мне не пришлось бы испытать на себе это отвратительное давление, этот шантаж верующих со стороны лица, принадлежащего к высшему духовенству, которое использовало свой пастырский посох как дубину. Или я просто дал бы пинка этому политиканствующему прелату, заставив его кувыркаться в воздухе, вместе с его митрой, его туфлями и его золоченым посохом!

Я был бы менее связан условностями, менее изолирован и не сталкивался бы с такими трудностями, поскольку католичество того времени было довольно узколобым, мстительным, нетерпимым и нередко даже провоцирующим. Повсеместно оно ставило нам преграды. Оно исказило наш облик. Оно оттолкнуло от нас миллионы честных людей. И оно подвергало нас неслыханным унижениям, подобным тому, что пришлось испытать мне накануне 11 апреля 1937 г., благодаря этому безумцу, налетевшему на меня со своим посохом, который, веря в своё божественное право, считал себя всемогущим владыкой всего, включая свободу избирателей.

На следующий день после избрания Ван Зеланда парижская «l'Intransigeant» вышла с огромным заголовком на всю страницу – «Крест победил Свастику!». Подобный заголовок в франкмасонской газете говорил о многом! Он вполне соответствовал настроению бельгийских коммунистов, которые в день своей победы приветствовали итоги выборов криками: «Чёрт побери, да здравствует кардинал!». Леон Блюм пригласил триумфатора в Париж. Его приняли там как бельгийского Баярда, поднявшегося против Гитлера.

Здесь стоит упомянуть один забавный факт, о котором узнали только позднее, а именно то, что основным кредитором этого епископа-антигитлеровца был тот же человек, который финансировал гитлеровские организации в Германии – причём в обоих случаях речь шла об одинаковой сумме в шесть миллионов франков.

Это был некий магнат по фамилии Сольвей (Solvay), который, будучи крупным капиталистом, одновременно финансировал оба соперничающих, по его мнению, клана, с расчётом контролировать как один, так и другой, и при любом исходе обеспечить свою безопасность!

Благодаря этим интригам и сотнями бочек святой воды, приправленной желчью, вылитых на меня, благодаря клевете и подстрекательским крикам – убирайтесь в Берлин! – безустанно звучащим из уст разжигателей войны в Лондоне и Париже, я проиграл Ван Зеланду, хотя и набрал на 40% голосов больше, чем в предыдущем году.

Спустя шесть месяцев я скинул Ван Зеланда, разоблачив перед бельгийской общественностью его афёру со знаменитой «кубышкой». Но зло было сделано, ложь о моём сотрудничестве с Берлином затормозила моё продвижение к власти.

Почуяв, как сильно этот лозунг действует на публику, орда бельгийских марксистов, затеявших на меня охоту, разукрасила всю Бельгию плакатами, на которых я был изображён в остроконечной каске, наподобие той, которую носили германцы в 1914 г., то есть в то время, когда я был ещё мальчишкой!

От одних выборов до других моим изображением в этой каске оказались заклеенными чуть ли не все стены в Бельгии. Марксистская пресса не останавливалась ни перед чем, даже перед самой чудовищной ложью. Левацкие газеты опубликовали поддельные фотографии, на которых глава нашей парламентской фракции стоял на почётной трибуне во время одного из нацистских собраний в Нюрнберге в окружении знамён со свастикой!

В архивах новостных агентств мы обнаружили оригинал этой фотографии, где, вместо нашего депутата, был запечатлён сам Гитлер! И это фото в качестве доказательства наших связей с Германией демонстрировали в бельгийском парламенте! Но уже не было никакого смысла ни возмущаться этой подделкой, ни протестовать. Парламентарии либо притворялись глухими, либо хоронили документы. Всё было пропитано ненавистью к германцам. Нас заклеймили германцами! Германскими марионетками! Передовым отрядом германцев, которые с нашей помощью со дня на день захватят Бельгию!

Вторая мировая война закончилась. Все архивы Третьего Райха были захвачены и изучены. Никому не удалось обнаружить ни малейшего следа, свидетельствующего о наличии каких-либо связей РЕКСа или лично меня с дипломатией или пропагандой Третьего Райха до германского вторжения 10 мая 1940 г.

С 1937 г. мы намеренно избегали всяких контактов как с итальянцами, так и с германцами – о чём сегодня можно только пожалеть, поскольку полезные контакты с этими странами могли бы очень пригодиться. Но их не было. Вместо того чтобы набирать новые голоса, нам пришлось отступить, с нарастающей тревогой наблюдая за тем, как Бельгию, вслед за остальной Европой, охватывает антигитлеровская истерия, и как вместо того, чтобы проявить осторожность и сдержанность, она в ослеплении несётся к готовой её поглотить пропасти.

В сентябре 1939 г., после захвата Польши и объявления войны Райху со стороны Франции и Германии, ещё оставалась слабая надежда на то, что Бельгия, сохранив политику нейтралитета, останется вне конфликта.

Но спустя несколько недель эти шансы испарились. В начале ноября 1939 г. между главнокомандующим французской армии Гамеленом и бельгийским военным атташе в Париже, генералом Делвуа (Delvoie), было заключено соглашение, секретное соглашение!

Французский подполковник по фамилии Откёр (Hautecoeur) с согласия вышестоящего начальства был отправлен с секретной миссией в Бельгию как доверенное лицо союзнических войск. Гамелен с давних пор был решительным сторонником ввода французской армии в Бельгию; в своём письме премьер-министру Даладье от 1-го сентября 1939 г. он говорил о том, что это «единственный путь» для развития наступательных действий, который к тому же: «позволит отодвинуть войну от границ Франции, особенно от наших богатых восточных границ».

Как позднее, оправдываясь, объяснял Гамелен: «Высшие интересы требовали попытаться привлечь на сторону союзников двадцать бельгийских дивизий, поскольку падение рождаемости на нашей родной земле не могло обеспечить нас равным количеством солдат» (Servir, t.III, p. 243). «Естественно», – продолжает он: «я держал в курсе этих официальных и тайных переговоров президента Даладье и британские власти».

«Бельгийцы всегда выказывали согласие с моими предложениями» – пишет он в заключении (Servir, t.I, p.89).

Со стороны главнокомандующего Гамелена этот манёвр был вполне оправдан. Он был главой союзнической коалиции и стремился выиграть войну самым надёжным способом и с наименьшими потерями. Он действовал в соответствии с этими императивами. «20 сентября мы приняли решение вступить в контакт с бельгийским правительством» (Servir, t. I, pp. 83 et 84). Мы – это Даладье, английский министр промышленности, лорд Хенки (Hankey), и военный министр, Хор Белиша (Hore Belisha), по совпадению жид.

Это решение было выполнено. «В начале ноября», – продолжает Гамелен, исключительно искренний в своих признаниях, – «мы пришли к согласию с бельгийским высшим командованием» (Servir, t.I p. 84). Никто не рискнул опровергнуть эти столь недипломатичные высказывания. «Генерал Гамелен вел тайные переговоры с бельгийцами» – уточняет Черчилль («L'Orage approche» (Буря приближается?), стр.89). «Ему придали в распоряжение бельгийских офицеров связи для обеспечения совместных действий франко-британских войск во время их вступления на бельгийскую территорию», что восьмью годами позже открыто признал Пьерло (Pierlot) на страницах «Le Soir» от 9 июля 1947 г., добавив: «вступление союзнических войск в Бельгию было предварительно оговорено по взаимному согласию».

В политике почти всё оправдано. Но тогда не стоило разыгрывать из себя пламенных сторонников нейтралитета, как это лицемерно делало бельгийское правительство! И, в первую очередь, нужно было позаботиться о том, чтобы эти хитроумные манёвры не были раскрыты! В политике роскошь обмана может позволить себе только тот, кто твёрдо уверен, что никто не сможет его на этом поймать. Между тем, с самого начала 1939 г. Гитлер был полностью в курсе

происходящего: «Наши тайны», – как меланхолично признается Гамелен: «не были большим секретом для германской разведки» (Servir, t.I, pp. 96 et 97).

В частности, это касалось соглашения о секретном сотрудничестве, заключённом с бельгийским правительством. 23 ноября 1939 г. Гитлер во время совещания в Канцелярии проинформировал об этом своих генералов, командующих армиями: «На самом деле бельгийского нейтралитета не существует. У меня есть доказательство тайного соглашения между бельгийцами и французами» (Документ 789 P.S. из Нюрнбергских архивов.). У него было ещё одно доказательство этого сотрудничества. В годы войны, во время одной доверительной беседы, Гитлер сказал мне: «На той же неделе я узнал об этом из двух разных источников». Он получил два донесения о соглашении, заключённом с главнокомандующим Гамеленом, одно от своего информатора из Генштаба союзников, другое от своего доверенного лица в самом французском правительстве!

Конечно, Гитлер в любом случае оккупировал бы Бельгию. Маленькая страна не могла стать препятствием на пути его военной машины в час решительного наступления. Но если тогда у него ещё сохранялись угрызения совести, то в ноябре 1939 г. он смог отбросить их без особого труда, поскольку бельгийский нейтралитет был чистой ложью и обманом.

Мы, рекссисты, не зная об этих тайных и, откровенно говоря, довольно грязных интригах, продолжали, жертвуя всем, сражаться за сохранение нейтралитета, каковой, по нашему мнению, оставался последней возможностью сохранить мир. И эта возможность существовала, подтверждением чему служит то затруднительное положение, в которое попало во Франции правительство Рейно, которое в самый разгар этой «странной войны» удержалось в самый последний момент благодаря преимуществу всего лишь в один голос («и даже тот был подтасован» – как заметил позднее президент Эррио). Лаваль, который наверняка должен был сменить его, был готов пойти на переговоры.

Однажды вечером я отправился к королю Леопольду III в его дворец в Лекене. Меня сопровождал генерал Жак де Дисмюд (Jacques de Dixmude). Монарх принял меня в непринужденной обстановке, облачённый в рейтузы для верховой езды. Мы вместе набросали основы для проведения рексистской кампании в прессе, целью которой была пропаганда сохранения нейтралитета среди бельгийской общественности.

Однако я почти не сомневался, что буквально накануне в том же кресле, где сидел теперь я, сидел секретный представитель французского высшего командования в Бельгии, также как и я, явившийся к королю тайком! Что сказали бы бельгийцы, если бы на месте этого агента Гамелена оказался бы полковник Вермахта в роли тайного посланника Гитлера при правительстве, объявившем о своём нейтралитете? Двойная игра была налицо.

Двойная, а точнее, тройная игра, поскольку в марте 1940 г., поняв, что дело пахнет жареным, король Леопольд III, сделав крутой поворот, пошёл на новую тайную сделку, послав в Берлин к министру Геббельсу своего доверенного человека, бывшего министра, социалиста де Мана. В августе 1940 г. он сам рассказывал мне, что его миссия у нацистского министра состояла в том, чтобы подтолкнуть германцев к вторжению на юг Бельгии с целью стремительного передвижения к Седану, Сомме и Аббевилю. Но Гитлер сам уже продумал этот вариант развития событий! Как бы то ни было, эта история многое объясняет. В частности то, почему 28 мая 1940 г. Леопольд III не сбежал в Лондон. Он был уверен в том, что не пройдёт и нескольких часов, как Геббельс в своём выступлении по радио раскроет эту сделку! Короче говоря, всё было кончено! Игра началась!

Благодаря провокациям и намеренному нежеланию договариваться, сторонники войны на Западе достигли своих целей, заставили доведённого до крайности Гитлера высунуться из своего логова. Между тем, в 1954 г. (в Будапеште) и в 1968 г. (в Праге) с Советами они вели себя совершенно иначе!

Таким образом, «ненужная и глупая» (по словам Спаака) война началась. 10 мая 1940 г. мощная бронированная армада Гитлера выбила двери Запада, раздавив под своими гусеницами на протяжении более тысячи километров дискредитировавшие себя, продажные и неисправимо прогнившие демократические режимы.

Глава 5
Гитлер на тысячу лет

Никогда ни один народ не был так ошеломлён и охвачен паникой и растерянностью, как французы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, когда 10 мая 1940 г. войска Третьего Рейха вторглись в их страны. Хотя, естественно, все должны были понимать, к чему идёт дело. Польские события сентября 1939 г. были достаточно красноречивы. «Через пять дней наши войска войдут в Берлин» – за неделю до начала первого действия этой драмы заявил человечек с усами а-ля Дали и налитыми кровью глазами.

Поляки могли бы потянуть время, охладить горячие головы в своей стране, поймать Гитлера на слове и пусть только для вида пойти на переговоры, которые он предлагал им за день до начала вторжения. В Польше наступала осенняя распутица: по меньшей мере, можно было отсрочить стремительный натиск, грозивший поглотить их страну. В дипломатии, время – царь. У хорошего дипломата всегда должно быть наготове множество доводов, позволяющих отсрочить угрозу.

Но Польша, вплоть до самой катастрофы, находила странное удовольствие в том, чтобы пренебрегать Гитлером, в сговоре с которым она ещё совсем недавно отхватила от обобранной Чехословакии жирный кусок в виде Тешена.

Англичане, видя как на всех Балканах исчезают их пешки, вместо того, чтобы высказать своё неудовольствие по поводу участия поляков в разделе чехословацких земель, поспешили вскружить им голову безумными обещаниями. Британские интересы перевесили моральные соображения. Но в сентябре 1939 г., когда поляки, распалённые Лондоном, оказались захваченными, соблазнившие их англичане не появились ни в Данциге, ни в Варшаве, и Польша потерпела сокрушительный крах.

Свидетелем этой катастрофы стал весь мир. Но союзнический штаб не предпринял никаких ответных действий. Главнокомандующий Гамелен, не пожелавший 1 сентября 1939 г. выполнить свои обязательства, поспешил торжественно заявить о поддержке поляков, но тут же оговорился, что ему понадобиться ещё двадцать три дня, чтобы его штабисты успели доварить «кашу из топора», необходимую для подготовки французского наступления.

Что до англичан, то прошло несколько недель, прежде чем они выгрузили в порту Кале первый груз сигарет для своих будущих сил вторжения… во Франции. «Мы просушим наше исподнее на линии Зигфрида» – хвастливо заявляли они тогда, когда это английское исподнее ещё лежало на лондонских складах в нафталине! Как бы то ни было, ни тогда, ни потом, ни один британский солдат не появился на Висле.

Советские войска, а не англичане, спустя почти шесть лет вышибли германцев из Польши, присоединив её к себе!

Пока же ефрейтор Гитлер обвёл вокруг пальца всех хвастливых западных штабистов, включая своих собственных. Все эти блестящие высокопоставленные профессионалы в погонах, увешанные звенящими железками, считали, что им, как обычно, будет достаточно стряхнуть пыль с вытащенных из сейфов пухлых папок, в которых хранились загодя приготовленные и педантично разработанные планы. Но ефрейтор-«бродяга» оставил без дела этих гениальных бумагомарателей.

Эти стратеги-болтуны в 1939 г. даже не могли помыслить ни о чём ином, кроме проведения локальных операций на севере польской территории. Само собой, они всё знали. Но именно ефрейтор, простой ефрейтор, сумел своим умом дойти до тактики блицкрига: совместного использования огня танковых дивизий при массированной поддержке авиационной артиллерии.

Поляки даже не успели наполнить чернилами ручки, чтобы, как они обещали, после захвата Берлина послать победоносные открытки своим восхищенным подружкам, как с неба на них обрушились «Штуки», уничтожившие все жизненно необходимые для обороны объекты, разделав их в пух и в прах и открыв путь для танкового наступления.

С первого же дня вторжения все возможности коммуникации внутри Польши были уничтожены или обречены на уничтожение. В первую же неделю гигантские клещи бронетанковых соединений Гитлера, действующих под прикрытием авиации, сжали польскую армию, образовав ловушку, в которой отчаянно бились миллионы обречённых польских рыбёшек, уже готовых всплыть брюхом кверху.

В конце сентября 1939 г. полковник Бек, который ещё недавно намеревался в эти дни поить своего коня из Шпрее и опустошать погреба Horcher, бежал в Румынию, бросив свой обескураженный народ под властью оккупантов.

Это была настоящая революция в методах ведения войны, которая происходила на глазах у сотен миллионов зрителей двух континентов. Но что с того! Разве это заслуживало хоть малейшего внимания?! Ведь генерал на то и генерал, чтобы знать всё! Ефрейтор же по определению не знает ничего! Пусть с военной точки зрения весь опыт, накопленный за века штабными специалистами, оказался никчёмным, они по-прежнему не желали учиться ничему, особенно у нижестоящего, у какого-то нищего бродяги!

Поэтому 10 мая 1940 г. главнокомандующему Гамелену в его ставке в Венсенне пришлось читать донесения, доставленные голубиной почтой, в окружении умолкнувших и ставших бесполезными телефонов, в то время как мощная армейская группировка наземных сил в сопровождении авиации с ужасающей скоростью и эффективностью во второй раз применяла революционную

стратегию, разработанную ефрейтором-недоучкой и ранее использованную при вторжении в Польшу, которую военная бюрократия континента отвергла с ледяным презрением.

За одиннадцать дней германской армии удалось овладеть половиной континента – от Седана до Дюнкерка, – даже четвёртой частью которого на протяжении четырёх лет – с августа 1914 по июль 1918 гг. – не могли овладеть при помощи классического штурма и ценою нескольких миллионов погибших.

Сто тысяч молодых германцев, – во французской кампании 1940 г. принимали участие только германцы – использовав стратегию, разработанную командующим ими ефрейтором, заткнули рот двум тысячам французских генералов, ещё недавно исполненных самодовольства, и двум миллионам их солдат, поверженных и разбитых в прах благодаря новой военной науке.

За польской кампанией сентября 1939 г., которая должна была стать уроком для остряков, последовала норвежская кампания апреля 1940 г. В берлинской канцелярии в течение восьми часов ефрейтор Гитлер держал в напряжении перед огромной настенной картой Скандинавии командующих всех частей, включая батальонных командиров, которые должны были принять участие в беспрецедентно дерзкой высадке, излагая им свой план, разработанный им в обстановке полной секретности.

Только вообразите себе эту картину! Вручив нескольким крупным генералам, носящим монокль как знак отличия, приказы, отпечатанные в нескольких экземплярах, главнокомандующий без золотых погон самолично объяснял каждому офицеру, задействованному в операции, поставленную перед ним задачу, указывая ему расположение его части на карте и заставляя вслух повторять отданные распоряжения и точно пересказывать тот манёвр, который он должен будет выполнить. Это было нечто! В зале был установлен богатый буфет, где каждый проголодавшийся без церемоний мог выбрать себе бутерброд по вкусу и съесть его, стоя в двух шагах от Фюрера!

Предварительно Гитлер сам втайне обследовал на корабле всё побережье, где должно было состояться вторжение. Он знал каждую бухту, предназначенную для высадки. Сам агент 007 не мог бы справиться лучше! Молодые офицеры покидали канцелярию, ошеломлённые простотой приёма у главнокомандующего.

Они были исполнены решимости. Они видели, что операция была тщательно подготовлена знатоком, настоящим мастером своего дела. Операция была завершена за несколько дней, в то время как англо-французскому экспедиционному корпусу, выдвинувшемуся раньше войск Гитлера, связанному своими обозами, пришлось морозить ноги в снегу и чесать в затылке под бомбами «Штук». Все блестящие планы и прогнозы западных штабных суперспециалистов пошли коту под хвост. Спустя шесть месяцев после падения Варшавы генштабисты Гамелена опять

выставили себя на смех, погребённые под завалами останков старой военной науки, столь же монументальной и мёртвой, как египетские пирамиды.

И что же! Они продолжали подшучивать в салонах Венсенна над забавным ефрейтором, который притязал на то, что знает больше специалистов в военной науке, в теории и на практике! Через месяц после начала кампании во Франции этим специалистам пришлось либо, подобно генералу Жиро, свалиться в изнеможении на травку в лагере для военнопленных, либо, распластавшись на брюхе, пыхтя, проползти тысячи километров с мокрыми штанами, срывая свои портупеи, едва отдышавшись, только добравшись до последних укреплений в пиренейских горах.

Миллионы беженцев, охваченных безумием, за восемь дней проделали тот же путь, который велосипедисты «Тур де Франс» с гораздо большим трудом одолевали за месяц. Растерянные и изнурённые, они бросали за собой груды чемоданов, каракулевых шуб и умерших от изнеможения стариков, чьи трупы разлагались на солнце среди почерневших туш лошадей и коров.

Они были живым, – а точнее агонизирующим – образом старого одряхлевшего мира, который поглощал новый мир, новый телом и новый духом. Это было не просто поражение, это были похороны Европы, Европы отцов, дедов и прадедов, это было вторжение нового поколения, взирающего на мир чистыми глазами, как в начале Творения.

Молодые германцы также могли оказаться в один день поверженными – и так оно и произошло. Но они совершили необратимое, они уничтожили целую эпоху, возможно, добрую для зажиточных людей, вроде Бони де Кастеллана (Boni de Castellane) или для педерастов типа Пруста, но злую для других, трупную эпоху, над которой уже кружили тысячи мясных мух, когда старый маршал Петен, пожевав усы, в конце июня 1940 г., в последнюю неделю авантюры, поднял белый флаг, Гитлер впервые в жизни задрал голову к куполам парижской Оперы и склонил голову перед порфирной могилой Наполеона, розовой ладьей, застывшей в сером мраморе. Свастика распростерла свои огненные крылья от Арктического океана до Бидасоа. Разгромленный и оглушенный своим поражением Запад ещё не успел ничего толком осознать, как всё было потеряно; весь проржавевший механизм старых стран – партии, режимы, газеты – упокоился в могильном рву, подобно груде металлолома, оставшегося от военной техники, раздавленной танковыми гусеницами и обугленной огнём. Казалось, что ни одна страна никогда уже не выберется из этой пропасти.

Только мало тогда кому известный де Голль со своего лондонского балкона склонялся к старой даме Франции, с задравшейся нижней юбкой и измятым шиньоном скатившейся на самое дно чёрной пропасти. Не считая спасительных поползновений этого пожарного, оставшегося без пожарной лестницы, не было ни одного француза, бельгийца, люксембуржца или голландца, который верил бы в воскрешение демократического мира, разлетевшегося в прах за несколько недель.

«Все думали, что Германия стала госпожой Европы на тысячу лет», – непрестанно твердил бельгийский министр Спаак, который с побагровевшей физиономией, блестящим черепом и мокрыми штанами в июле 1940 г. в унынии перекатывал свои жирные телеса из гостиницы в гостиницу по овернским долинам.

Каждый по-своему пережил случившееся. Этот месяц стал одним из самых чудовищных для нас, рексистов. Поскольку во Франции, как и в Париже, крупная пресса неустанно твердила, что мы – гитлеровцы, французская полиция набросилась на нас в первые же часы начала военных действий. Они схватили тысячи наших сторонников, бросив их в тюремные застенки и концентрационные лагеря. Нас перебрасывали из тюрьмы в тюрьму, с варварской жестокостью расправляясь с нами в залитых кровью камерах пыток – тяжёлой связкой ключей ломали челюсти, насильно удерживали открытым рот, пока туда мочились тюремщики. Я говорю о том, что пережил лично. Я был приговорён к смерти в Лилле в первую же неделю. 20 мая 1940 г. двадцать моих товарищей с юга Франции были как собаки убиты в тюремном фургоне возле музыкального киоска в Аббевиле. Никто из палачей – которыми были, увы, французские военные! – даже не знал их имён. Среди них были женщины: молодая девушка, её мать и бабушка. Прежде чем их расстрелять, им нанесли более тридцати ударов штыком в грудь! Вместе с остальными был убит и молодой священник, которому за два дня до этого озверевший охранник-садист кулаком выбил глаз.

Никто, кроме меня, из этой партии заключённых не избежал жуткой бойни, меня же оставили в живых только потому, что мои палачи воображали, что под пыткой – десять выбитых зубов только за одну ночь – я раскрою им наступательные планы Гитлера, о которых я не имел ни малейшего представления! Мне временно сохранили жизнь, поскольку разведслужбы сочли меня значимой персоной. Но развязка военного конфликта наступила столь стремительно, что благодаря судьбе я здравствую и по сей день. Однако когда я, наконец, выбрался из французских застенков, у меня, как и у других, опустились руки. Что ждало нас в будущем? Старая политическая, социальная, экономическая система Запада полетела на землю, как затрепанная карточная колода, более не пригодная к использованию. Что же теперь?

Войска Райха были расквартированы повсюду. Везде царил германский режим. Вишистская Франция летом 1940 г. представляла собой жалкое сборище выхолощенных бывших политиков и невежественных отставных генералов, которые собирались за обеденным столом в сомнительных гостиничных ресторанах города, знаменитого своей водой, и это было поистине символично, поскольку сама Франция расползлась как лужа у ног победителей. На севере, голландцы оторопело смотрели вслед своей королеве, которая задрав юбки, стремительно улепетывала в Лондон, чтобы позднее перебраться в Канаду. Великая герцогиня Люксембурга, будто сошедшая с гравюр, изображавших институток 19-го века, также удалилась на отдых в недоступную английскую деревню.

Король Бельгии, Леопольд III, неврастеник, расплачивающийся за наследственный сифилис, заперся в своем замке в пригородах Брюсселя. Единственный из оставшихся рядом с ним, бывший министр Анри де Ман, ещё действующий председатель бельгийской социалистической партии, громогласно заявил о своей поддержке Гитлера, что, впрочем, не принесло каких-либо видимых результатов. Поскольку в 1940 г. на своих местах остались только реки, де Ман довольствовался ловлей пескарей, вместо того чтобы заниматься политическими делами. Государственный строй, социальное законодательство, экономика, даже простейшие возможности заработать на жизнь – всё полетело к чертям. Наступил настоящий праздник для уголовников, которые с бритыми черепами под арестантской шапкой, в массивных башмаках на босу ногу, заполонили все дороги, весело грабя обывателей. Сотни машин скорой помощи, под завязку набитые гражданскими беженцами, с их матрасами и канарейками, разгружались в школьных дворах Лангедока и Руссильона. На всём протяжении между Фризом и Марной не осталось больше ни полицейских, ни пожарных, ни могильщиков. Они отирали пот со лба, сидя на скамейках публичных садов в Ниме или Каркассоне. Миллионы взволнованных беженцев прибывали со всех концов.

И пред всеми неотступно стоял вопрос: что будет дальше с нашей страной? Что думает, что хочет Гитлер? Аннексирует ли он нас? Посадит ли он нам на шею гауляйтеров? Но самом деле, большинство людей согласились бы на всё, лишь бы им дали возможность заработать кусок хлеба и вновь обрести кров над головой. Но для тех, для кого смыслом существования было спасение своей страны, вопрос о её выживании и будущей судьбе был как занозой в сердце, неотступно терзающей их при каждом его новом ударе.

Судьба оккупированных стран в 1940 г., будь они большими и богатыми, как Франция, или маленькими, как великое герцогство Люксембург с его тремя городами, расположенными на четырёх скалах, была в руках Гитлера и никого другого. Ещё сохранявшую свободу территорию Франции можно было захватить за сорок восемь часов. Маршал Петен, семенящий из своего гостиничного номера в лифт, обладал меньшей властью, чем кондуктор в метро или сторож, жадно лакающий свой кальвадос.

Возродиться ли когда-нибудь Бельгия? Не будет ли она в открытую присоединена к Райху? Не будет ли она расколота на две, три части, и без того соперничающие между собой? Германцы Эйпена и Мальмеди? Фламандцы, поощряемые оккупантами, готовые удариться в местечковый национализм? Валлоны, не знающие ни того, кем они были, ни тем более того, кем они будут – прежними бельгийцами или будущими французами? Германцами второго сорта? Колонизируемой территорией, которая достанется фламандцам как жизненное пространство?

Наконец распростившись с французскими тюрьмами, истощённый, заросший и изнеможенный, я вернулся в Брюссель, охваченный глубоким отчаянием. Для

широкой публики, на которую в течение двух предвоенных лет выливались потоки лжи, я был человеком Гитлера. Однако я не имел ни малейшего представления, что он собирается делать с моей страной. Не знал я и где найти пристанище. Мое прекрасное имение было оккупировано германцами. Меня считали их человеком. Но они захватили мой дом без каких-либо объяснений. В нём расположилось пятьдесят лётчиков. Из любопытства поднявшись в свою комнату, я обнаружил, что на моей кровати развалился голышом огромный полковник Люфтваффе, красный как гигантский омар, специально изготовленный для какого-нибудь фантастического фильма. В первые дни у меня не было другого выхода, кроме как спать на походной кровати вместе с одной из моих сестёр.

Я говорил об этом десяток раз: у нас не было никаких дел с германцами. И этот громадный военный, развалившийся на моей кровати, лоснящийся от пота, был красноречивым свидетельством нестабильности моей судьбы и опровергал все разговоры о неких планах, существующих на мой счёт в Великом Райхе. Мы были националистами, но бельгийскими националистами. А Бельгия на тот момент была в глубокой заднице. Её будущее было совершенно непредсказуемым, тёмным, как туннель, оказавшись в котором вы даже не знаете, не замурован ли выход из него, и настанет ли тот день, когда он откроется вновь.

Такова была моя личная трагедия как главы националистов, вернувшегося в свою страну, оккупированную армией чужого государства, возглавляемого человеком, с которым, согласно молве, я был тесно связан. Но на самом деле я долгое время даже не знал, какое политическое устройство готовит он для новой Европы, создаваемой им железной рукой, и на каких условиях должны войти в неё наши страны. Какую судьбу уготовил он моему народу? Это было для меня абсолютной загадкой.

Глава 6
Вместе с германцами

Последние месяцы 1940 г. и начало 1941 г. не принесли ничего нового для большинства европейских стран, включая Бельгию. С голландцами всё было ясно. Они, безусловно, должны были стать частью Великой Германии. То же самое со всей очевидностью относилось к великому герцогству Люксембург. Что касается французов, то они докатились до того, что под насмешливым взглядом захватчиков грызлись между собой с таким ожесточением, которое, несомненно, принесло бы им гораздо больше пользы, если бы они проявили бы его, сопротивляясь германцам в июне 1940 г.

Маршал Петен, решившийся пойти на сотрудничество с Гитлером, не слишком высоко ставил своего премьер-министра Пьера Лаваля, которого германцы недолюбливали и чей внешний вид – грязные ногти, пожелтевшие зубы, иссиня-чёрные волосы – вызывал неприязнь у Гитлера, хотя посол Абетц, бывший тогда в милости в Берхтесгадене, ценил его за свойственные ему ловкость, добродушие, чисто овернское умение торговаться и приспосабливаться. Саркастичный Лаваль, с неизменной сигаретой под подпаленными усами, отвечал Петену тем же и обращался с маршалом как со старым солдатским мундиром, выброшенным на свалку.

Короче говоря, это был полный бардак. Он длился до последнего дня пребывания вишистского правительства во Франции и даже за пределами Франции, когда они, оказавшись в изгнании, бродили по мрачным коридорам замка Зигмаринген, единственными обитателями которого были огромные и зловещие рыцарские статуи, закованные в тяжёлые доспехи.

Оставались мы, бельгийцы, и наше положение было самым сложным. Я восстановил связь с королём Леопольдом, который был взят под стражу Гитлером, но вскоре освобождён… Его секретарь, барон Капель, стал нашим посыльным. Он передал мне настоятельный совет короля – я сразу позаботился о том, чтобы зафиксировать его предложения в письменном виде – предпринять шаги для налаживания контактов с победителем.

Посол Абетц, мой колоритный друг, в гостях у которого на юге Германии я провёл неделю отдыха в 1936 г., чья жена, как и моя, была воспитанницей французского пансиона Сакре-Кёр, был крайне курьёзным типом. Особенно ему нравились нонконформисты. После завершения моей тюремной одиссеи, он неоднократно приглашал меня на завтрак или обед в германское посольство в Париже, расположенное в очаровательном дворце Королевы Ортанс (Hortense) на улице Лилль.

Мы восседали за обеденным столом, а внизу, в саду, духовой оркестр Вермахта в полном составе оглашал своей музыкой левый берег Сены ради

услаждения слуха двух молодых людей. Вдвоём мы изучили все варианты возможного будущего Бельгии. Он отправился в Берхтесгаден, чтобы обсудить эту проблему с Фюрером. Он рассказал ему о нашей встрече, состоявшейся в 1936 г., и о том впечатлении, которая она произвела на него. Он посоветовал Гитлеру пригласить меня. Он предупредил меня о том, что в Брюссель за мною со дня на день должна прибыть машина, попросив меня быть готовым в любой момент отправиться в Берхтесгаден.

Я ждал.

Мне пришлось ждать три года, прежде чем я, наконец, встретился с Гитлером. Четырежды раненный в семнадцати боях, вырвавшийся накануне из окружения под Черкасском на Украине, я оказался ночью в сумрачном еловом литовском лесу, где меня пригласили в личный самолёт Гитлера, и тот собственноручно надел мне на шею ленту с «Рыцарским Крестом». Но три года были потеряны безвозвратно. Как я узнал позднее, всё рухнуло в октябре 1940 г., поскольку фламандские руководители, подстрекаемые германской службой безопасности, мечтавшей о разделе Бельгии на две части, заявили, что договор Гитлера с валлонцем толкнет фламандскую часть Бельгии в оппозицию. Это было абсолютной глупостью и полностью противоречило истине. На выборах в 1936 г. я получил почти равное количество голосов как во Фландрии, так и в Валлонии. Более того, в 1937 г. мы достигли согласия с вождями фламандских националистов относительно наших политических программ и планов по дальнейшим действиям. Но поскольку германские разведслужбы утверждали, что договоренность со мной приведёт к вспышке вражды между двумя разноязычными группами в зоне боевых действий, служившей главной базой для воздушной войны Германии против Англии, Гитлер решил перенести переговоры на более позднее время. Мы оказались в тупике.

После отмены запланированной встречи со мной, король Леопольд вопреки уговорам попытался сам встретиться с Гитлером. Его сестра, наследная принцесса Италии, жена Умберто, бывшего в то время привилегированным союзником Райха, молодая, длинноногая, светлоглазая женщина с твердым взглядом, стала преследовать Фюрера в Берхтесгадене с той настойчивостью, которую умеют проявлять женщины; иногда крайне некстати. Гитлер, наконец, принял Леопольда III, но принял холодно. Ничего конкретного он ему не сказал. Он предложил ему чашку чая. Встреча ограничилась переливанием из пустого в порожнее, она была не более продуктивной, чем гадание на кофейной гуще. Это был полный провал. Всё, сделанное нами за зиму 1940-1941 гг., чтобы растопить германский айсберг, прочно осевший на наших берегах, закончилось ничем. Наши предложения – особенно сделанные мною во время крупного митинга, состоявшегося в «Дворце Спорта» после Нового года, – не принесли никаких результатов, кроме нескольких строчек банального отчёта в «Фёлькише Беобахтер».

А в сущности, знал ли сам Гитлер, чего он хотел? Как говорил генерал де Голль в мае 1968 г. во время революции студентов Сорбонны, требовавших его отставки, «ситуация была непредсказуемой». Продолжалась бы война против Англии? Или, как верил и говорил о том генерал Вейган: «Великобритания в любой момент могла пасть на колени, раздавленная сталью и огнём»?

А Советы? Проныра Молотов, с бегающим взглядом из-под очков, одетый как мелкий торговец, в мешковатых штанах, пузырящихся на коленях, в октябре 1940 г. прибыл в Берлин, привезя Гитлеру перечень обильных блюд, которые в ближайшее время Сталин желал видеть на своём столе. Армии Третьего Райха едва начали занимать половину Европы, как Советы вознамерились получить без затрат и без риска другую половину континента! Сталин, этот ненасытный обжора, уже извлекший выгоду из польской компании 1939 г., в один присест заглотал три балтийские страны. Ситуация повторилась в июне 1940 г., когда он сожрал Бессарабию. Теперь он требовал ни больше, ни меньше, как полного контроля над Балканами.

Гитлер был врагом номер один для Советов. Крайне неохотно, чтобы избежать с самого начала войны на два фронта, в августе 1939 г. он объявил передышку в своей борьбе против коммунизма. Но уж, конечно, он не собирался дать Советам возможность закрепиться даже на краю континента, который он только начал объединять.

Угроза была очевидной. Опасность была серьёзной и совершенно прозрачной. Гитлер не мог допустить скопления русских армий на границах Райха, рискуя однажды получить удар в спину с Востока. Необходимо было быть готовыми опередить этот подлый удар, в возможности которого не оставляли ни малейшего сомнения угрозы, сыпавшиеся из зловонной пасти Молотова, этого грязного хорька. Чтобы выиграть время, Гитлер втайне начал подготовку операции «Барбаросса», разработка которой была доверена генералу Паулюсу, позднее потерпевшему сокрушительное поражение под Сталинградом. Тем временем в Европе ситуация оставалась по-прежнему неопределённой. Внутренние разногласия между французами и стремительный отказ от политики сближения с Петеном показали Гитлеру, что необходимо выждать некоторое время, чтобы утрясти дела на Западе. Мораль различных западных народов исчезала. Их подтачивали расовые, языковые, племенные различия, и не было никакого великого дела или хотя бы великой надежды, которые могли бы заставить их воспрянуть духом.

Но для меня было очевидно – ещё два-три года подобного застоя и Бельгия созреет для исчезновения, фламандцы более-менее очевидным образом растворятся в объединённой Германии, а валлонцы, эти бесполые европейцы, ни французы, ни германцы, будут просто вычеркнуты из истории; и тихое устранение короля Леопольда, практически ставшего невидимкой, изолированного от своего народа, слоняющегося между своей пустой библиотекой и чуть более оживлённой детской, тем не менее, с политической точки зрения не могло изменить ситуацию.

Что мне оставалось делать? Надеяться на новую встречу с Гитлером? Но о ней больше не было речи. Договариваться с мелкими сошками в Брюсселе? Но они ничего не решали. Помимо прочего, они пыжились от самодовольства, присущего победителям в войне, свысока смотрящим на побежденных штафирок. Мы испытывали обоюдную неприязнь. Нужно было добиться того, чтобы в один день на равных говорить с Гитлером и победоносным Райхом. Но как это сделать? На тёмном политическом горизонте не виднелось ни малейших проблесков.

Именно в это время внезапно 22 июня 1941 г. началась превентивная война против Советов, сопровождаемая призывом Гитлера к добровольцам всей Европы принять участие в битве, которая должна была стать уже войной не только германцев, но войной, общей для всех европейских солдат. Впервые с 1940 г. возник общеевропейский план.

Отправиться на Восточный фронт?

Несомненно, скромный бельгийский контингент, который мы сумели собрать вначале, не мог бы заставить обратиться в бегство Сталина! Среди миллионов сражающихся мы были лишь горсткой. Но наше мужество могло компенсировать нашу малочисленность. Никто не мешал нам сражаться, подобно львам, проявляя исключительное мужество, что доказало бы нашим вчерашним врагам силу их теперешних боевых товарищей, и тем самым и то, что народ, к которому они принадлежат, заслуживает уважения и достоин того, чтобы однажды стать признанным народом в Новой Европе.

Наконец, другого решения просто не было.

Конечно, могли победить и союзники.

Но, скажем честно, сколько европейцев верили в эту победу осенью 1940 г. и в начале 1941 г.? Пять, десять процентов? Были ли эти пять процентов более проницательны, чем мы? Сложно сказать. Американцы, без участия которых поражение Третьего Райха в 1941 г. казалось немыслимым, продолжали придерживаться политики, выраженной в пословице: «И волки сыты, и овцы целы». В своём большинстве они явно желали остаться в стороне. Это подтверждали многократные опросы общественного мнения в США. Что до Советов, кто в 1941 г. мог представить себе, что их сопротивление окажется столь упорным. Сам Черчилль в близком кругу говорил о том, что поражение России – это дело нескольких недель.

Для европейца 1941 г. победа Гитлера была почти несомненной, почти все были уверены в том, что он действительно станет «господином Европы на тысячу лет», как заявил нам Спаак. Но тогда не в Брюсселе, Париже или Виши, увязших в мутном болоте политики выжидания, не сулящей никаких результатов, надо было искать заслуг, которые позволили бы побежденным в 1940 г. принять участие в

строительстве будущей Европы, заняв положение, соответствующее в Истории достоинствам и возможностям их родного отчества.

Необходимо было показать пример. Мне даже не приходило в голову отправить своих сторонников воевать где-то между Мурманском и Одессой без меня, не разделив с ними страдания и опасности битвы! И хотя я был отцом пяти детей, я отправился с ними как простой солдат, чтобы даже самые недоверчивые из наших товарищей увидели мою готовность разделить с ними все горести и неудачи. Я даже не предупредил германцев о своём решении.

Спустя два дня после того, как я публично заявил о своём решении отправиться добровольцем на Восточный фронт, Гитлер прислал телеграмму о моём назначении офицером. Я сразу отказался. Я отправлялся в Россию, чтобы завоевать права, которые позволили бы мне однажды с честью и на равных обсудить условия будущего моей страны, а не для того, чтобы ещё до первого крещения огнём заработать опереточные погоны.

Впоследствии – за четыре года изнурительных боёв – я стал сначала ефрейтором, потом сержантом, затем офицером, старшим офицером, и каждое новое звание я получал «за отвагу, проявленную в бою», приняв участие в семидесяти пяти сражениях, обмыв свои погоны кровью семи полученных ранений. «Я не увижусь с Гитлером до тех пор, – заявил я своим близким перед отправкой на фронт, – пока он не наденет мне на шею ленту с Рыцарским Крестом». Именно это и произошло, спустя три года. Многократно раненный, неоднократно награждённый, вырвавшийся из окружения, прорвав линию фронта, где было сосредоточено одиннадцать дивизий, я отныне считал себя вправе говорить с ним откровенно. Я намеревался добиться от Гитлера – это подтверждено документально – такого статуса для моей страны в новой Европе, который обеспечивал бы ей территорию и возможности, превышающие все существовавшие ранее, даже в самые славные годы нашей истории времён герцогов бургундских и Карла Пятого. Никто не может оспорить существование этих соглашений. Французский посол Франсуа-Понсэн, не питавший ко мне никаких тёплых чувств, опубликовал их в «Фигаро», приведя в подтверждение карту будущей Бельгии.

Гитлер потерпел поражение. Поэтому наш договор, заработанный ценою стольких страданий и крови, для заключения которого потребовалось преодолеть множество помех, потерял силу. Но всё могло сложиться иначе. Эйзенхауэр пишет в своих воспоминаниях, что даже в начале 1945 г. у Гитлера оставались шансы на победу. На войне, до тех пор, пока не сложена последняя винтовка, всё остаётся возможным. Впрочем, мы не возражали и против того, чтобы другие бельгийцы, верившие в силу Лондона, также жертвовали собой ради того, чтобы в случае победы другого «блока» обеспечить обновление и возрождение нашей страны.

Безусловно, им, также вынужденным лавировать среди всевозможных интриг и подводных камней, приходилось не намного легче нашего. Достаточно вспомнить

де Голля, который подвергался тайной слежке со стороны англичан и, главным образом, американцев; ему также приходилось терпеть те же унижения и неприятности, которые нам постоянно доставляли германцы, прежде чем мы сумели добиться гарантий и успеха нашего дела.

Как нам, так и тем, кто оказался в Лондоне, было необходимо сохранять стойкость, не позволить запугать себя, постоянно отстаивать интересы своего народа. Несмотря на определённый риск, было полезно, и даже необходимо, чтобы националисты с обеих сторон попытали своего счастья, чтобы, независимо от того, как кончится война, спасти свою страну.

И тем более это не оправдывает поведения тех, кто, оказавшись на стороне победителей в 1945 г., бросился перерезать глотки другим.

Самые разные мысли и цели воодушевляли наши умы и сердца, когда, забросив за спину вещевой мешок, мы отправлялись на Восточный фронт. Нашей первой, официальной целью была борьба с коммунизмом. Но эта война могла легко обойтись и без нас. Нашей второй и главной целью была не просто война на стороне германцев, нашей целью было заставить возгордившихся германцев, опьяненных многочисленными победами, перестать третировать нас, жителей оккупированных стран. Некоторые из них не упускали случая, чтобы выразить нам своё презрение, и это продолжающееся лицемерие, естественно, не могло не оскорблять нас. Но после совместных боёв на русском фронте они уже не смогли бы позволить себе пренебрежительно относиться к представителям тем народов, которые отважно сражались вместе с ними; эта битва сплотила всех нас. Именно это и было основной причиной принятого нами решения – переломить судьбу, заставить германцев-победителей нас уважать, приняв участие в строительстве единой Европы, здание которой было сцементировано также нашей кровью.

Мы пережили в России ужасные годы, пройдя через неслыханные физические и моральные испытания. Человеческая история не знала столь жестокой войны, в бескрайних снегах, в бесконечной грязи. Часто голодные, никогда не знавшие отдыха, израненные, раздавленные всевозможными бедами и страданиями, мы закончили катастрофой, поглотившей нашу юность и уничтожившей наши жизни… Но в чем состоит смысл жизни? Новый мир рождается только благодаря жертвоприношению. Да, мы пожертвовали собой, но жертва, даже кажущаяся бессмысленной, никогда не является таковой полностью. Однажды она обязательно обретёт смысл. Чудовищное мученичество миллионов солдат, долгий, предсмертный хрип молодежи, пожертвовавшей собой на русском фронте, дали Европе духовную компенсацию, незаменимую для её обновления.

Европы лавочников было недостаточно. Нужна была также Европа героев. И именно она, в первую очередь, была создана за четыре года ужасающих битв.

Глава 7
Московские трамваи

Война Гитлера против СССР, начавшаяся 22 июня 1941 г., началась одновременно и хорошо, и плохо. Она началась хорошо, поскольку огромный механизм германской армии сработал с исключительной точностью. Хотя то там, то здесь возникали небольшие помехи, отдельные воинские колонны сбивались с маршрута, некоторые мосты проваливались под тяжестью танков, всё это были мелочи. В первые же часы Люфтваффе на месяцы вывело из строя советскую авиацию и сделало невозможным концентрацию противника. За десять дней Вермахт победоносно продвинулся вглубь территории противника. Полный провал русского фронта и крах советского режима казались неизбежными в самое ближайшее время. Уинстон Черчилль более других опасался этого, о чём свидетельствуют его секретные депеши.

Но одновременно война началась плохо. И она закончилась плохо, именно потому, что плохо началась.

Прежде всего – и это было решающим фактором – она началась поздно, очень поздно, слишком поздно, спустя пять недель после даты, изначально запланированной Гитлером, поскольку безумная авантюра Муссолини на греческой границе в октябре 1940 г. торпедировала гитлеровские планы на Востоке.

Не в Сталинграде, не у Эль-Аламейна, не на берегах Нормандии и не на мосту через Рейн у Ремагена, захваченном в целости и сохранности в марте 1945 г. американским генералом Патоном, но именно в горах, отделяющих Грецию от Албании, во многом окончательно решилась судьба второй мировой войны.

Победы Гитлера стали для Муссолини самой настоящей навязчивой идеей. Он, отец фашизма, был отодвинут на задний план серией молниеносных – и неизменно победоносных – военных кампаний, с барабанным боем осуществлённых Гитлером от Данцига до Лемберга, от Нарвика до Роттердама, от Антверпена до Биарицца. Германский орёл раз за разом всё шире раскидывал свои крылья над странами, захваченными почти в мгновения ока, а миллионы пленных бесконечной колонной ползли в лагеря для военнопленных Райха, всё более уверенного в своих силах. Сам же Муссолини в военном плане только проигрывал. Его вторжение in extremis [в экстремально трудных условиях] во французские Альпы завершилось унизительным провалом. Маршал Бадольо, корыстный пьяница, прихвативший с собой из Аддис-Абебы золотые сокровища, похищенные из дворца бежавшего негуса, в июне 1940 г. продемонстрировал такую же тактическую бездарность, как и его соперник, генерал Гамелен.

Франция была повержена, танки Гудериана и Роммеля почти без боя продвинулись вплоть до Прованса, в этих условиях десант в Ниццу должен был стать для итальянцев короткой военной прогулкой по фруктовому саду с уже

созревшими плодами, но Бадольо, и так имевший в своём распоряжении несколько месяцев для подготовки операции, запросил у Муссолини еще двадцать один день для того, чтобы надраить до блеска пуговицы на мундирах своих солдат. Операция быстро позорно провалилась. Французы крепко врезали припозднившимся агрессорам, нанесли им серьезный ущерб и заставили их извалять в земле свои роскошные позолоченные плюмажи.

В Африке вторжение в Ливию также шло не самым блестящим образом; в первый же день в плен был захвачен один итальянский генерал. Когда итальянской артиллерии, наконец, посчастливилось сбить самолет, летящий безо всякого прикрытия, оказалось, что это был самолёт маршала Бальбо. Его подбили как куропатку. Так, самым знаменитым летчиком, сбитым итальянцами в 1940 г., стал их прославленный военачальник!

Шло время, но ничего не менялось. Итальянское вооружение, шумно расхваливаемое на протяжении двадцати лет, было дефицитным. Морякам не хватало усердия. Пехоте не хватало нормального командования. Бестолковый маршал Грациани, дрянной командир, предпочитал отдавать приказы, отсиживаясь в пятнадцати метрах под землёй, вместо того чтобы находится на пятнадцать метров впереди своих войск, как это делал позднее на итальянском фронте отважный ландскнехт, генерал Роммель. Муссолини приходил в ярость и бешенство от этих провалов.

Он надеялся поправить свои дела благодаря лёгкому захвату Греции, в подготовку которого были вложены миллионы, втайне розданные афинским политиканам. Таким образом, победу собирались просто купить, без особых проблем одолев врага, заранее готового уступить и оказывать сопротивление только для видимости. «Я купил всех! Эти подлецы греки прикарманили мои миллионы и кинули меня!». Об этой удивительной сделке конфиденциально поведал мне сам граф Чиано, министр иностранных дел Италии, остроумный пройдоха, в июне 1942 года, когда во время нашей случайной встречи, оказавшейся последней, на борту самолёта, летящего в Рим, я спросил об этой странной войне в Греции, проваленной столь экстраординарным образом.

По словам Чиано (зятя Муссолини), в октябре 1940 г. Муссолини решил резко ускорить события. Он не сказал ни слова Гитлеру о планируемом вторжении. Когда германский канцлер, находившийся в Андае (Hendaye), куда он прибыл для встречи с генералом Франко, услышал об этом проекте, он тотчас же отправился специальным поездом в Италию, где через день на перроне вокзала во Флоренции торжествующий Муссолини приветствовал его словами: «Мои войска этим утром высадились в Греции!». Гитлер приехал слишком поздно! Он мог только пожелать успеха своему коллеге.

Но его пробрала дрожь. И не без оснований. Через несколько дней вторгшиеся в Грецию через горы Пинд итальянские войска были дезорганизованы и

изгнаны из Эпира. Разгром приобретал всё более трагические черты. Поведение итальянских военачальников, хвастливых и самонадеянных в первый день, и впавших в панику на второй, было достойно сожаления.

Солдаты были морально раздавлены. Они видели, как итальянский экспедиционный корпус почти в полном составе был сброшен в Адриатическое море, а всю Албанию наводнили белые юбки греков. Исполненным унижения, им пришлось обратиться к Гитлеру, который в срочном порядке направил к Тиране резервные германские силы.

Положение было восстановлено, но главное заключалось не в этом. Не было особой трагедии в том, что греки захватили Албанию, довольно бесполезный придаток итальянской Империи. В том, что у короля Виктора-Эммануила стало одним владением меньше, не было ничего особо страшного.

Страшнее было то, что вступление греков в войну привело к высадке в Греции англичан, автоматически ставших их союзниками. Теперь, когда англичане закрепились в подбрюшье Балкан, можно было почти не сомневаться в том, что они закроют все пути на Восток, когда Гитлер проникнет вглубь бесконечного советского пространства.

К этому можно добавить налёты британской авиации с новых баз, расположенных в большом количестве в Греции. Их массированные бомбардировки могли привести к возгоранию румынских нефтяных скважин, необходимых для снабжения двадцати дивизий «пантер», которые Гитлер готовился бросить на пересечение двух тысячи километровой советской границы. Риск возрос неимоверно.

Ситуация стала ещё более рискованной, когда той же зимой Югославия короля Петра, подстрекаемая английскими агентами, выступила против Германии. С этого момента возможность начать наступление на СССР в ранее назначенные сроки была потеряна окончательно. Молотов с особым цинизмом направил югославскому королю поздравления от Сталина и заверения в его моральной поддержке.

В результате этой глупой муссолиневской авантюры Гитлер, прежде чем приступить к воплощению своих замыслов на Востоке, был обречён предварительно расчистить Балканы, прокатившись своими танками через всю Югославию и Грецию, а также овладеть островом Критом, к тому моменту превратившимся в своего рода английский авианосец. Это был чувствительный удар.

За десять дней Югославия была побеждена и полностью оккупирована. Затем пришло время Афин и Спарты. Свастика засверкала над позолоченным мрамором Акрополя. Парашютисты Геринга осуществили героическую победоносную высадку на острове Крит, и за сорок восемь часов обратили англичан в бегство. Корабли

союзников, отступающие к Египту, оказались столь же беспомощными, как утки в городском пруду.

Превосходно. Английская угроза была ликвидирована. Но пять недель были потеряны, пять недель, которые Гитлер никогда уже не смог наверстать. Солдатом, шаг за шагом – поскольку мы пешком прошли всю Россию – я узнавал все детали этой трагедии. Одного месяца не хватило Гитлеру, чтобы война на русском фронте закончилась в 1941 г., того самого месяца, который потеряли страны Оси из-за раненого самолюбия Муссолини, которое подтолкнуло его к этой плачевной и безрассудной авантюре на греческой границе. Время было потеряно. И точно также было потеряно нечто куда более важное – техника.

Дело даже не в крупных потерях танков в ходе боев под Белградом и на Коринфском канале. Но тяжёлая танковая техника серьёзно пострадала в ходе трехсоткилометровых маршей по горам и каменистым долинам.

Сотни танков нуждались в ремонте. Они не смогли принять участие в наступлении 22 июня 1941 г., в момент грандиозного рывка. Я говорю о том, что видел своими собственными глазами: бронированные дивизии фон Клейста из группы армий «Юг» под командованием маршала фон Рундштедта, шедшие через Украину, насчитывали всего шестьсот танков, цифра, в которую трудно поверить! Шестьсот танков против миллионов советских солдат, тысяч советских танков, сумели, несмотря ни на что, дойти до Ростова, до самого берега Чёрного и Азовского моря до наступления зимы, при том, что значительная часть этих танковых подразделений была переброшена на соединение с генералом Гудерианом, наступающим с севера, чтобы вместе с ним осуществить крупнейшее окружение в мировой военной истории в двухстах километрах к востоку от Киева.

Усиленная пятьюстами танками группа германских армий «Юг» смогла бы до наступления холодов достичь Сталинграда и Баку. Но эти танки были потеряны по вине Муссолини.

Сколь бы катастрофической не была пятинедельная задержка в графике наступления, дополнительная германская военная техника с высокой долей вероятности могла бы компенсировать это отставание во времени. Но её не было, и в этом смысле война также началась плохо.

Быстро выяснилось, что добытая информация о боеспособности СССР оказалась ошибочной. Советы имели в своём распоряжении не три тысячи танков, как об этом доносила Гитлеру германская разведка, но десять тысяч, то есть их количество в три раза превосходило чисто танков, выдвинутых против них Германией. К тому же, некоторые виды русских танков, такие как Т-34 и КВ-2, были почти неуязвимы, обладали повышенной надежностью и были специально сконструированы для войны в условиях распутицы и зимы.

Ошибочными оказалась и карты, составленные для продвижения по русскому пространству: главные дорожные артерии, по которым должны были пойти танки, вообще отсутствовали, а имевшиеся просёлочные дороги годились разве что для езды на лёгких тройках. На них увязали даже легковые машины.

Но, несмотря на это, благодаря чудесам энергии, наступление прошло успешно. За двадцать пять дней было пройдено и захвачено шестьсот километров. 16 июля 1941 г. пал Смоленск, последний крупный город на пути к Москве. От крайней точки, достигнутой германцами при наступлении, – излучины реки Ельня – до столицы СССР оставалось всего 298 километров!

Если бы наступление продолжалось бы в прежнем темпе, через две недели цель была бы достигнута. Сталин уже готовился эвакуировать дипломатический корпус за Волгу. Повсюду царила паника. Демонстранты освистывали коммунизм. Кто-то даже видел вывешенное на улицах Москвы наспех сделанное знамя со свастикой.

Но устремиться к Москве, не представлявшей особого стратегического интереса, означало бы отказаться от разгрома огромного «котла», в который должно было попасть более миллиона советских солдат, беспорядочно бежавших на юге по направлению к Днепру и Днестру. Война ведётся не ради уничтожения городов, но ради уничтожения боевой силы противника. Если бы этот миллион разбитых русских оставили в покое, они бы произвели перегруппировку в тылу. Поэтому Гитлер был прав. Всю живую силу вместе с тяжёлой техникой необходимо было срочно взять в окружение, которое по своим масштабам настолько превосходило все прежние, что по сравнению с ним «котлы» в Бельгии и во Франции 1940 г. казались детской игрушкой. Одновременно с этим решалась экономическая задача по обеспечению нормальной работы богатейших рудников Донецка.

К несчастью, Гудериану не хватало сил, чтобы одновременно, продолжить наступление на Москву и разгромить противника на другом краю России, под Донецком. В любом случае, вторая операция почти наверняка началась бы слишком поздно.

Если бы Гитлер имел в своём распоряжении дополнительные три тысячи танков, он мог бы, вместо того чтобы временно отложить захват Москвы, остановив свои танковые силы в окрестностях Смоленска, вовремя и одновременно провести обе эти операции – по взятию Москвы на востоке и по окружению советских войск на юге. И даже начать третью операцию по взятию нижней Волги и Кавказа до наступления зимы 1941 г.

Часто спрашивают, как мог Гитлер совершить такую ошибку – недооценив силы противника, двинуться в наступление на гигантскую советскую империю, имея в своём распоряжении всего 3 254 танков, чуть больше того, чем он располагал при вступлении во Францию в мае 1940 г.? Не стал ли он также жертвой иллюзии,

введшей в заблуждение многих стратегов после провальной кампании СССР в Финляндии зимой 1939-1940 гг.? Ничего подобного! «Когда я отдавал приказ своим войскам войти в Россию, – сказал он мне однажды, – у меня было ощущение, что я ударом плеча выломал дверь, за которой находится абсолютно тёмное пространство, о котором я не знаю ничего!»

А значит?… Значит нужно было дождаться открытия архивов Heereswaffenamt , чтобы узнать истину. Эти документы свидетельствуют о том, что сразу после французской компании 1940 г. Гитлер, видя растущую советскую угрозу, потребовал увеличить производство танков с 800 до 1000 штук в месяц. В этой цифре не было ничего безумного, и она была в несколько раз превышена годом позже. Заводы Райха могли бы выпустить лишь половину танков, затребованных тогда Гитлером, чтобы прорыв гитлеровских бронетанковых войск через СССР уже нельзя было остановить.

Но уже тогда крупные генералы из Управления, которым было поручено наладить тыловое производство, вели тайный саботаж, закончившийся покушением на Гитлера 20 июля 1944 г. Под предлогом того, что эти танки обойдутся в миллиард марок (какая разница!) и потребуют привлечения сотни тысяч квалифицированных рабочих (в Германии их было в избытке, в Вермахт ещё их не призывали), Heereswaffenamt уменьшил заказы на их производство.

Саботажники пошли гораздо дальше. Гитлер потребовал, чтобы на танки T-III, ранее оснащаемые 37-мм пушками, поставили новые 50-мм орудия со стволом длиной в 60 калибров, способные пробивать даже самую мощную броню. Только к концу зимы, когда было уже слишком поздно, Гитлер узнал, что вместо предусмотренных им орудий L-60 на T-III были установлены 50-мм пушки со стволом длиной лишь в 42 калибра.

Как рассказывает Гудериан: «Когда Гитлер в феврале 1942 г. заметил, что его указания не выполнены, хотя технические возможности это позволяли, он впал в ярость и никогда не простил ответственным за это офицерам того, что они предпочли действовать по собственному разумению».

Но зло уже было сделано.

Усилия по производству нового вооружения были крайне несущественными. При наличии желания за эти месяцы Третий Райх мог бы легко выпустить пять, шесть тысяч новых, более мощных танков, хорошо приспособленных к климатическим условиям и сложностям рельефа, с которыми они должны были столкнуться в грядущих сражениях.

И вот тогда наступление на СССР стало бы неудержимым.

Но этого не произошло. 22 июня 1941 г. вместо десяти танковых дивизий, завоевавших Бельгию, Голландию и Францию в мае предыдущего года, в наступление в России пошли двадцать дивизий. Но это двукратное увеличение было чисто теоретическим. Число дивизий возросло вдвое, но количество танков в каждой дивизии также сократилось вдвое.

Несмотря на это, происходившее походило на чудо. Гудериан форсированным маршем прорвался до Донецка, ведя бои с неслыханной отвагой. В двух фантастических битвах – у Умани под Киевом, без участия Гудериана, и под Полтавой – были разгромлены советские силы на Днепре. Только после этого последнего, самого крупного за всю войну окружения (665000, 884 единицы бронетехники и 3718 захваченных орудия), Гитлер отдал приказ Гудериану на бросок в северном направлении для того, чтобы попытаться не только взять Москву с тыла, то есть с юго-востока, но и продвинуться до Нижнего Новгорода (сегодня Горький) на четыреста километров вглубь на восток, до самой Волги!

Если бы эта операция завершилась успехом, она стала бы величайшим танковым броском всех времён: от Польши до Смоленска, затем от Смоленска до Донецка, от Донецка снова к Москве, и наконец «80 лье над водой», на другой берег Волги! Тысячи километров, пройденные за пять месяцев в непрерывных боях! С изношенной техникой, с измотанным экипажем!

Гудериан прошёл длинный путь назад, иногда преодолевая до ста двадцати пяти километров за день. Одновременно с ним все германские танковые силы «Севера» отошли от находящегося прямо перед ними Смоленска к советской столице. Москва должна была быть взята в результате манёвра, разработанного с совершенной стратегической точностью. Война была бы выиграна!

Пять недель, потерянные до начала кампании, и нехватка двух-трёх тысяч танков, которые позволили бы удвоить натиск ударных колонн, свели на нет этот последний невероятный рывок, захлебнувшийся буквально в нескольких километрах от цели. В конце октября 1941 г. танковые подразделения Райха увязли в ужасной грязи. Ни один танк не мог продвинуться вперёд. Ни одну пушку невозможно было сдвинуть с места. Всякое снабжение армии завязло на дорогах: не только питание для солдат, но и боеприпасы для артиллерии и бензин для танков. Мороз доделал остальное. В ноябре и в начале декабря 1941 г. он рос катастрофическим образом, от минус 15, до минус 20, до минус 35, достигнув, наконец, минус 50! Таких жестоких морозов в России не было более полутора века!

Танки встали. У сорока процентов солдат были обморожены ноги в результате отсутствия зимнего обмундирования, о котором даже не позаботилось военное интендантство в период с 1940 по 1941 гг. Одетые в лёгкую, летнюю униформу, нередко даже без шинели и без перчаток, полуголодные, они неотвратимо теряли последние силы. Между тем у Советов были танки, способные преодолевать грязь, мороз и холод. Первые английские поставки начали прибывать

в пригороды Москвы. Из Сибири прибыли многочисленные свежие войска, которые до этого удерживала в Азии опасность японского вторжения – также не состоявшегося.

С каждым днем битва становилась всё более ожесточённой. Тем не менее, германские ударные силы продолжали свой натиск, невзирая на сложности. Выдвинувшиеся вперёд фланги даже обошли Москву с севера, в районе Красной Поляны. Другие достигли пригородов Москвы и заняли трамвайное депо. Перед ними в искрящемся льду, которым было покрыто всё вокруг, сверкали купола столицы Советов.

Именно там, в нескольких километрах от самого Кремля, наступление захлебнулось окончательно. От армии остался один скелет. В большинстве частей осталось меньше пятой части прежнего состава. Солдаты падали на снег, не в силах подняться вновь. Замёрзшее оружие отказывалось служить.

Между тем советские войска, закрепившиеся в нескольких километрах от своих баз, в избытке получали питание, боеприпасы и подкрепление в виде новых танков, которые сотнями выпускали на заводах Москвы. Они перешли в контрнаступление. Выжившие в этой страшной эпопее германцы были снесены этой волной. Битва за Москву была проиграна. Более того, Сталин выиграл относительное спокойствие на шесть зимних месяцев, шесть месяцев, которые позволили ему спастись от непосредственной угрозы, и стали залогом его спасения в будущем.

Глава 8
Русский ад

С декабря 1941 г. по апрель 1942 г. по всему русскому фронту, растянувшемуся на три тысячи километров, от Петсамо до Азовского моря, разыгрывалась одна и та же жестокая драма. Мы, иностранные добровольцы, вместе с германцами затерянные в этих страшных степях, терпели те же лишения – умирали от холода и от голода, но несмотря на это продолжали сражаться. Я со своими бельгийскими товарищами сражался в снегах Донецка. Со всех сторон слышалось дикое завывание северного ветра, доносившего до нас голоса врагов. Наши окопы были выложены ледяными блоками. Приказы стали чистой формальностью, главным было – не отступать. Страдания были невыразимыми. Неописуемыми. Низкорослые лошадёнки, доставлявшие нам совершенно серые, замёрзшие яйца и боеприпасы, промёрзшие настолько, что обжигали пальцы, раскрашивали снег каплями крови, сочившейся из ноздрей. Раненые, упавшие в снег, замерзали мгновенно. Поражённые конечности за две минуты приобретали мёртвенно-бледную пергаментную окраску. Никто не рисковал выйти наружу, чтобы помочиться. В иные дни струя мочи замерзала на воздухе твёрдой жёлтой дугой. Тысячи солдат отморозили себе половые органы и анус. Носы, уши раздувались как огромные абрикосы, из которых сочился липкий, кровавый гной.

Это был кромешный ужас. Только на нашем участке фронта, среди донецких сопок, за несколько месяцев умерло более одиннадцати тысячи раненных, которых разместили в убогом помещении школы, где отрезанные от мира четырёхметровыми сугробами военные врачи, падающие с ног от усталости, ежедневно ампутировали сотни ног и рук, заштопывали вспоротые животы, откуда из сгустков крови и замёрзших экскрементов вываливались покрытые поблескивающей красновато-зеленоватой коркой внутренности, подобно спутанным водорослям, засохшим на краю аквариума.

Ничем не защищенных раненых эвакуировали с передовой в этот чудовищный госпиталь на тачках русских крестьян. Их тела были едва прикрыты соломой, надёрганной из крыш уцелевших изб. Иногда перевозка растягивалась на несколько дней.

Мёртвых уже давно не хоронили. Их едва забрасывали снегом. Ждали потепления, чтобы предать их земле. Паразиты пожирали нас заживо. В грязной форме плотно, как зёрна в кукурузном початке, теснились блестящие как жемчужины яйца, отложенные кишевшими серыми вшами. Однажды, на грани отчаяния, несмотря на холод, я разделся догола – я убил на себе более семисот этих тварей.

Наша одежда превратилась в лохмотья. Почерневшее исподнее ветшало с каждым днём. В конце концов, оно пошло на срочные перевязки для раненых. Солдаты сходили с ума и, обезумев, с криками убегали в бескрайние снега, не

разбирая дороги. После каждого нового боя от четырех до шести человек из батальона исчезало подобным образом. Степь мгновенно поглощала их. Думаю, никогда, ни на одном краю земли, столько людей не испытывало таких страданий.

Но, несмотря на это, они держались стойко. Общее отступление через бескрайнюю, всёпожирающую белую пустыню было бы самоубийством. Отказ Гитлера, пославшего к чёрту запаниковавших генералов, требовавших отступить на сто, двести километров, спас армию; об этом никогда нельзя забывать. В сорока-пятидесяти градусные морозы, в снежных бурях, сметающих всё на своём пути, чем могло закончиться это отступление? Большинство погибло бы в пути, как погибла армия Наполеона, которая предприняла отступление даже не в разгар зимы, а в октябре и ноябре, то есть осенью. К тому же Наполеон отступал по одной главной дороге, а нам пришлось бы отступать всем трёх тысячи километровым фронтом через степи, тонувшие в гигантской ледовой мистерии. Из сотен тысяч людей, увлечённых Наполеоном в отступление, выжило только несколько тысяч.

Что же тогда стало бы с германской армией, растворившейся в бескрайней снежной пустыне, в январе и феврале 1942 г., когда стояли самые ужасные морозы?…

Однажды, в январе 1942 г., чтобы просто наладить связь, нам понадобилось семнадцать часов, чтобы преодолеть четыре километра, лопатами и топорами расчищая проход в глубоком снегу. Единственный снегоочиститель, имевшийся на нашем участке фронта, не смог проломить ледяные стены, несмотря на яростные усилия.

Но даже если бы нам удалось ценой неимоверных страданий за две-три недели отойти на двести-триста километров, что бы это изменило? Разве в нескольких километрах от наших позиций было меньше снега? Разве там было теплее? Большая часть армии погибла бы во время отступлении. Оставшиеся оказались бы в ещё более плачевном положении, истощив этим усилием последние физические и моральные силы, и вдобавок к этому, понеся потери в необходимой для обороны технике, часть которой пришлось бы оставить на месте, а часть которой неизбежно была бы потеряна по дороге. Прав был Гитлер, а не его генералы. Важно было закрепиться любым способом, выстоять любой ценой. Перетерпеть, выдержать все испытания, но выжить! А в случае потери связи с тылами наступать на врага, чтобы обеспечить себя едой и найти хоть какое-то укрытие от непогоды.

Русские, выросшие в снегах, были не только физически крепче нас и привычны к суровым морозам, но на протяжении веков научились выживать в этом ужасном климате. Они мастерски сооружали укрытия от холода, защищающие их куда надёжнее, чем жалкие и неуклюжие импровизированные убежища, построенные нами.

Некоторые их зимние лагеря напоминали полуподземные поселения монгольских племён. Низкорослые энергичные лошадки ютились среди этих крепких, коренастых вооружённых мужиков, с прищуренными от постоянного вида сверкающего снега глазами, со скулами, пожелтевшими от жира, которым они обильно смазывали себя, чтобы защититься от мороза. На ноги, обмотанные несколькими слоями теплых портянок, они надевали валенки. Их многослойная форма [телогрейки?] была со всех сторон непроницаема для северного ветра. Они жили так веками. И эта суровая зима не стала для них особым сюрпризом. Надёжно защищённые от враждебной природы, они даже смогли перейти в наступление на севере и на юге.

Нам пришлось начать контрнаступление, чтобы вернуть потерянные степи. Мы вернули разрушенные деревни. Перед почерневшими стенами изб мы возводили брустверы из ледяных блоков. Километры снежного пространства разделяли наши очаги сопротивления. Враг просачивался повсюду. Рукопашные были ужасающими. 28 февраля 1942 г. в полуразрушенном селе под названием Громовая Балка, где наш батальон более восьми часов противостоял четырём тысячам наступающих русских, за один только день мы потеряли в ужасающей схватке, длившейся с шести часов утра до ночи, половину наших товарищей. Мы отчаянно бились среди горы замерзших лошадиных трупов, которые звенели как стекло при попадании в них пуль. Русские наступали плотными рядами, закутанные в длинные лиловатые шинели. Мы косили их ряды, без передышки накатывающие волна за волной.

Такова была русская зима. В течение семи месяцев вокруг простиралась слепящая белизна. Холод терзал тела. Бои подтачивали последние силы. Затем, однажды утром, над белыми от снега холмами взошло совершенно багровое солнце. Снег стал постепенно сходить, обнажая увенчанные пучками соломы длинные шесты, которые служили нам вешками, пока не были окончательно погребены снегом. Коричневатые воды бурными потоками стекали с холмов, собираясь в ложбинах. На фоне голубого неба снова завертелись крылья мельниц. Подошёл к концу крёстный путь сотен миллионов германских и негерманских солдат. Зимняя драма завершилась.

Но необходимо было начинать заново завоевывать Россию. Военная тактика Гитлера строилась не только на новой стратегии – массовом совместном наступлении танковых войск и авиации – но и на эффекте внезапности.

В 1942 г. на этот эффект уже нельзя было рассчитывать. Сталин был уже знаком с этой тактикой. Таким образом, инициатива была потеряна. Со стратегической точки зрения гитлеровское вторжение было продумано гениально: Blitzkrieg, то есть молниеносная война, стремительное вторжение в тылы противника, массированный прорыв его линий обороны в ключевых точках, на которые неожиданно обрушивались основные силы. Таран составляла огромная масса танков, путь которым предварительно расчищал массированный огнь «Штук», разносящий всё вдребезги и сеющий страх в рядах врага.

В Польше, Голландии, на севере Франции и в Югославии эта новая формула войны оказалась успешной, поскольку во всех этих странах она применялась впервые, что позволило сомкнуть гигантские клещи из железа и огня за спиной сломленного, деморализованного и мгновенно рассеивающегося противника. За несколько дней в плен попало сто, двести тысяч солдат.

Ту же формулу Гитлер применил в 1941 г. при вторжении в Россию, одним ударом добившись того же успеха, но в несравненно большем масштабе, особенно на Украине и в Донецке. За четыре месяца в плен попали несколько миллионов солдат, были захвачены тысячи пушек и огромное количество танков. Но Урал был гораздо дальше Пиренеев! Необходимо было прорваться туда гораздо быстрее. Или, воспользовавшись значительным превосходством в бронетехнике, провести в два-три раза больше операций по окружению вместо того, чтобы вынужденно ограниченными танковыми силами двигаться с севера на юг и с юга на север. Холод опередил Гитлера, обрушившись на него сорока-пятидесяти градусными морозами, более сильными, чем сталь его танковых дивизий и воля его отважных полководцев. Таким образом, в 1942 г. необходимо было начинать всё заново, при этом более не рассчитывая застать врасплох отныне предупреждённого противника.

Кроме того, Сталин также был гением в своём роде, элементарным гением, который ежедневно закалял и обновлял свою волю в чужой крови. У него было время не только на то, чтобы раскрыть тайну гитлеровской стратегии, но и чтобы найти защиту против неё. Для этого ему надо было просто выиграть время; выиграть месяцы, годы, которые позволят ему сформировать новые армии, безжалостно черпая новые людские резервы из двухсотмиллионного населения СССР, создать десятки танковых дивизий, количество которых, в конце концов, станет просто подавляющим – двадцать тысяч танков против нескольких тысяч – сравнительно с танковыми силами, которые обеспечили молниеносные победы Гитлера с осени 1939 по осень 1942 гг.

Летом 1942 г. Гитлер одержал ещё несколько очень зрелищных побед на Дону, Волге и Кавказе. Но попытки организовать крупное окружение больше не приносили желаемого результата. Как бык, которого можно застать врасплох только единожды, русские, поняв, где могут крыться подводные камни, каждый раз вовремя избегали их.

Последнюю ошибку Советы совершили в мае 1942 г. Она заставила Сталина держаться настороже. Его войска поплатились за преждевременную инициативу. Возможно, они пытались, прежде всего, расстроить готовящееся крупное германское наступление, торопясь собраться с силами на южном направлении. Как бы то ни было, в начале мая 1942 г. в Донецке нас едва не накрыло огромной лавиной советских войск, хлынувших из района Харькова к Днепру и Днепропетровску.

Прорвав германский фронт, они ринулись вперёд. Но их бросок оказался безрезультатным. Чтобы разбить противника, прорвать линию фронта ещё не достаточно. Русские пока не до конца поняли, как работает механизм клещей окружения. Мы позволили им раствориться в пустоте. Германские дивизии и иностранные добровольцы – бельгийцы, венгры, румыны, хорваты, итальянцы – не растерялись. Все держались как привязанные к флангам вражеского прорыва. В результате противник сам попал в клещи, поскольку продвинулся слишком далеко, и сам бросок был организован слишком примитивным образом. Снова, как в 1941 г., сотни тысяч русских оказались в плену. Ни одной из советских частей, принявших участие в операции, не удалось уйти. Мы сосредоточились по обе стороны и за спиной советской массы, попавшей в наши сети.

Для русских это стало крупным поражением, которое окончательно довершил Гитлер, использовав к своей выгоде эту ужасную мясорубку, чтобы перейти в наступление на Орёл, тем самым открыв своим армиям дорогу к равнинам Дона, Сталинграда и Кавказа.

Сталин окончательно понял, что он не может равняться в тактике со своим победителем. Он больше не рисковал атаковать, пока его силы не достигли значительного перевеса над силами Райха.

Только тогда они смогли за счёт численного превосходства компенсировать тактическое превосходство бронетанковых войск Гитлера, всё ещё остающееся подавляющим весной 1942 г., но сокращавшееся по мере того, как молодые командиры Красной Армии, свободные от рутинного невежества своих старших коллег, благодаря настойчивости и толковому анализу поражений овладевали той стратегией, которая поначалу приносила Гитлеру победы, но, в конце концов, обернулась его поражением.

Летом 1942 г. легко верилось в то, что Гитлер, устремившись к южным границам советской России, в самом деле сумеет на этот раз одолеть русского колосса. Прорывы июля и августа 1942 г. произвели сильнейшее впечатление. Даже мы, сами в них участвовавшие, были опьянены собственными успехами. Мы мчались по прекрасным равнинам Дона, по полям, засеянным кукурузой и подсолнечниками трехметровой высоты, простиравшимся до края золотистого неба. С автоматом на шее, мы пересекали зелёные реки километровой ширины, разлитые у подножья холмов, возвышающихся над древними татарскими захоронениями и увитых гирляндами зрелой виноградной лозы. Мы делали по тридцать-сорок километров в день. За несколько недель правый фланг наступления продвинулся до окрестностей Сталинграда.

На правом фланге именно мы, переправившись через Дон, вышли к озёрам Маныча, которые ночами, благодаря причудливой игре лунного света на поверхности воды, напоминали поля, усыпанные миллионами призрачных ромашек. Верблюды вздымали свои облезлые горбы, стертые как старая кожа. Облако пыли

длиной в десятки километров тянулось за танковыми колоннами, за которыми двигались тысячи молодых пехотинцев с горлом нараспашку, распевающих во всё горло под лучами жгучего летнего солнца. В начале августа на другом берегу стремительных вод реки Кубани нашему взору открылись ослепительные гигантские пики Кавказских гор, с белоснежными вершинами, сверкающими как хрусталь. На лесных прогалинах перед деревянными хижинами на сваях – для защиты от волков зимой – армянки доили огромных буйволиц, с шеями, свисающими серыми складками как боа. Мы продвинулись более чем на тысячу километров! Мы достигли границ Азии! Кто мог нас остановить?

Однако, на самом деле, мы не достигли ничего, поскольку, хотя мы и захватили землю, мы не сумели схватить за шиворот противника. Он ускользнул прежде, чем мы смогли взять его в окружение. Он испарился. Нам даже казалось, что его больше нет. Он объявился только тогда, когда мы оказались в ужасной дали от наших баз, почти достигнув конца нашего похода со значительными потерями – большое число раненных, искалеченных, больных дизентерией пришлось оставить по дороге. Лето кончалось. И только тогда, когда заморосили первые проливные осенние дожди, появились русские. Трагедия русской зимы должна была повториться во второй раз? И мы опять должны были всё потерять?

Осознав, наконец, что мясорубка, подобная 1941 г., приведёт его к окончательному поражению, Сталин серьезно позаботился о том, чтобы его войска больше не попадали в ловушку. Ему было лучше потерять тысячу километров, чем пять миллионов людей, как в прошлом году. На войне пространство подобно гармони. Оно растягивается и сжимается.

Нам удалось захватить лишь золотистый воздух лета и голую землю. Рельсы железных дорог были разобраны на каждом участке в десять метров. С заводов было эвакуировано всё оборудование вплоть до последнего станка и последнего болта. Повсюду горели угольные шахты, причудливые всполохи пламени сводили с ума наших лошадей. В деревнях остались только согбенные от возраста старики, набожные и простодушные крестьянки, да пара светловолосых карапузов, играющих возле деревянных колодцев. На городских и сельских площадях нас встречали только ужасные статуи, всё время одни и те же, сделанные из бетона – Ленин с азиатским прищуром глаз, одетый как мелкий буржуа, да грудастая спортсменка с массивными бёдрами – два бетонных истукана.

С серьёзным сопротивлением мы столкнулись только гораздо позднее, как раз в тот момент, когда понадобилось отстоять завоеванное, овладеть нефтяными скважинами у персидской границы – подлинной целью нашего наступления на юг – в то время как Паулюс должен был окончательно отбросить русских на другой берег Волги, ставший границей Европы. Но и там советские войска внезапно упёрлись.

В эти последние недели, когда мы впервые почувствовали, что победа, то есть Россия, ускользает из наших рук, мною, как и многими другими, нередко

овладевали приступы отчаяния. В ста километрах от турецкой Азии мы достигли высоких диких гор, неизведанных дубрав, сквозь которые можно было пробраться только с топориком, полных препятствий и затопленных осенними дождями. Танки остановились. Даже звери не могли пробраться сквозь чащу и околевали от голода под резкими ударами шквалистого ветра. Мы с огромным трудом пробирались сквозь этот насыщенный влагой лес с вековыми деревьями, продираясь сквозь густые колючие кусты дикого терновника. Здесь царили русские, которые вовремя подготовили себе потайные убежища в густых зарослях или наверху в ветвях огромных деревьев. Повсюду они расставили нам сотни незаметных ловушек, из которых обстреливали нас.

Дожди, смешанные с первым снегом, перешли в настоящую бурю. Они разрушили за нашими спинами все переправы, возведённые по дороге. Эти мосты были нашей последней надеждой получить пищу и боеприпасы. Оставшись в одиночестве, мы питались жестким мясом лошадей, околевших неделю-две назад, трупы которых приносили бурлящие воды. Ножами мы измельчали их в нечто вроде черноватой кашицы.

От желтухи солдаты превратились в призраки, только на нашем участке, напротив Адлера и Туапсе, за несколько недель были эвакуированы двенадцать тысяч больных желтухой. От нашего Легиона, как и от многих других подразделений, осталась лишь бледная тень – седьмая часть прежнего состава! Изнеможенные, мы обосновались на высоте в более чем тысяче метров на горных вершинах, выметенных ветрами, под деревьями, скрученными осенними ураганами. Русские подбирались ночью, ползком от пня к пню, приближаясь к нашим залитым водой окопам, служившим нам разделительной полосой. Мы позволяли им приблизиться на два-три метра. В темноте мы сходились в жестокой рукопашной. Днём стоял такой плотный заградительный огонь, что трупы погибших за ночь остались висеть на проволоке, пока через две-три недели у них не начали отваливаться головы, и нашим глазам открылось сводящее с ума зрелище высыпавшихся из гимнастёрок белёсых позвонков.

Почти все были ранены. У меня была дыра в желудке и прободение печени. Что мог я сделать, кроме как оставаться с моими людьми на грани депрессии? Оголодавшие, обросшие, мы были лишь человеческими обломками. Как в таком состоянии мы переживём вторую зиму, когда под снегом окажется вся горная цепь и все окрестности?

Именно тогда, 19 ноября 1942 г. в пять часов утра, на другом краю южного фронта, на северо-западе Сталинграда, перед мостом у Кременской, на Доне, загрохотали тысячи советских пушек, тысячи танков пошли в наступление на позиции Третьей и Четвёртой румынских армий. Спустя неделю двести тридцать тысяч германских солдат попали в окружение под Сталинградом. На самом деле, положение было не более тяжелым, чем те двадцать котлов, в которые до этого попадали русские, и вырваться из него не составляло особого труда, если бы

некомпетентность и безволие этого ничтожества, которым был генерал Паулюс, не превратило его за несколько недель в катастрофу. Вторая мировая война приблизилась к большому перелому. Прежде непобедимая Германия Гитлера впервые потерпела сокрушительное поражение. С этого момента она покатилась по наклонной плоскости. Падение длилось почти тысячу дней, пока последний труп, труп Гитлера, не сгорел в Берлине, облитый двумястами литрами бензина в почерневшем от гари саду Канцелярии.

Глава 9
Гитлер, каким он был?

Гитлер, этот человек, даже об обгоревших останках которого, спустя десятки лет после его смерти, никто не может точно сказать, сохранились ли они или что с ними случилось, каким он был? Кем был этот человек, перевернувший мир и навсегда изменивший его судьбу? Каков был его характер? Какие чувства он испытывал? О чём он думал? Что волновало его сердце? Было ли у него вообще сердце? И каков был его внутренний путь, приведший его к тому дню, когда в сотне метров от торжествующих победу русских он вышиб себе мозги?

Я знал его, мы были знакомы на протяжении долгих десяти лет, я видел его вблизи и в моменты его торжества, и в тот момент, когда вокруг него рушился мир, созданный его руками и его мечтами. Я знаю. Я знаю, каким он был – как политический лидер, как военачальник, как простой человек со всеми потрохами. Конечно, очень легко пинать труп мёртвого врага; можно говорить, писать, придумывать всё, что угодно, благо публика примет всё, лишь бы это не противоречило общепринятому представлению о Гитлере, – как о неком чудовище! – а редкие свидетели, которые могли бы опровергнуть это мнение, предпочитают помалкивать из опасения быть подвергнутыми тому же позорному поруганию, что и мёртвый Гитлер.

Но меня совершенно не волнует ни то, что говорят публике, ни то, что говорит она. Для меня важна истина, то, что я знаю.

Поистине нужно обладать тупоумием стада, чтобы поверить в то, что человек, увлекший за собой сотни миллионов германцев, за которого умирали миллионы молодых людей, был новым Сарданапалом или Нероном, с утра до вечера пьющим кровь в своём безумии.

Я вновь вижу его в Берлине, 1-го мая 1943 г., на вершине огромной трибуны, на аэродроме Темпельхоф. Стотысячная толпа ревела от восторга под его взором. Однако я был разочарован. Он был красноречив, но его речи не хватало нюансов, она была слишком простой, слишком прямой и довольно монотонной. Латинская публика была бы более требовательной. Даже его ирония была грубовата. Это было красноречие как сила, а не красноречие как искусство.

Не произвел на меня особого впечатления и его сверкающий взгляд. Вопреки тому, что говорят, он вовсе не пронизывал собеседника. В блеске его красивых голубых глаз не было ничего непереносимого. Конечно, в его живом взоре чувствовалась сила, но он не стремился ни запугать, ни подчинить, ни тем более обольстить. Можно было пристально смотреть ему прямо в лицо, не чувствуя себя подавленным, и это ничуть не раздражало его.

То же самое можно сказать и о знаменитых флюидах. Безумная старуха, румынская принцесса Елена, дописалась до того, что якобы при рукопожатии от пальцев Гитлера исходил некий электрический разряд, несомненно, дьявольского происхождения!

Между тем, рукопожатие Гитлера было не крепким, но скорее мягким. Обычно, особенно при встрече с близкими друзьями, Гитлер даже не подавал руку, а пожимал вашу руку двумя своими. Никогда я не чувствовал в этом прикосновении ничего особенного, как эта спятившая от старости румынская принцесса. Никогда я не подпрыгивал от него как от разряда тока! Это было самое обычное рукопожатие, ничем не отличающееся от рукопожатия арденнского лесника.

Гитлер был прост и очень аккуратен. Меня всегда поражали его уши, блестящие как раковины. Поверьте мне, он не разыгрывал из себя плейбоя. Его одежда была всегда тщательно вычищена, но не более того. Он носил одну и ту же военную форму безо всяких изысков. У него был 43-ий размер обуви: когда, однажды ночью я заявился к нему, обутый в русские валенки, он вытащил из своего гардероба пару ботинок и отдал их мне, предварительно набив в носок несколько кусков газеты, чтобы моя нога не болталась в них, так как я носил 42-ой. Эта подробность свидетельствует о том, насколько прост был он в общении.

Единственное, в чём он испытывал потребность, это в красивых вещах. На деньги, полученные им как обладателем авторских прав на «Майн Кампф», он купил прекрасную картину Боттичелли и повесил её над своей кроватью. Это были единственные деньги, которые он потратил на себя. Он умер, не оставив ни пфеннинга. Его не волновал вопрос личного состояния. Я уверен, что в последние годы своей жизни он ни разу не задумывался о деньгах.

На еду у него уходило десять минут. Это было довольно ошарашивающее зрелище. Этот человек, ложившийся спать в пять-шесть часов утра, и уже к одиннадцати бывший на ногах, с очками в руках, склонившись над документами, едва питался, причём такой едой, которая по мнению широкой публики «не даёт сил». Он переносил громадное напряжение войны, ни разу не съев ни кусочка мяса. Он не ел яиц. Он не ел рыбы. Только макароны или овощи. Пара пирожных и вода. Всегда и только вода. На этом кулинарные пиршества Гитлера заканчивались!

Он питал просто поразительную страсть к музыке. У него была потрясающая музыкальная память, которой по слухам отличался и де Голль. Однажды услышав какую-нибудь мелодию, он запоминал её навсегда. Он без единой ошибки насвистывал её, сколь длинной бы она не была. Вагнер был для него богом. Он знал все его произведения до самых мелких деталей. Он мог перепутать Изабеллу Католичку (XV век) и Изабеллу II (XIX век), но никогда не спутал бы двух нот из всего мирового музыкального репертуара.

Он любил свою собаку. Во время первой мировой войны у него украли собаку. Это было одним из наиболее печальных событий его молодости. Да, именно так. Я знал Блонди, его собаку последних лет. Это отважное животное расхаживало из угла в угол по своей конуре, словно бы так же, как и он, ощущало на себе бремя трагических событий на русском фронте. Гитлер сам готовил ей еду, и в полночь покидал на некоторое время посетителей, чтобы накормить своего друга.

А подружки? В этом вопросе его недоброжелатели поистине превзошли все границы безумной фантазии, вплоть до садизма. Если уж и был человек, почти целиком равнодушный к женской любви, так именно Гитлер.

Он никогда не говорил о женщинах. Он приходил в ужас, слыша скабрезные шутки, к которым склонны многие мужчины, особенно мелкие натуры. Скажу больше, он был стыдлив. И особенно стыдился проявлять свои чувства.

Но его приводила в восхищение женская красота. Однажды он вспылил, когда выяснилось, что сопровождавший его офицер не спросил адреса у одной изумительно прекрасной девушки, пробившейся к машине, чтобы поприветствовать его. Нет, он не собирался назначить ей свидание, как это сделала бы сотня мужчин, оказавшихся на его месте. Он просто хотел послать ей букет.

Ему нравилась женская компания. Я очень хорошо знал Зигрид фон Вельдсек (Siegried von Weldseck), одну из красивейших женщин Райха – высокую, светлоглазую, с удивительно мягкой кожей и небольшой красивой грудью. Многие были без ума от неё. Я провёл с ней последние спокойные часы войны, когда она приехала на мой участок фронта на Одере как раз для того, чтобы разыскать связку писем, написанных её другом, Фюрером.

И что же! Как она сама поведала мне, все их отношения по сути сводились к тому, что каждый вторник она приходила к нему, – приходила не одна – чтобы наслаждаться музыкой! Для Гитлера не было тайной, каким успехом он пользуется у женщин. Миллионы германских – и не только германских – женщин были влюблены в него. У него был целый шкаф, набитый письмами от женщин, которые умоляли его стать отцом их ребёнка, хотя он даже не ухаживал за ними! Добавлю, что любовь не принесла ему ничего хорошего. Все его привязанности были отмечены ужасным роком.

Всё начиналось невинно. Героиню звали Стефани. Гитлеру было тогда шестнадцать. Каждый вечер он проводил на мосту Линца, чтобы увидеть, как она проходит по нему. И что же! За все эти долгие месяцы наблюдений он ни разу не осмелился сказать ей ни слова. Это покажется невероятным, но Гитлер был робок. Да, робок, как девушка на первом причастии. Два года он чахнул от этой любви на расстоянии. Он рисовал дворец, естественно, в вагнеровском стиле, в котором они должны были прожить счастливую жизнь. Он писал ей из Вены безумные письма,

написанные нервным почерком и пестрящие множеством исправлений. Но подпись была неразборчива и обратный адрес не указан.

«Да, правда, я помню. Но как давно это было. Пятьдесят лет назад. Да, я получала письма, о которых вы говорите. Что? Вы утверждаете, что это были письма Гитлера?» Это слова Стефани. Никогда влюблённый в неё тогда Гитлер не осмелился представиться ей. Она вышла замуж. Она живёт в Вене, совсем пожилая дама, вдова подполковника. Она была первой любовью Гитлера. В свои двадцать лет, полностью поглощённый этой немой любовью, он ещё оставался девственником. Именно так. Это правда. Полная правда.

Само собой, ходят сотни глупейших историй о любовницах Гитлера – венских проститутках, естественно, жидовках, и даже о сифилисе, которым якобы одарили его эти дамы. Но всё это ложь. За всю свою юность Гитлер любил только одну женщину – Стефани. И он ни разу даже не заговорил с ней.

Если любовь к Стефани закончилась ничем, то остальные влюблённости Гитлера имели катастрофические последствия. Для всех женщин, которых сжимал в своих объятиях человек, безусловно бывший самым обожаемым мужчиной в Европе, их роман заканчивался ужасной трагедией. Первая повесилась в гостиничном номере. Вторая, его племянница Гели, застрелилась из собственного револьвера в своей квартире в Мюнхене. Гитлер едва не обезумел от отчаяния. В течение трёх дней он расхаживал из угла в угол по своей маленькой баварской квартире на грани самоубийства. Он никогда не забывал Гели. Она была повсюду. Её бюст всегда был украшен цветами.

Третьей любовью была Ева Браун, личность, окружённая множеством баснословных – часто нелепых, иногда гротескных – легенд.

Я был свидетелем их отношений. Я знал о ней всё. Она работала мелкой служащей у лучшего друга Гитлера, мюнхенского фотографа Хоффмана, с которым мы также дружили. Она была безумно влюблена в красивого, но тогда весьма дурно одетого Гитлера, в его ужасном, вечно мнущемся светлом габардиновом плаще, с чёлкой, свисающей как хвост мёртвой птицы, с крупноватым носом, громоздящимся над мелкой щёточкой его усов. Но прекрасная, пухленькая, розовощекая Ева была влюблена в него безоглядно. Она пыталась хитростью выманить у него поцелуй. Однажды, в новогоднюю ночь она уговорила Хофманна позвонить Гитлеру и пригласить его присоединиться к их празднику. Тот редко бывал в гостях. И даже новогоднюю ночь проводил в одиночестве в своей двухкомнатной квартире. Но в конце концов он позволил уговорить себя и приехал к ним. Когда, не замечая того, он проходил под веткой омелы, Ева, поджидавшая этого момента, бросилась ему на шею и поцеловала, следуя старинному обычаю. Гитлер резко остановился, покраснел как новобранец, развернулся на каблуках, сорвал с вешалки свой габардиновый плащ и, не сказав ни слова, выскочил на улицу. Уверяю вас, с женщинами он был невероятно робок. Один единственный поцелуй заставил

обратиться в бегство того, от кого спустя десять лет спасалась бегством целая Европа!

Но на этом дело не кончилось. Бедная Ева влюбилась ещё больше. И вновь разразилась трагедия. Когда она окончательно поняла, что дорогой Адольф неприступен, она также взяла миниатюрный револьвер и разрядила его себе прямо в сердце.

Вспоминать об этой попытке самоубийства не принято. Но за десять лет до того, как покончить с собой в Берлине, вместе с Гитлером, Ева Браун из любви к Гитлеру попыталась впервые совершить самоубийство в Мюнхене. С учётом двух предыдущих смертей, ему было чего испугаться. Ева не умерла. Гитлер захотел узнать, было ли это настоящим самоубийством или она просто хотела произвести на него впечатление, разыграв маленькую комедию. Заключение, данное по его запросу профессором из мюнхенского университета, категорически гласило, что от смерти Еву спасли всего несколько миллиметров. Она действительно была влюблена в него до конца, она, предпочетшая умереть, чем быть лишенной возможности принести себя в дар своему возлюбленному. Именно тогда Ева Браун вошла в жизнь Гитлера. Но её присутствие в его жизни было скромным. Их никогда не видели наедине. Её приглашали в Берхтесгаден, но всегда в компании других молодых женщин, работавших у Фюрера. Они сидели на освещённой солнцем террасе, выходящей на серые, голубые и белые Альпы, и не было в мире дружбы – а это была прежде всего дружба – более сдержанной, чем эта любовь. Все истории о детях Гитлера – чистая фантазия. Гитлер обожал детей, он любил возиться с ними на своей террасе. Но никогда у него не было детей – ни от Евы, ни от других женщин. Женщины были для него не более чем проблеском красоты, освещавшим тяготы его политической деятельности, составлявшей для него смысл жизни. Но женские лица, на которые падал его взгляд, каждый раз омрачала смертельная тень.

История с револьверными выстрелами на этом не закончилась. Очередная женская бомба взорвалась под балконом Гитлера в первый день второй мировой войны. На этот раз покончить жизнь самоубийством попыталась одна англичанка. Это была чудесная девушка. Я хорошо знал её и восхищался ей, как и её сестрами, одна из которых была женой Освальда Мосли, вождя английских фашистов. Все они были красивы. Но Юнити – Юнити Митфорд – была подобна греческой богине, стройная, светловолосая, она была живым воплощением совершенного германского типа. Она надеялась, что вместе с Гитлером они станут воплощением англо-германского союза, о котором всегда мечтал Гитлер, и о котором он говорил буквально за несколько дней до своей смерти. Она повсюду следовала за Гитлером. Преображённая, сияющая, она стояла среди толпы, через которую он проходил, направляясь к трибуне. И каждый раз при виде её легкая улыбка на краткий миг освещала суровое лицо Гитлера. Но и только. Гитлер любовался её прекрасным лицом и совершенным телом, что особенно было заметно в доме Вагнера в Байрете, но этим и ограничивалась вся идиллия. Гитлер был тогда накануне войны и вряд ли

отливающие золотом волосы прекрасной Юнити могли стать единственным предметом его забот.

Но для Юнити Гитлер был всем. Когда 3 сентября 1939 г. началась война с Англией, Юнити, поняв, что её любовь разбилась, перебралась через розовые кусты, цветущие под окнами кабинета Фюрера, и вытащила револьвер из своей сумочки. Она получила тяжёлое пулевое ранение в голову, но осталась в живых. И тогда произошло нечто совершенно необычное. После того как лучшие хирурги Райха, которым он доверил её жизнь (несмотря на разгар войны в Польше, он каждый день посылал ей розы), спасли её, он организовал её возвращение в Великобританию. На дворе уже стояла зима 1939-1940 гг., когда все основные страны континента включились в конфликт. Но Гитлер позаботился о том, чтобы раненную перевезли на специальном поезде не только через Швейцарию, но и через всю французскую территорию, вплоть до Дюнкерка, откуда на корабле в сопровождении выделенных для защиты самолетов Люфтваффе её доставили к берегам родины. Но это не помогло. Юнити, опустошённая горем, прожила только до конца войны. После того, как 30 апреля 1945 г. труп Гитлера сгорел в языках пламени в саду Канцелярии, она также позволила себе умереть.

Итак, с 1939 г. рядом с Гитлером оставалась только Ева. Её роль в его жизни до самого конца оставалась более чем скромной. Я говорю об этом, так как в это время я провёл почти целую неделю рядом с Гитлером в его генеральной Ставке. Ева Браун не появлялась там никогда. Впрочем, и ни одна другая женщина не удостоилась его близости на протяжении этих четырёх лет войны, которые он провёл затворником. Ева писала ему письма. Она звонила ему вечером, около десяти часов. Этим и ограничивалась их неторопливая любовь, сколь романтичная, столь и сдержанная. Только в конце войны она завершилась грандиозным финалом. Когда Ева поняла, что всё рушится, что человек, которого она любит больше всего, стоит на пороге гибели, она срочно на самолёте отправилась в пылающий Берлин, чтобы умереть рядом с ним.

И только тогда, в последний день своей жизни, в знак почтения к мужеству германской женщины и ее любящей жертвенности, предпочитающей скорее умереть, чем продолжать жить после смерти своего возлюбленного, Гитлер взял её в жёны. Он не женился раньше, поскольку единственной его женой была Германия. Но в этот день он покидал Германию навсегда. Поэтому он взял в жёны Еву. По сути это было жестом почтения. Свою последнюю ночь он провёл один, без неё. Он был сдержанным героем. Он остался таким и на пороге смерти. Трагической была жизнь, трагической стала смерть. Когда рядом с облитым керосином трупом Гитлера в огне стало потрескивать тело Евы, оно внезапно приподнялась из огня. На мгновение всех охватил ужас. Но затем оно вновь рухнуло в языки пламени. Так сгорела последняя любовь Адольфа Гитлера.

Несмотря на фантастичность любовной истории вождя Третьего Райха, на самом деле, она играла незначительную роль в его жизни в целом. Его целиком

поглощала борьба. Ни один политик на земле никогда не сумел так поднять народ, как это сделал Гитлер. Однако сегодня надо основательно потрудиться, чтобы отыскать среди широкой германской публики бывшего гитлериста, бесстрашно признающего себя таковым!

Правда, однако, состоит в том, что почти все германцы были гитлеристами, кто с самого начала, кто – позднее. Каждые новые выборы, каждый новый плебисцит прибавлял Гитлеру потрясающее количество новых сторонников, в этом Германия достигла почти полного единодушия. Люди голосовали за него по собственной воле. Никто их к этому не принуждал. Никто их не контролировал. Будь то территория Райха или регионы, пока еще находящиеся под чужеземным владычеством (Саар, Данциг, Мемель), результаты были одинаковы. Утверждать обратное – ложь. С каждыми новыми выборами германский народ подтверждал свою преданность Фюреру. И почему бы он не должен был этого делать? Он вытащил страну из экономического застоя. Он дал работу миллионам отчаявшихся безработных. Сотня новых социальных законов гарантировала трудящимся работу, медобслуживание, досуг, достоинство. Гитлер придумал для них народный автомобиль Фольксваген, продаваемый в долговременную рассрочку на условиях незначительных выплат. Тысячи рабочих могли совершить круиз от фьордов Норвегии до Канарских островов. Он оживил промышленность Райха, ставшую самой модернизированной и самой эффективной на всём континенте. За четверть века до того, как Франция решилась пойти по тому же пути, он обеспечил Германию прекрасными автострадами. Он воссоединил нацию, он вернул армию стране, которая до этого имела право строить только картонные танки. Из побеждённой, обескровленной первой мировой войной страны (три миллиона погибших!) он воссоздал сильнейшее государство Европы!

Но прежде всего – об этом крепко забыли, но именно это было главным достижением Гитлера, политически изменившим Европу – он примирил рабочую массу с родиной. Интернациональный марксизм – и различные космополитические течения – за пятьдесят лет повсюду оторвали народ от национального государства. Красные рабочие выступали против своих стран – и не без причин – поскольку родина для обеспеченных людей для них нередко была мачехой. В Бельгии они шли за красными знамёнами с изображением сломанного ружья. Во Франции они устраивали бунты в армии, как Марти. В Германии коммунисты срывали погоны с офицеров. Отечество – это для буржуа. Марксизм был анти-отечеством.

Гитлер, благодаря своей революционной программе социальной справедливости и благодаря значительному улучшению жизни трудящихся, вернул в лоно национальной идеи миллионы пролетариев, прежде всего, шесть миллионов германских коммунистов, которые, казалось, были навсегда потеряны для своей родины, более того, сознательно наносили ей вред, и даже могли бы стать её могильщиками.

Настоящей победой – долговременной и обещавшей стать окончательной победой – которую Гитлер одержал над марксизмом стало примирение национализма и социализма, отсюда и возникло название партии – национал-социалистическая, поистине прекраснейшее во всём мире из имён, когда-либо данное партии. К естественной любви к своей земле, которая, однако, сама по себе была бы слишком ограниченной, он присоединил универсальный дух социализма, не на словах, а в реальной жизни ведущий к социальной справедливости и к уважению к трудящимся. Раньше, до Гитлера, национализм слишком часто становился вотчиной буржуа и средних классов. И напротив, социализм был почти всегда исключительной собственностью рабочего класса. Гитлер синтезировал обе идеи. Но разве стареющий де Голль не пытался сделать то же самое?

Хуже всего дело обстоит с признанием достижений Гитлера в области военной стратегии. Не считая Картье, который в своей книге «Военные тайны, рассекреченные в Нюрнберге», опираясь на документы, доказал весь масштаб военного гения Фюрера, среди людей, мнящих себя великими умами, остаётся хорошим тоном с иронической снисходительностью говорить о неуместном вмешательстве Гитлера в военные операции. Однако прав именно Картье.

Рано или поздно история признает, что самым сенсационным в Гитлере был его военный гений. В высшей степени творческий гений. Ошеломляющий гений. Он стал творцом современной стратегии. Его генералы с большей или меньшей степенью согласия воплотили его теории в жизнь. Но сами по себе они стоили не больше, чем итальянские или французские генералы, принадлежащие к тому же поколению. Как и те, они готовились воевать по старинке и до 1939 г. с трудом понимали значение комбинированных действий авиации и бронетанковых войск, на необходимости которых настаивал Гитлер.

Тот же де Голль, которого принято считать первопроходцем в этой области, является таковым лишь отчасти. Он понял, что для прорыва фронта нельзя использовать танки как обычные пушки на колёсах, равномерно распределив их между пехотными батальонами. В этом смысле он упразднил устаревшие теории французского генштаба. Но в отличие от Гитлера, обладавшего гибким умом, он не сумел додуматься до необходимости поддержки наземного наступления – осуществляемого крупными бронетанковыми соединениями, наносящими удар в заданном направлении – одновременной массированной воздушной атакой при помощи авиационных эскадрилий, волна за волной обрушивающихся на участок фронта, предназначенный для прорыва, тем самым сводя на нет почти всякую возможность организованного сопротивления. Без поддержки «Штук» танковый прорыв у Седана 13 мая 1940 г. был обречён на неудачу. Именно массированный налёт тысяч «Штук» на левый берег Мааса расчистил путь танкам для дальнейшего продвижения.

Некоторые германские военные, такие как Гудериан, Роммель и Манштейн, уже в 1934 г. сумели оценить значение новой стратегии, разработанной Гитлером.

Но, по правде говоря, речь шла о малоизвестных офицерах, к тому же невысокого звания. Их также открыл Гитлер, почувствовавший в них людей, способных усвоить его идеи. Он же поспособствовал их продвижению по служебной лестнице, доверив им командование и обеспечив необходимыми средствами. Но таких было немного. Большинство же германских генералов, упрямо не желавших признавать эти новшества вплоть до 1940 г., оставались высококвалифицированными специалистами по устаревшей стратегии, которая никоим образом не смогла бы обеспечить ни полный захват Польши в трёхнедельный срок, ни тем более фантастичный танковый бросок от Седана к Нанту и Лиону в мае-июне 1940 г.

В военной области Гитлер был первооткрывателем. Обычно говорят о допущенных им ошибках. Но в тех условиях, когда ему приходилось непрестанно изобретать в этой области, было бы удивительно, если бы он не совершил ни одной. Помимо стратегии совместного использования наземных механизированных и воздушных сил, – которую будут изучать в военных академиях до Конца Света – он разработал такие разноплановые операции, как высадка в Норвегии, захват Крита, применение танковых подразделений для войны в пустынях Африки – о чём ранее никто даже не мог подумать – и так далее, вплоть до воздушных мостов. Воздушный мост в Сталинград был столь же трудным, сложным и опасным, как и тот, что организовали американцы для снабжения Берлина спустя несколько лет.

Гитлер досконально знал устройство каждого мотора, преимущества и недостатки любых артиллерийских орудий, все виды подлодок и кораблей и состав флота каждой страны. Его познания и память в этой области были просто потрясающими. Никто ни разу не смог поймать его на ошибке. Он разбирался в этих вопросах в тысячу раз лучше, чем крупнейшие специалисты.

Но кроме этого надо было обладать ещё сильной волей. И он всегда обладал ею в избытке. Только его стальная воля позволяла ему преодолевать все препятствия в политике, побеждать в таких фантастических обстоятельствах, которые сломили бы любого другого. Именно она позволила ему прийти к власти с соблюдением всех законов, добившись признания в Райхстаге, где его партия, хотя и самая многочисленная в Райхе, была в меньшинстве в тот день, когда маршал Гинденбург назначил его канцлером.

Сила сочеталась с хитростью – Гитлер был ловок и хитроумен. И одновременно он отличался жизнерадостностью. Его рисуют диким животным, в ярости катающимся по полу и вырывающим зубами куски из ковра. Говоря между нами, я с трудом представляю, какими же челюстями надо обладать, чтобы осуществить этот подвиг! Я провёл несколько дней и ночей рядом с Гитлером. И ни разу мне не доводилось наблюдать подобных приступов ярости, столь многократно описанных.

Впрочем, даже если бы такие приступы и случались, в этом не было бы ничего необычного. Найдётся ли человек, который, неся на своих плечах в тысячу

меньший груз забот, нежели Гитлер, ни разу не выходил из себя? Найдется ли хотя бы один муж, ни разу не устраивавший своей жене бурной сцены, ни разу не хлопнувший дверью, ни разу не разбивший тарелки?… Если бы Гитлер иногда выходил из себя, в этом не было бы ничего неправдоподобного. Тем более что поводов для раздражения у него было более чем достаточно: тупые генералы, которые ничего не понимали, тянули время, отказывались повиноваться, саботировали отданные приказы; соратники, постоянно норовящие обмануть; не соблюдавшиеся темпы производства; удары судьбы, сыпавшиеся со всех сторон; роковые предательства в ближайшем окружении. Но, несмотря на всё это, Гитлер умудрялся сохранять полное спокойствие.

Мне вспоминается один очень типичный случай. Однажды осенним полуднем 1944 г. я был у Гитлера, куда мы приехали вместе с Гиммлером на его длинной зелёной машине. Мы пили чай, когда внезапно на нас обрушилась обескураживающая новость об успешной высадке английского парашютного десанта в Голландии в тылу у германцев в Арнеме, рядом с Нимегом. Под ударом оказалась вся оборонительная система Гитлера на Западном фронте, не говоря уже о прямой угрозе Руру! Позднее охотно рассказывали, что некий предатель из голландского Сопротивления заранее сообщил германцам об этой операции, что и позволило им за несколько дней уничтожить эти британские подразделения. Но это ложь, одна из множества лживых историй, сфабрикованных после 1945 г. Я могу это утверждать, поскольку был свидетелем того, как приняли эту новость Гитлер и Гиммлер. Сначала они остолбенели от удивления. Но я видел и то, что было потом. Я видел, как Гитлер, за пару минут овладев собой, вызвал старших офицеров и в течение двух часов обдумывал сложившееся положение, оценивал данные, а затем в полной тишине, спокойно, не повышая голоса, диктовал приказы. Его поведение было безукоризненно и великолепно. Закончив, он распорядился подать чай. И до самой ночи, закрыв тему войны, он говорил со мной о либерализме. Уверяю вас, за всё это время он не сгрыз ни единого кусочка ковра! Он даже немного шутил, а потом ушёл, спокойный, слегка сутулый, на прогулку под соснами со своей собакой Блонди.

Несмотря на все эти сказочные истории о чрезвычайной вспыльчивости Гитлера, он был крайне деликатным и внимательным человеком. Я видел, как он своими руками готовил бутерброды для своих сотрудников, отправлявшихся в дорогу с поручением. Однажды, когда мы беседовали с маршалом Кейтелем, он, абсолютный трезвенник, принёс нам бутылку шампанского, чтобы оживить наш разговор.

Вопреки общераспространенному мнению он был терпимым человеком. Его отношение к религии было очень своеобразным. Он не одобрял вмешательства священства в политику, и в этом не было ничего предосудительного. Но его мысли по поводу будущего религий производили сильное впечатление.

С его точки зрения, борьба против религий, преследование за религиозные убеждения не имели смысла; научные открытия, раскрывающие тайны бытия – бывшие важнейшей составляющей, определяющей влияние Церкви – повышение уровня жизни, избавляющее людей от нищеты, которая на протяжении двух тысячелетий заставляла несчастных в поисках утешения обращаться к Церкви – всё это, по его мнению, должно было постоянно снижать влияние религий.

«Через двести, триста лет, – говорил он мне, – одни из них угаснут окончательно, другие будут едва живы».

Надо сказать, что тот кризис, который в последние годы испытывают все религии, и особенно католичество, которое почти окончательно утратило своё влияние среди цветных народов и было вынуждено отступить в белую Европу, – с его «адаптацией» вероучения, сдачей позиций перед иудаизмом, до этого считавшимся извечным врагом, коего некогда без колебаний отправляли на костёр, с его запоздалой демагогией, с упадком дисциплины, с ростом анархизма и сомнительными новшествами – отчасти подтверждает правоту Гитлера. Его взгляд на развитие религии, казавшийся тогда столь невероятным, оказался во многом, если так можно выразиться, пророческим.

Религиозная практика его не волновала. Я без труда получил от него разрешение на продолжение службы католических капелланов среди наших солдат, после того как мы сформировали сначала бригаду, а позднее дивизию в составе войск Ваффен-СС. Нашему примеру последовали многие. Самой оригинальной фигурой во французской дивизии Ваффен-СС «Шарлемань» был католический прелат мсье Майоль де Люпе, колоритный гигант, командор Почётного Легиона, награждённый Железным Крестом первой степени. Ни этот прелат Его Преосвященства, ни наша религиозная практика никоим образом не беспокоили Гитлера.

Однажды, гостя у Гитлера, я шёл на утреннюю мессу – тогда я был более набожным, чем сегодня – и столкнулся с ним в еловой аллее. Он собирался ложиться, ранним утром заканчивая свой день. Мой день только начинался. Мы приветствовали друг друга, обменявшись пожеланиями «доброго утра» и «спокойной ночи». Затем он, внезапно повернувшись ко мне своим мясистым носом, спросил: «Но Леон, куда вы направляетесь в такую рань?» «Я иду причаститься» – без обиняков ответил я. В его глазах промелькнуло лёгкое удивление. Затем он ласково сказал мне: «Что ж, будь жива моя мать, она составила бы Вам компанию».

Никогда я не чувствовал в нём ни малейшего подозрения или недоверия ко мне из-за того, что я был католиком. Неоднократно я говорил, в том числе и самому Гитлеру, что после войны, после восстановления моей страны, я бросил бы политику, чтобы способствовать нравственному и духовному расцвету нового европейского союза. «Политика это только одна из областей деятельности. Душа

также нуждается в собственной жизни и в развитии. Необходимо, чтобы новая Европа позволила ей расцветать легко и свободно.

В любом случае, именно христианам предстояло утвердить свой идеал в новом мире, возникавшем на наших глазах. Даже если отдельные руководители Третьего Райха проявляли враждебность к их религиозным убеждениям, христиане должны были сами отвоевать своё место под солнцем, точно так же, как это делали верующие при Бисмарке или при французской Республике Комба. Они не снимали с себя политической ответственности при режимах, которые изгоняли верующих из монастырей или навязывали им светское обучение. Чтобы бороться, надо оставаться на своём месте, бросаться в самый разгар схватки, а не отсиживаться в стороне, тщетно жалуясь на судьбу.

Гитлер был таким, каким он был. Гениям свойственны свои крайности. Но они наделены также исключительными способностями к творчеству и предвидению. Если бы Гитлер победил, для Европы, объединённой его армиями, открылись бы огромные возможности. И, бесспорно, ей грозили бы столь же великие опасности. Дабы воспользоваться первыми и предотвратить вторые, необходимо было оставаться на своём месте. Именно таким был мой выбор. Полностью отвернувшись от Третьего Райха, в случае его победы (а он мог победить; в 1940-41 гг. большинство европейцев верило в то, что он уже победил!) мы оказались бы лишены будущего. Отличившись на поле боя, в той единственной сфере деятельности, которая была нам открыта, мы укрепили бы свои позиции в нарождающемся Райхе, и, безусловно, приняли бы участие в будущем строительстве. Гитлер, сам солдат, был очень чувствителен к солдатской отваге. Многие руководители оккупированных стран несколько ревновали ко мне, поскольку Гитлер открыто выказывал мне почти отцовскую привязанность. Постоянно повторяли его слова, сказанные во время вручения мне в 1944 г. Рыцарского креста с дубовыми листьями. «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на Вас». Но что мешало политическим лидерам этих стран, вместо того, чтобы киснуть от безделья, отправиться, подобно мне, на восточный фронт и завоевать те права и уважение, которых добился я годами сражений, двумя дюжинами наград, заработанных потом и кровью, и длинным списком ранений, оставивших отметки на моей шкуре и в моём военном билете.

Как бы то ни было, Европа солдат была создана. Именно она силой овладела континентом, объединила его солидарностью, выстроила его согласно своим идеалам. Как известно, на восточном фронте воевало полмиллиона добровольцев. Все добровольцы, отправившиеся на русский фронт, были исполнены подозрений и набиты комплексами. Германцы захватили наши страны. Поэтому у нас не было никаких причин их любить. Многие из них, в Берлине и в оккупированных странах, здорово раздражали нас спесью, присущей покорителям. Та Европа, о которой мечтали мы, была не той Европой, какой хотели видеть её они, вытягивающиеся с руками по швам перед каким-нибудь генерал-полковником или гауляйтером. Наша Европа должна была создаваться на условиях равенства, без того, чтобы какое-либо

всемогущее государство по-фельдфебельски требовало бы повиновения от второсортных иностранцев.

Или все европейцы равны, или никакой Европы! Даже в разгар войны, в пылу сражений, когда мы ежечасно рисковали своей шкурой, сражаясь рядом с германцами, или даже вместо них – ведь им также не хватало людей! – агенты СД (знаменитой Sicherheitsdienst) не стеснялись внедрять к нам стукачей. Я обнаружил нескольких из них. Я разоблачил их перед солдатами, потребовал официальных извинений от германских властей и заставил отдать их под военный трибунал, сам выступив в роли обвинителя. Я добился того, чтобы они получили по несколько лет тюремного заключения.

В гигантской административной машине Райха хватало подсадных уток и стукачей. Лицемерно сгибающиеся в низком поклоне, важные германцы из Брюсселя, чувствуя нежелание подчиняться их воле, бомбардировали Берлин поносящими нас докладами с пометкой «geheim» (секретно!). Все их маневры были видны мне как на ладони. Они дошли до того, что сделали семь фотокопий с моих фронтовых писем семье!

Когда я вернулся в Бельгию с лентой Рыцарского Креста, полученной за прорыв окружения под Черкасском, все германские «важные шишки» Брюсселя, видевшие фотографии моей встречи с Гитлером, где он принимал меня с бросавшейся в глаза симпатией, и державшие нос по ветру, явились ко мне в Древ де Лоррен с поздравлениями. Там же был глава СД, некий полковник Канарис – однофамилец известного адмирала, главы германской контрразведки и предателя, закончившего свою карьеру в апреле 1945 г., действительно достигнув довольно высокого положения, которого он, впрочем, не сумел предугадать – подвешенным на мясницком крюке. Когда настал его черёд и мой брюссельский Канарис подошёл ко мне, сочась подобострастием, я намеренно громко спросил его, указывая присутствующим на буквы СД на его рукаве: «Полковник, знаете ли Вы, что означают эти буквы?».

Он побагровел. Он не понимал. Для него СД естественно значило Sicherein Dienst (Sicherheitsdienst). Но подобный вопрос, заданный в присутствии германских генералов, не позволил ему так ответить. Что я собственно хотел сказать?…

«Вы не знаете? Что ж, я вам это объясню, полковник; СД означает «Слежка за Дегрелем!»» Если бы он мог, этот бедолага провалился бы под землю от стыда. Все стало понятно, что коса нашла на камень, и лучше прекратить попытки подставить меня. С германцами такая резкая реакция приносила свои плоды.

Наши темпераменты также часто различались. Германцы нередко бывают напыщенными, чопорными, крайне обидчивыми. Мы же не лишены чувства юмора, и хорошая шутка доставляла нам больше удовольствия, чем высокопарные речи.

Однако спустя два года совместных сражений, общих страданий и общих побед, наши предрассудки рассеялись, завязались дружеские отношения, выяснилась идейная близость наших политических взглядов.

После войны молодежь заставила бы старых ретроградов принять своё, фронтовое видение европейского единства, и, невзирая на звания и особо не церемонясь, решительно отодвинула бы в сторону любого из них, если бы этого потребовала необходимость или польза дела.

На восточном фронте действительно существовала Европа. Но не Европа лавочников, для которых объединение Европы означало бы исключительно увеличение их личных доходов. Не Европа консервативных военных, которые с исключительной нетерпимостью распоряжались своими западными вотчинами в период оккупации. Нет, это была Европа солдат, Европа молодых идеалистов, спаянных совместно пережитыми испытаниями и достигших единства своих политических убеждений и общности своих представлений о будущем.

Сплочённые фронтовым братством в Европе, созданной руками молодых солдат-победителей, мы сохранили бы наше фронтовое равенство и солидарность и выбросили бы за борт некогда всесильных старцев, ставших заложниками собственного прошлого.

Солдаты Ваффен-СС, подвергшиеся глупой и несправедливой дискредитации, были настоящей аристократией Героизма, заслужившей всеобщее признание благодаря исключительной отваге и мужеству, с которыми они бросались в бой во имя торжества своего идеала, прошедшего испытание железом и огнём.

А их превратили в обслугу концентрационных лагерей. Солдаты Ваффен-СС, сражавшиеся за тысячи километров от своей земли, ничего не знали о концлагерях. Иногда нам приходилось целый месяц ждать писем из дома. Присланная газета становилась целым событием. Фронтовики не имели ни малейшего представления о том, что делали жиды, как и о том, что делали с ними в тогдашней Европе.

Когда мы отправлялись в Россию, мы не слышали о том, чтобы в какой-либо западной стране жидов задерживали бы только за то, что они были жидами. Влиятельные иудеи имели достаточно времени, чтобы убраться, и они не упустили своего шанса.

Фронтовики из Ваффен-СС ничего не знали о судьбе жидов после 1942 г., о повторившейся в который раз древней трагедии; но ведь ни святой Луи, изгнавший их из Франции, ни Изабелла-Католичка, изгнавшая их из Испании, насколько мне известно, не были гитлеристами.

Войска Ваффен-СС представляли собой великолепную когорту, которой не знал ни Рим, ни наполеоновская Империя, где были собраны лучшие солдаты не

только из Германии, но со всей Европы. Германцы и другие европейцы жили в боевом братстве и были совершенно равны. Иногда европейцы оказывались даже более равными, чем германцы! Ни к кому из германцев Гитлер не относился с такой теплотой и привязанностью, как ко мне, ко мне – иностранцу, возглавлявшему иностранную дивизию Ваффен-СС.

Так почему же мы должны были опасаться будущего? Мы, своими глазами видевшие европейское единение, сплотившее миллионы молодых людей из двадцати восьми разных стран, миллионы самых отважных, самых стойких и лучше вооружённых солдат во всей Европе. Кто осмелился бы нами пренебречь? Кто решился бы оказать нам сопротивление? Будущее принадлежало не старым интриганам, завтрашним обитателям дома престарелых, но нам, молодым волкам. Я очень хорошо знал Гитлера.

Я больше не опасался того, что в единой Европе мне придётся действовать вместе с этим политическим гением, мечтавшим объединить Европу, стоящим выше всех региональных и национальных предрассудков.

«После войны, – говорил он мне, – я переименую Берлин, чтобы он стал уже не столицей только германцев, но общей столицей». Он умел созидать, мечтать, объединять.

Могли ли мы перед лицом этого величайшего — и, безусловно, рискованного — творения, этого воплощения высочайшей мечты, предпочесть возврат к прежней Европе мелкобуржуазных режимов, вечно грызущихся между собой, не знавших ни великих пороков, ни великих добродетелей, под властью которых разрозненная Европа в лучшем случае, как и до войны, продолжала бы прозябать в посредственности? Да, мы рисковали, но на фронте риск был не меньше. Да, с Гитлером мы рисковали, но рисковали по-крупному.

Именно в этот момент, когда мы, справившись с самыми серьёзными сомнениями, вынашивали возвышенные замыслы, раздался первый зловещий треск, и на нас обрушился удар чудовищной силы, весть о капитуляции Паулюса на Волге, в Сталинграде, под белёсым морозным небом.

Глава 10

От Сталинграда до Сан-Себастьяна.

Что можно сказать о германском маршале Паулюсе, который, потерпев поражение в Сталинграде в конце января 1943 г., увлёк за собой в пучину Гитлера и Третий Райх? Неудачей, а точнее ошибкой Гитлера, поскольку именно Гитлер доверил ему этот пост, стало то, что в критический момент он назначил на ключевой участок русского фронта командующим шестой армией человека, не обладавшего качествами, необходимыми для того, чтобы выдержать удар или хотя бы смягчить его катастрофические последствия.

Это поражение стало настоящей катастрофой, как с военной, так и с моральной точки зрения. Паулюс не просто проиграл, он проиграл вчистую. И его тотальное поражение не могло не иметь широкомасштабных последствий. Впрочем, потеря 300 000 человек ещё не означала конца света – русские за полтора года потеряли в двадцать раз больше. У Гитлера ещё оставалось довольно широкое пространство для манёвра, как на территории СССР, так и на территориях Восточной Германии, которое он и использовал вплоть до конца апреля 1945 г. В 1943 г. Германия по-прежнему обладала значительными материальными ресурсами и промышленными мощностями, рассредоточенными по всей площади оккупированной Европы. В те времена Днепропетровск, находящийся за тысячи километров от Рура, ночами ещё светился огнями заводов, производящих вооружение для Вермахта. Эстонские заводы Гитлера под защитой аэростатов продолжали извлекать из сланцев топливо, столь необходимое для Люфтваффе. Но Сталинград стал началом падения. Верёвка оборвалась, и хотя казалось, что её ещё можно связать вновь, это был необратимый обрыв, за которым последовало всё более стремительное и неудержимое падение в пропасть.

Поставив Паулюса во главе шестого армейского корпуса, Гитлер даже не подозревал, что именно этому мелочному и нерешительному штабному службисту (которого он отозвал от высшего командования на Украине) придётся взять на себя величайшую ответственность. Во время летнего наступления 1942 г. его армейскому корпусу удалось без особого риска продвинуться вглубь территории противника. Казалось бы, совершить бросок к Кавказу, пройдя более тысячи километров, через горы, ущелья, бурные реки, которые преграждали доступ к нефти, было гораздо рискованнее, нежели пройти с уже закалёнными в боях войсками несколько сотен километров от Днепра до Дона по практически равнинной местности до Волги, реки, которая уже благодаря самой своей ширине могла стать крупнейшим естественным защитным рубежом по всей линии русского фронта. Однако именно там всё затрещало и рухнуло.

Любой германский военачальник Вермахта или Ваффен-СС – Гудериан, Роммель, Манштейн, фон Клейст, Зепп Дитрих, Штайнер или Гилль (Gille) – дошли бы до Сталинграда за несколько недель и закрепились бы там. Паулюс был крупным чином генштаба, кабинетным генералом, компетентным до тех пор, пока он

составлял свои планы на карте, тщательно выверяя статистические данные. Такие люди необходимы, но их нужно использовать строго по специальности. Ведь у него полностью отсутствовал опыт командования крупными войсковыми соединениями в реальности. До этого самым крупным подразделением, из бывших под его прямым командованием, был один батальон, то есть одна тысяча человек! К тому же это было почти десять лет тому назад! Его бывший шеф, генерал Гейм (Heim), так оценил его краткий опыт командования: «Недостаток решительности». Теперь же Гитлер внезапно решился отдать ему в подчинение триста тысяч людей!

Почти всю свою жизнь Паулюс провёл среди штабной бюрократии. Но он был честолюбив. Его жена, румынка, носящая комичное прозвище Кока, бурлящая, как и пойло с тем же названием, была ещё более честолюбива, чем он. Она отличалась раздражающим самодовольством и хвастовством. По её словам она принадлежала к высшей балканской знати и даже имела в своих венах королевскую кровь. Но на самом деле она носила малопоэтичную фамилию Солеску (Solescu), свидетельствующую о её происхождении из простонародья, а её отец, полный простак, давно бросил её мать. Она кривлялась во всех салонах. Своими беззастенчивыми просьбами она донимала всех высших лиц генштаба, упорствуя в своём желании видеть мужа немного-немало как преемником маршала Кейтеля!

Гитлер доверял, главным образом, тем людям, которых он знал лично. Перед его глазами постоянно стояло строгое лицо Паулюса, склонившегося над документами и разрабатывающего очередную операцию. Как раз в этот момент он намеревался начать срочные перестановки на русском фронте, отозвав слишком старых и утративших хватку генералов и заменив их теми, кто лучше всех проявил себя во время успешного летнего наступления. В частности, ему срочно требовалось заменить командующего шестой армии, маршала фон Рейхенау, разбитого апоплексическим ударом в снегах Донецка при сорокаградусном морозе. Гитлер, застигнутый врасплох, назначил на его места Паулюса, который всегда был у него под рукой. Но это был абсолютно никудышный человек. В июле 1943 г. во время наступления на Волге он должен был совершить бросок, стремительно прорываться вперёд, как рвались все мы. Но он еле тащился, постоянно застревая на месте, спотыкаясь о каждую мелкую кочку, отменяя свои едва принятые решения, и ко всему прочему обуреваемый своими личными поистине смехотворными проблемами, самой значительной их которых на протяжении всей кампании были проблемы работы его кишечника! Тягостно было смотреть, как командующий армией в самый разгар сражений буквально целиком погружался в ничтожные разговоры о своих болячках. Нас всех мучил понос, что с того! Бог мой, добежать до ближайшего редкого в степи куста, и все дела! Спустя минуты три, облегчившись и затянув ремень на одну лишнюю дырку, напевая, встаёшь обратно в строй! Но Паулюс наводнял свои письма жалобами о своих кишечных затруднениях. Сотни тысяч солдат, кому довелось выпить слишком жирного куриного бульона, или глотнуть стоячей воды, тем не менее, не считали это поводом взывать к Небесам и Богам!

Корреспонденция Паулюса сохранилась по сей день. Она переполнена скорбными описаниями мучающего его поноса, старыми историями о гайморитах и жалобами на материальные затруднения, с которыми ему пришлось столкнуться как и любому командиру крупного армейского подразделения, и которых в его армии было ничуть не больше, чем в любой другой части! Напротив, ему выпала более легкая доля. Его поход не был длительным, и препятствия, встречающиеся ему на пути, были незначительными, либо, во всяком случае, не такими, которые требовали серьёзных усилий для их преодоления. Ему достаточно было достичь своей цели, Волги, чтобы получить в своё распоряжение прекрасное укрепление в виде огромного водного барьера, шириной в десять километров и глубиной в десяток метров.

Вместо этого, погрязший в мелочах, подточенный переживаниями и печалями по поводу состояния своего брюха, Паулюс затормозил перед форсированием последней излучины Дона, дав противнику время перегруппироваться. Через реку переправились, но с опозданием на две недели. Больше ничто не мешало нанести последний сокрушительный удар. Ударные отряды вышли на берег Волги. Через два-три дня форсированного наступления Паулюс с высоты правого берега видел перед собой только пустынную реку, а за своей спиной – массу последних советских войск, оказавшихся в окружении. Советский маршал Еременко оказался зажатым в своём последнем убежище на Волге шириной в восемьсот метров.

И вновь Паулюс из-за своей нерешительности позволил остановить себя за несколько сотен метров до окончательной победы, погрязнув в мелкомасштабных, неоправданных и гибельных операциях, как будто в его памяти сохранились воспоминания исключительно о боях на местности, не превышающей площадью одного квадратного метра, как под Верденом в 1917.

Всё шло во вред этому бюрократу, оказавшемуся не на своём месте. Оборона северного участка сталинградского фронта, неосмотрительно порученная румынским и итальянским частям, была прорвана в первый же день ноябрьского наступления 1942 г. под Кременской, которое русские готовили в обстановке полной секретности. Однако германской разведке удалось обнаружить их приготовления, и были приняты незамедлительные меры для усиления этого участка. Но, как было сказано, ни одна беда не обходила стороной злосчастного Паулюса.

10 ноября 1942 г., т.е. за девять дней до советского наступления, Гитлер приказал перебросить машины 22-ой германской танковой дивизии, находящиеся в резерве, для укрепления этого наиболее слабого участка фронта, обороняемого третьей румынской армией. Эти резервные танки больше месяца стояли укрытыми в целях маскировки под стогами сена. И никто даже не подозревал, что за это время крысы – да, да, крысы! – перегрызли и сожрали сотни метров проводов и кабелей электропроводки!

Когда пришло время снять маскировку и выступить в поход, тридцать девять из ста четырёх танков даже не завелись, а ещё тридцать семь других пришлось бросить по дороге. В конце концов, после девяти дней технических работ, не более чем двадцати танкам удалось вступить в бой под ураганным огнём наступающих русских, которые уже более тридцати часов назад прорвали румынский фронт. Такова война. Иногда, чтобы проиграть, достаточно такого смешного или даже потешного инцидента. Стая оглодавших крыс стала одной из причин крупнейшего поражения на Восточном фронте! Если бы не они, сто четыре машины двадцать второй танковой дивизии смогли бы выстроить оборонительную линию до начала советской атаки. Проклятые зубы грызунов уничтожили нервную систему танков. Сопротивление советскому натиску было оказано лишь спустя тридцать часов после прорыва. Сопротивление всего из двадцати танков, которым удалось ускользнуть от аппетита этих прожорливых морд! За это время погибло более семидесяти пяти тысяч румынских солдат!

Другой естественной преградой на западном участке фронта был Дон. И опять невероятное невезение: когда советские танки, со всех сторон форсировавшие эту реку, появились вблизи главного моста у Калача, германцы, обороняющие мост, приняли их за своих! Мост не был взорван. За пять минут Дон был преодолён! С этой минуты Паулюс окончательно потерял голову. Он даже попытался укрыться в расположении резервных войск, дислоцированных в Нижне-Чирской на западе Дона, вылетев туда на аэроплане и потратив понапрасну решающие часы. Изолированный от своего штаба, он был вынужден вернуться по телефонному приказу разгневанного Гитлера, более чем когда-либо обескураженный, колеблющийся и не знающий, на что решиться. Он не сумел помешать колоннам советских танков, идущих с севера и юга, соединиться у себя в тылу.

Однако, несмотря на всё это, дело ещё не было проиграно. Гитлер срочно отправил к Сталинграду запасную танковую колонну под командованием генерала Гота (Hoth), подчинённого маршала фон Манштейна. Сотни раз писали о том, что Фюрер бросил Паулюса. Ничего подобного. Танки дошли до реки Мышковая, расположенной в сорока восьми километрах на юго-запад от Сталинграда. Они подошли настолько близко к Паулюсу, что удалось наладить радиосвязь между попавшими в окружение и их освободителями. Сохранились сообщения, которыми обменивались Паулюс и фон Манштейн. Их читаешь с горечью. Паулюс мог спасти своих людей за сорок восемь часов. Ему надо было прорываться к своим спасителями, и он мог бы это сделать с теми людскими силами и сотней танков, которые ещё оставались в его распоряжении. Спустя год, когда, мы, также как и он, оказались в окружении одиннадцати дивизий под Черкасском, мы сначала ожесточённо сопротивлялись двадцать три дня, а когда узнали, что идущие к нам на выручку танки генерала Хубе (Hube) находятся в двадцати километрах от нас, бросились к ним навстречу, прорвав окружение. Мы потеряли восемь тысяч человек в ужасающей схватке, но пятьдесят четыре тысячи воспользовались образовавшейся брешью и были спасены.

Если бы при прорыве Паулюс потерял бы вдвое или даже впятеро больше людей, это всё равно было бы лучше, чем обречь свою армию, как это сделал он, на ужасную смерть в полном окружении, или, что ещё хуже, на капитуляцию, так как позднее из двухсот тысяч солдат шестой армии, попавших в плен к Советам, более ста девяноста тысяч умерли в лагерях от изнеможения и голода. Из всех попавших в плен в Сталинграде только девять тысяч вернулись на родину спустя много лет после войны.

Таким образом, всё было лучше, чем оставаться в ловушке. Надо было прорываться. Паулюс не мог ни на что решиться. Фон Манштейн вёл с ним переговоры по рации, он послал к нему своих штабных офицеров на самолёте в самое сердце Сталинграда, чтобы, наконец, подтолкнуть его принять хоть какое-то решение. Его танковые колонны под командованием Гота (Hoth), выдвинувшиеся вперёд как стальное копьё, рисковали сами в свою очередь попасть в окружение, если Паулюс не перестанет тянуть время. И именно в этот момент этот педантичный штабист, с его маниакальной привычкой не делать ни единого шага без того, чтобы предварительно не исписать гору бумаг, и, на самом деле, в глубине души мечтавший только о том, чтобы его оставили в покое, сообщил своим спасителям, что ему нужно шесть дней, чтобы завершить подготовку к прорыву! Шесть дней! За шесть дней в 1940 г. Гудериан и Роммель преодолели расстояние от Мааса до Северного моря! Паулюс и его шестая армия потерпели разгром под Сталинградом, поскольку у её командующего не было ни силы, ни воли, ни решимости. Спасение было у него под самым носом, всего в сорока восьми километрах. Неслыханное усилие танкистов, пробившихся почти вплотную к нему ради освобождения его армии, с которыми он смог бы соединиться за два дня, пропало даром. Паулюс, этот теоретик-размазня, неспособный к практическим действиям, сдавшийся, прежде чем было принято формальное решение, заставил своих спасителей попусту терять время, ожидая его. Он не появился. Он даже не намеревался появиться. Танкам фон Манштейна после затянувшегося и крайне опасного ожидания пришлось сдаться и повернуть назад.

Паулюс сдался месяцем позже и гораздо более жалким образом. Как минимум, он должен был умереть в бою, возглавив остатки своих войск. Он же лежал на своей койке в подвале, где располагался его штаб, ожидая, пока снаружи его офицеры не закончат переговоры с советскими эмиссарами. С отвратительной настойчивостью он требовал, чтобы после сдачи за ним прибыл его автомобиль, который должен был доставить его в главную штаб-квартиру врага. Его армия агонизировала, а он думал только о машине для транспортировки. В этом был весь этот человек.

Спустя несколько часов, приглашенный на завтрак советским командованием, он попросил водки и поднял стакан перед ошеломлёнными советскими генералами, произнеся тост в честь только что одолевшей его Красной Армии! Текст этой небольшой застольной речи, сразу же застенографированный советской разведывательной службой, сохранился по сей день в изначальном виде.

Его невозможно читать без отвращения. Двести тысяч солдат Паулюса были мертвы или готовились к отправлению в лагеря, где их ожидала страшная смерть. А он с водкой в руке приветствовал коммунистов-победителей!

Его отправили в Москву на поезде особого назначения, в спальном вагоне. Уже тогда этот вечно нерешительный военный был живым трупом, как политически, так и морально. Он созрел для измены. Благодаря ей, он сумел избежать виселицы в Нюрнберге. Он вернулся на жительство в Восточную Германию. Он прозябал там ещё несколько лет. Но он уже давно был мёртв. Этот посредственный, малодушный и безвольный военный подорвал дух армии своей страны. Как кошка с переломанным позвоночником, Вермахт ещё в течение двух лет, несмотря на поражения, стойко оказывал героическое сопротивление. Но битва была проиграна. Благодаря трусости Паулюса в глазах всего мира рухнул миф о непобедимости Третьего Райха.

Той же зимой маршал фон Манштейн, к которому так и не рискнул пробиться Паулюс, когда он мог – и был обязан – это сделать, если бы бросил все свои силы, попавшие в окружение, на прорыв к спасателям, доказал, что в подобной ситуации можно продолжать сопротивляться, вырваться из окружения и даже выиграть сражение. Три месяца он держался под непрерывным артиллерийским огнём русских, которые, избавившись от армии Паулюса в тылу, сумели стремительно продвинуться вперёд на сотню километров, форсировав Дон, пройдя Донецк и заняв часть Украины. Когда красные откатились на запад, он взял их в клещи и наголову разгромил их, отвоевав Харьков и частично на время оттянув катастрофу на Волге.

Если бы Паулюс прорвался к Манштейну, чтобы затем сражаться вместе с ним, или хотя бы смог продержаться в руинах Сталинграда до полного наступления весны – это было вполне осуществимо – война, возможно, ещё могла бы быть выиграна, или, по меньшей мере, нам удалось бы максимально отстрочить советское наступление.

Несмотря на всю жестокость сталинградской битвы, возможность сопротивления оставалась. В захваченном Сталинграде в руки германцам попали склады со значительным запасом боеприпасов и продовольствия. Воздушный мост обеспечивал если и не полную, то существенную поддержку. Не говоря уже о двадцати трёх тысячах лошадей и вьючных животных, попавших в окружение месте с войсками, которые были равноценны миллионам килограмм мяса, пригодного для пищи. Статистика по снабжению, предоставленная Паулюсом, была ложной; так делают все командиры воюющих соединений, которые обычно вдвое занижают цифру того, что у них есть, и удваивают цифру того, что запрашивают. В Ленинграде русские, обладая в тридцать раз меньшими запасами продовольствия, два года держали оборону и, в конце концов, выстояли.

В любом случае, продолжать сопротивление даже в худших условиях в Сталинграде было лучше, чем послать двести тысяч уцелевших солдат на голодную смерть в советских лагерях.

Для освобождения осаждённых спешно перебрасывались танковые дивизии из Франции. Счёт шел на месяцы. За это время могло появиться новое оружие, способное всё изменить. Уже тогда в Третьем Райхе изобрели реактивные истребители и самолёты (с переменной геометрией, с изменяемой стреловидностью крыла?), о которых союзники даже не мечтали. К 1944 г. могли появиться первые действующие германские ракеты. Если бы удача не изменила Гитлеру, особенно когда взлетел на воздух (?) завод по производству тяжёлой воды в Норвегии, то атомная бомба, подобная той, что была сброшена на Хиросиму, могла бы упасть до 1945 г. на Москву, Лондон или Вашингтон. С другой стороны, не было ничего невероятного в том, что Черчилль и Рузвельт успели бы понять, пока ещё не стало слишком поздно, что им придётся отдать СССР полмира.

Они могли бы вовремя отказаться от поставок Сталину четырехсот пятидесяти тысяч грузовиков, тысяч самолётов и танков, сырья и боевой техники, которые обеспечили Советам их господство от Курильских островов до Эльбы. Поэтому имело смысл стоять до конца – на берегу Волги, на Днепре, на Висле, на Одере. Каждое сражение, затрудняющее и замедляющее продвижение красных армий, возможно, спасло миллионы жизней свободных граждан Европы, оказавшихся в смертельной угрозе.

После Сталинграда, когда способность Третьего Райха к сопротивлению была восстановлена, и германцы вновь захватили Харьков, ещё несколько месяцев теплилась надежда на то, что можно будет снова, в третий раз перехватить инициативу. После первой зимней кампании потребовались невероятные усилия для восстановления боеспособности европейских армий, так как Сталин приспособился к молниеносной войне, разгадав её тайну. Бросок на Кавказ состоялся, но, по правде говоря, он был неудачным, так как основным силам противника удалось ускользнуть. После второй зимней кампании и сталинградской катастрофы, имевшей не столько военное, сколько моральное значение, начать третье наступление стало ещё труднее, поскольку за это время изменилась обстановка на Западном фронте.

Союзники высадились в Северной Африке, закрепились на всём протяжении южного Средиземноморья, от Орана до Суэцкого канала. Потерпевший поражение Роммель ощущал себя уже не древнеримским проконсулом, но исполненным желчи и озлобленным исполнителем, следующей жертвой интриганов. Европейский континент мог быть захвачен когда угодно, что и произошло в том же году с приходом янки, жующих свою жвачку под апельсиновыми деревьями Палермо и гоняющихся за девушками по тёмным улочкам Неаполя, пропахшим жасмином и мочой.

Тем не менее, была предпринята последняя попытка. В июле 1943 г. огромная масса оставшихся танковых дивизий вновь устремилась к Курску, в направлении Орла, чтобы принять участие в крупной операции по уничтожению советской техники, в случае успеха которой нам, наконец, после стольких наступлений удалось бы овладеть крупными реками и равнинами вплоть до самой Азии. Наступил час решающего испытания. Советы прошли хорошую школу. Они усвоили уроки 1941 и 1942 гг., преподанные им германскими учителями. Их заводы, восстановленные под прикрытием уральских гор, изготавливали для них тысячи и тысячи танков. Американцы тупо доделали остальное, безвозмездно снабжая их гигантским количеством техники и новейшим вооружением. В нашем тылу англо-американская авиация уничтожила всё, тем самым облегчив Советам путь к европейской добыче.

Дуэль Курск-Орёл была фантастической. Гитлер задействовал на этом узком отрезке земли столько же танков и авиации, что и на всём протяжении линии русского фронта во время генерального наступления в июне 1941 г. В течение многих дней шла битва русских и германских танков – сталь против стали. Но первоначальный двойной натиск армий Райха изо дня в день ослабевал, был остановлен и нейтрализован. На этот раз германская армия действительно была разбита. Ей не удалось прорваться. Пришлось убедиться в том, что русская техника стала сильнее. Именно там была проиграна вторая мировая война, в Курске и под Орлом, а не в Сталинграде, так как триста тысяч потерь из одиннадцати миллионов солдат ещё не означают необратимой катастрофы. Но необратимой катастрофой стала эта дуэль танковых армий Гитлера и Сталина на поле битвы Курск-Орёл, в самом центре России в июле 1943 г.

С этого момента огромный русский каток неумолимо покатился в сторону западных стран. Единственное, что ещё можно было предпринять, так только попытаться несколько затормозить его движение, в надежде остановить его прежде, чем он достигнет сердца Европы. Чтобы спасти то, что ещё можно было спасти, мы продолжали сражаться ещё два года, два страшных года, когда за неделю мы теряли больше людей, чем раньше за три месяца. Мы вгрызались в землю, мы позволяли взять себя в окружение, чтобы на десять, двадцать или более дней задержать врага. Мы отступали, вырываясь ценой апокалиптических схваток, оставляя за собой в ночных снегах умирающих, которые провожали нас отчаянными криками: камраден, камраден… Несчастные наши товарищи, тела которых медленно заваливал снег, тот снег, который, иной раз был нашей единственной пищей. Нам приходилось прорываться сквозь пылающие русские деревни, среди раненных, корчащихся от боли на побагровевшем от крови льде, среди бьющихся в агонии лошадей, из распоротого брюха которых, подобно чудовищным коричнево-зелёным змеям, выползали кишки. Последние танки отчаянно бросались в бой, их экипажи сознательно приносили себя в жертву, а точнее отдавались на заклание. Целыми подразделениями они отправлялись в кровавую мясорубку.

Но линия фронта трещала повсеместно, повсюду зияя провалами. Десятки тысяч танков, миллионы монголов и киргизов затопили Польшу, Румынию, Венгрию, Австрию, затем Силезию и Восточную Пруссию. Мы без передышки вновь и вновь отбивали и отвоёвывали германские деревни, за несколько часов до этого захваченные советскими войсками: кастрированные старики агонизировали на земле в лужах крови, женщины, от старых до малых, изнасилованные по пятьдесят, восемьдесят раз, неподвижно лежали распростёртые на земле, с руками и ногами, ещё привязанными к колышкам.

Именно это мученичество Европы мы хотели остановить или хотя бы уменьшить его до минимально возможного масштаба. Наши юноши готовы были умирать тысячами ради того, чтобы предотвратить эти ужасы, дав время беженцам за нашей спиной найти убежище во всё более сужающейся Европе. Когда Гитлера упрекают за то, что он затягивал окончание войны, не понимают того, что без его неистовой воли, без его драконовских приказов сражаться до последнего, без экзекуций и отправки на виселицу отступивших генералов и дезертировавших солдат, десятки миллионов западных европейцев точно так же были бы накрыты наступающей волной и познали бы удушающее рабство, в котором оказались сегодня прибалтийцы, поляки, венгры и чехи.

Пожертвовав остатками своей армии в отчаянных схватках, один солдат против ста, Гитлер, какова бы ни была его ответственность за начало второй мировой войны, спас миллионы европейцев, которые без него, без его энергии и без всех наших несчастных товарищей, павших в боях, на долгое время стали бы рабами.

Когда Гитлер выстрелом из пистолета выбил себе мозги, то, что ещё можно было спасти, было спасено. Только тогда, когда страждущие колонны последних беженцев добрались до Баварии, Эльбы, Шлезвиг-Гольштейна, дым от трупа Гитлера поднялся над расщепленными артиллерийским огнём деревьями его сада. Орудия смолкли. Трагедия закончилась.

После официального объявления о капитуляции оставались только разрозненные группы последних бойцов, зачастую лишенные всякой связи с командованием. Окружавшие меня товарищи, также как и я, не желали сдаваться. На нашем участке фронта, который обороняли норвежские части, к которым мы, в конце концов, присоединились, пройдя в непрерывных боях от Балтийского моря через Эстонию до Дании, мы нашли брошенный самолёт. С трудом мы раздобыли для него топливо. Чтобы добраться до какой-нибудь нейтральной страны, например, Испании, нам нужно было пролететь две тысячи триста километров.

Наши шансы почти равнялись нулю? Несомненно! Полёт на две тысячи километров над территорией противника, под огнём вражеской зенитной артиллерии, над авиабазами, где располагались эскадрильи истребителей,

несомненно, был рискованной затеей, так как нас могли сбить сотню раз. Но мы предпочли рискнуть, но не сдаться.

Мы поднялись в небо глубокой ночью и пересекли всю Европу, почти оглохнув от непрерывного огня союзников. На рассвете мы достигли Бискайского залива. Моторы фырчали, захлёбываясь, бензобаки были пусты. Неужели нам суждено погибнуть в нескольких минутах лёта до Испании? … Мы были исполнены решимости приземлиться где угодно; если после приземления нас сразу не убьют, мы захватим первую попавшуюся машину. У нас было с собой шесть пулемётов, так что в случае чего мы надеялись отстреляться и добраться до границы. Но нет, самолёт продолжал держаться в воздухе. Нам удалось выровнять его в последний раз, залив последние капли топлива, остававшиеся в баках, в оба двигателя. Мы падали. У нас уже не оставалось времени на то, чтобы осмотреться. Мы подрезали крыши, покрытые красноватой черепицей, и спикировали на открытый рейд. Затем перед нашими глазами вздыбилась громадная скала. Слишком поздно! На скорости триста километров в час мы затормозили корпусом машины. Двигатель буквально взорвался. Обезумевший самолёт, расколовшись надвое, нёсся по готовым поглотить его морским волнам.

Перед нами за блестящими на солнце волнами просыпался Сан-Себастьян. С мола над нами двое guardias civiles махали своими чёрными кепи. Вода хлынула в расколовшийся самолёт, заполнив его почти доверху, но оставшиеся по счастью двадцать сантиметров всё же позволяли нам дышать. Мы разбились в лепешку – сломанные кости, разорванная плоть. Но не было ни мёртвых, ни умирающих. К нам подплыли лодки, нас вытащили из самолёта и переправили на берег. Меня увезла скорая помощь. Тяжелораненый, я провёл пятнадцать месяцев в военном госпитале Мола. Моя политическая жизнь закончилась. Моя фронтовая жизнь закончилась. Началась новая жизнь, неблагодарная жизнь ненавистного и преследуемого изгнанника.

Глава 11
Изгнанники

Meine liebe Degrelle… Так обратился ко мне Гиммлер глубокой ночью 2 мая 1945 г., когда мы утопали в грязи посреди погружённого в темноту поля. Впереди, в пятистах километрах от нас, тысячи самолётов союзников заканчивали уничтожать город Киль. Далёкие взрывы окатывали наши съёжившиеся тела волнами света, подобно расплавленному металлу, от чего окружающая нас ночь становилась ещё темнее. Meine liebe Degrelle, вы должны выжить. Скоро всё изменится. Вам надо выиграть шесть месяцев. Шесть месяцев. Он пристально всматривался в меня своими маленькими глазками из-под очков, в стёклах которых при каждой новой порции взрывов полыхали отблески пламени. Его круглое лицо, обычно мертвенно-бледное как луна, стало ещё более бледным в этой обстановке стремительно надвигающегося Конца Света.

Несколькими часами раньше, ближе к концу дня, мы потеряли Любек. Преследуемые английскими танками и обстреливаемые Tieffliegers, мы выбрались на главную автостраду Дании, когда я заметил большой чёрный автомобиль Гиммлера, сворачивающий на просёлочную дорогу. Чуть раньше я уже столкнулся носом к носу с Шпеером, бывшим министром вооружений, талантливым архитектором и самым славным парнем в мире. Мы успели перекинуться парой шуток. В этом огненном потопе он вёл себя так же весело, как обычно. Теперь появился Гиммлер. Этот шутил редко. И даже когда шутил, делал это весьма натужно. В сумерках 2-го мая 1945 г. – Гитлер, умерший уже более пятидесяти часов назад, не оставил ему ничего в наследство – тусклое лицо Гиммлера, выглядевшее ещё более суровым, чем обычно, блестело от пота под свисавшими на лоб оставшимися редкими волосёнками. Он попытался улыбнуться мне, но улыбка получилась сквозь зубы, мелкие зубы грызуна, за которыми уже была спрятана маленькая капсула с цианистым калием, которая убьёт его несколькими днями позже.

Я сел к нему в машину. Мы остановились на привал во дворе одного хутора. Он сообщил, что несколько дней тому назад мне было присвоено генеральское звание. Генерал, ефрейтор, всё это уже не имело никакого значения! Наш мир рушился. Скоро все мы останемся без мундиров и без погон. А большинство из нас будут мертвы.

Ночью мы вместе вернулись на главную дорогу, ведущую к порту Киля. На самом въезде союзническая авиация встретила нас зрелищем фантастического фейерверка окончательного уничтожения. Весь Киль содрогался от взрывов, поджариваясь в пылающем огне. На дорогу, по которой мы ехали, как орехи, градом сыпались бомбы, одни взрываясь, другие отскакивая. Нам хватило времени только на то, чтобы, выпрыгнув из машины, укрыться на заболоченном поле. Одна из двух секретарш Гиммлера, длинная, некрасивая девушка, тотчас потеряла в грязи свои туфли на высоких каблуках. Стоя на одной ноге, с обнажившимися тощими,

костлявыми икрами, она, громко жалуясь, шарила в болотной грязи, в тщетных попытках отыскать свои туфли. Но у каждого из нас были свои заботы.

Гиммлер продолжал говорить о своих. Meine liebe Degrelle, шесть месяцев, шесть месяцев… Я часто шокировал его своей бескомпромиссностью. Наделённый средними интеллектуальными способностями, в обычное время этот человек стал бы прилежным учителем. Он отличался узостью взглядов и не способен был мыслить в общеевропейском масштабе. Но под конец он смирился с моими взглядами и моими манерами. В тот момент, когда наш мир рушился, ему стало важно, чтобы я выжил.

Ещё 21 апреля 1945 г. после Одера он предложил мне стать министром иностранных дел в правительстве, которое должно было сменить команду Гитлера, и даже позднее послал ко мне генерала Штейнера, чтобы заручиться моим согласием.

Я думал, что это шутка. Я был последним из тех, кто мог бы в качестве министра иностранных дел вести переговоры с союзниками, которые только и ждали того, чтобы как можно быстрее отправить меня на виселицу! Перемазанный грязью Гиммлер настойчиво повторял: «Всё изменится через шесть месяцев!» Наконец, при очередной вспышке от взрыва я, пристально взглянув в его усталые глазки, ответил: «Не через шесть месяцев, Рейхсфюрер, через шесть лет!» Мне надо было сказать через шестьдесят лет! Сегодня я думаю, что даже через шестьдесят лет шансы на моё политическое воскрешение будут ещё меньшими. Единственным воскрешением, на которое я могу отныне надеяться, станет воскрешение в день Страшного Суда под рёв труб, возвещающих Апокалипсис.

Конечно, для изгнанника естественно надеяться на то, что у него ещё появится шанс. Он внимательно всматривается в горизонт. Малейший признак перемен в его потерянном отечестве приобретает в его глазах исключительную важность. Он приходит в лихорадочное волнение от результатов новых выборов, от любого, даже самого ничтожного скандала в газетах. Всё изменится! Ничего не меняется. Проходят месяцы, проходят годы. Вначале видный изгнанник пользуется известностью. За его передвижениями следят. Сегодня же сотни глаз скользят по нему с безразличием: случайно столкнувшаяся с ним на улице толстуха думает о покупке лука-порея к обеду; медленно идущий перед ним человек с любопытством разглядывает прохожих; мальчишка, который с топотом обгоняет его, не имеет ни малейшего представления о том, кто это такой, и, тем более, кем он был. Он всего лишь незнакомец в толпе. Его жизнь кончена, всё прошлое смыто, существование изгнанника стало совершенно бесцветным.

В мае 1945 г., когда я очнулся на узкой железной койке в госпитале Сан-Себастьяна закованным в гипс от шеи до левой ноги, я ещё был звездой. Ко мне явился крупный военный губернатор, украшенный как ёлка развивающимися и шуршащими орденскими лентами, перевитыми через плечо! Он ещё не сообразил,

что я был из тех, кто проиграл, и кого не рекомендовалось посещать. Но он быстро это понял! Все быстро поняли это.

Через пятнадцать месяцев, когда мои кости срослись, однажды ночью я очутился на тёмной улице далеко от госпиталя, сопровождаемый к тайному убежищу. Для меня, единственного выжившего, – двенадцать пуль в шкуре! – в обстановке, когда со всех сторон раздавались требования о моей экстрадиции, единственным решением осталось спрятаться в глухой дыре. В первый раз я просидел в таком убежище два года. И это был далеко не последний раз! Меня поселили в тёмной комнатушке, прилегающей к служебному лифту. Я не мог ни с кем встречаться. Я не мог подойти к окну. Ставни всегда оставались закрытыми.

Приютившая меня пожилая пара были моим единственным миром. Он весил около ста пятидесяти килограмм. Первой вещью, встречавшей меня по утрам, было ведро мочи, стоящее в коридоре. За ночь он производил четыре литра. Интенсивная работа. Его единственная работа. Ещё до обеда он переодевался в широчайшую пижаму, с большим вырезом на груди, открывавшим треугольник бледного тела.

Она, с копной всклокоченных жидких рыжих волос, слонялась по тёмному дому – свет горит зря! - обмотав ноги двумя старыми тряпками – обувь изнашивается!

По вечерам они вдвоём усаживались в плетёные кресла, чтобы послушать радиопостановку. Через пять минут они засыпали; он, склонившись вперёд и громко храпя, она, запрокинув голову назад и пронзительно посвистывая. В час ночи их будил смолкнувший приёмник, молчание которого означало окончание передач. Тогда она брала птичью клетку, он – большую размалёванную статуэтку св. Георгия с зелёной пальмовой ветвью в руке. Семеня, они отправлялись в путь к своей спальне. Храп и посвистывание возобновлялись. Утром я вновь находил под дверью ведро, наполненное четырьмя литрами мочи.

Такова была моя жизнь на протяжении двух лет: одиночество, молчание, темнота, два пожилых человека, наполнявших ведро до краёв и перетаскивающих статуэтку св. Георгия и клетку с двумя попугайчиками. За всё это время я ни разу не видел ни одной улыбки. Ни пары изящных ножек на тротуаре. Ни даже силуэта дерева с пожелтевшими листьями на фоне неба.

Потом мне пришлось выйти. Лопнули швы на моей старой ране – подарке с Кавказа. За шесть месяцев я потерял тридцать два килограмма. В укромной клинике мне вспороли живот от пищевода до пупка, оставив шрам длиною в семнадцать сантиметров.

К концу третьего дня меня опознал один санитар. Глубокой ночью меня пришлось срочно выносить на носилках. Меня подняли по узкой лестнице на четвёртый этаж. Я истекал потом и кровью, так как при переноске от тряски опять

разошлись все швы! Что за жизнь! Бесполезно прятаться, не показываться никому на глаза, чтобы тебя не опознали. Вас всё равно опознают, всё равно где-то найдут, даже если вы были в этот момент за десять тысяч километров от того места, где вас якобы видели.

Я собрал очень смешное досье, повествующее о моём пребывании в двадцати разных странах. В один день один журналист видит меня в Лиме! На следующий день, другой, уже в Панаме! Или в аргентинских пампасах! Или на вилле полковника Насера, расположенной на берегу Нила! Всякий раз эти встречи расписывались в таких мельчайших подробностях, что я невольно приходил к мысли, а уж не ошибся ли я, уж не был ли я там на самом деле. Крупная французская газета под огромным заголовком опубликовала исчерпывающие подробности моего пребывания в Бразилии, тщательно расписав, как я одеваюсь, что ем и как говорю. И само собой, автор – парижский репортёр – долго распространялся о моих возлюбленных. Конечно, я был влюблен! Конечно, я был влюблён в негритянку! И конечно, плодом этой любви стал черный карапуз! Читатель всё же сомневается? Сомневается? Но вот же, в газете фотография! Фото моего сына, негритёнка, малыша трёх-четырёх лет, с глазами навыкат, с пучками курчавых волос, покрывающих его череп ворсистым ковром! Моя тёща, святой человек, живущая в Перигоре, вздрагивала, читая за завтраком в своей любимой ежедневной газете эти довольно неожиданные разоблачения. Этот левый внук решительно не нравился ей. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы доказать ей, что никогда за всю жизнь ноги моей не было в Бразилии, и что никакой негритёнок не вошёл в нашу семью.

Плевать! Тридцать, пятьдесят раз мне приходилось слышать о своём пребывании в Каракасе, в Вальпараисо, на Кубе – где какого-то бедолагу, перепутав со мной, упекли в кутузку! – и даже в трюмах судна «Monte Ayala», остановленного американцами для досмотра в открытом море в конце августа 1946 г., – то есть спустя пятнадцать месяцев после окончания войны! – которое заставили вернуться в порт Лиссабона, где его несколько дней перерывали сверху донизу; а один американский полицейский даже прочистил пароходную трубу, дабы убедиться в том, что я не прячусь там среди сажи.

В одном отчёте разведывательной службы описывается, как я пробирался сквозь леса с португальским полковником! ЦРУ засекло меня в Гибралтаре! Одни журналисты шли за мной по пятам в Ватикане! Другие – в одном из портов на Атлантике, где я покупал пушки! Меня видели даже в Антверпене, куда я, по всей видимости, отправился, чтобы подышать воздухом любимой родины!

Правда, время от времени, меня действительно отыскивал какой-нибудь оторопевший от нежданной встречи верный сторонник, который со слезами бросался в мои объятия. После расставания с ним мне приходилось собирать манатки и смываться куда-нибудь в другое место. Встречался и я с врагами. Это всегда были забавные встречи. Они упорно охотились за моей головой и вот

внезапно сталкивались со мной лицом к лицу. Первой реакцией было изумление. Затем их охватывало любопытство. Обычно хватало пары шутливых замечаний, чтобы разрядить обстановку.

Однажды, в одном известном ресторанчике я совершенно неожиданно для себя самого оказался за одним столиком вместе с одним из наиболее видных партийных лидеров бельгийских социалистов, неким Лежуа (Liegeois). Я не обратил на него внимания. Он точно также не обратил внимания на меня. Рядом с ним сидела крупная прекрасно сложенная блондинка. Я читал газету, и когда поднял глаза, наши взгляды пересеклись. На мгновение он застыл. Затем улыбнулся и подмигнул мне. Нет, он тоже не горел желанием отправить меня на виселицу!

Единственные, кто травил меня с поистине дьявольской ненавистью, были жиды. Конечно, бельгийское правительство также злобно преследовало меня на протяжении долгих лет. Двадцать раз оно требовало моей экстрадиции. Но, тем не менее, Спаак, министр иностранных дел, не осмелился зайти слишком далеко. У него тоже был свой «скелет в шкафу». В июне-июле 1940 г. он сделал всё, чтобы добиться от германцев права на возвращение в оккупированный Брюссель. Он бомбардировал их телеграммами, используя свои связи по всей Европе. Я был в курсе этих манёвров.

Его приятель, президент и бывший министр-социалист де Ман, как-то передал мне содержание писем, которые слал Спаак своей жене в Брюссель, прося её при его помощи добиться от Гитлера разрешения на своё возвращение. «Анри де Ман всегда питал слабость к тебе!» – писал Спаак своей супруге, побуждая её отправиться к вышеупомянутому Анри, который с сардоническим хохотом зачитывал мне за обедом эти просьбы!

Десять раз Спаак подавал прошение, но Гитлер снова и снова отказывал ему. Поэтому Спаак бежал в Лондон. Но если бы не отказ Гитлера, он легко бы приспособился к режиму, как это сделал де Ман в мае 1940 г.

Что касается жидов, то это совсем другое дело. Никогда в довоенном РЕКСе не было сильных антисемитских настроений. Правда меня возмущали воинственные манёвры жидов. Правда и то, что я не питаю к ним особой любви. Они мне не по душе. Но я их не трогал. Как и любой другой, жид мог стать членом нашего движения. Главой брюссельского отделения РЕКСа во время нашей победы на выборах в 1936 г. был жид. Даже в 1942 г. в самый разгар германской оккупации секретарём моего заместителя, Виктора Матти, был жид с самой за себя говорящей фамилией Кан (Kahn)!

Я ничего не знал ни о концлагерях, ни о крематориях. Но почему-то после войны жиды вбили себе в голову, что я являюсь главой возродившегося по всему миру антисемитского движения.

Во-первых, я не был его главой, во-вторых, нравится это кому-либо или нет, такого движения просто не существовало.

Таким образом, не было никакой речи ни о преследовании жидов, ни об антижидовской организации.

Вот уже четверть века как христиане живут мирно. Это не мешает жидовским руководителям самого высокого уровня, в частности входящим в руководство израильской службы госбезопасности, в попытках ликвидировать меня, как главу совершенно несуществующей организации, снаряжать одну за другой экспедиции для моего похищения.

Было продумано всё: большой чёрный «Линкольн» с переделанным багажником, в котором планировалось вывезти меня в бессознательном состоянии, предварительно накачав наркотиками; судно, стоящее возле берега, для перевозки меня в Тель-Авив; пять револьверов, чтобы пристрелить меня в случае сопротивления; шесть миллионов на оплату сообщникам; точный план моего жилища с подробным описанием способов проникновения в него. За ночь до моего похищения были перерезаны телефонный кабель и линии электропередачи, и отравлены все соседские собаки.

В этот раскалённый от солнца июньский день им не хватило совсем немного, чтобы схватить меня. Вооруженные до зубов израильские охотники под предводительством знаменитого журналиста-жида Цви Альдуби (Zwij Aldouby) были схвачены в тот момент, когда они уже приготовились праздновать успех.

Их приговорили к восьми, десяти и двенадцати годам тюремного заключения. Почти одновременно была разработана другая операция с целью моего похищения при помощи вертолёта, который должен был вылететь из одного марокканского порта. Спустя несколько лет была предпринята ещё одна попытка похищения или убийства. На этот раз жидовские охотники прибыли морем из Антверпена. Но именно одна жидовка сообщила одной из моих сестёр о готовящемся заговоре, тем самым, по её словам, желая отблагодарить меня за то, что я спас её во время войны. В то время я, как и многие другие, пытался спасти многих людей, которые опасались за свою жизнь. Но я не составлял списков, чтобы предъявить их после войны! Так что я даже не помню этой жидовки, которую я спас тогда, и которая спасла меня позднее!

Её предупреждение подоспело вовремя, троица была арестована сразу после высадки на берег. Но досадно, что каждый раз мне приходилось переезжать, прятаться в сельских домах моих старых друзей, в пивной, а однажды несколько долгих месяцев мне пришлось скрываться даже в келье одного бенедиктинского монастыря. Поверьте, я не шучу. Я надолго запомнил возглас «Benedicamus Domino», раздающийся в пять часов утра, которым будили монахов к утренней службе! Но постоянная смена жительства означает также отсутствие возможности

заработать себе на хлеб, найти хоть какую-либо стабильную работу или просто иметь крышу над головой для человека, вынужденного постоянно бежать, преследуемого смертельной угрозой.

Журналистские интервью также значительно затрудняли мою жизнь изгнанника, частыми упоминаниями моего имени привлекая ко мне нежелательное внимание. Было опубликованы десятки интервью, столь же правдоподобных, как и детективные романы. Как-то давно я дважды принял в своём убежище «специальных корреспондентов», которые впоследствии полностью переврали мои слова, несмотря на данное обещание прислать текст для получения предварительного согласия на публикацию! С тех пор я бежал от журналистов, как от чумы!

Они перевирали сказанное мною, поскольку преследовали другую цель: им нужна была сенсация для скорейшей публикации в ближайшем номере. Но спешка не лучший помощник для выявления истины. Только однажды в одном журнале появилось настоящее интервью со мной. Они этого хотели. Мне же хотелось убедить всех в том, что в это время я находился в Буэнос-Айресе. Поэтому, хотя я находился за тысячи километров от этого места, я передал им полностью собственноручно написанное интервью, от вопросов до ответов, где всё действие происходило в одной из больниц этого города. Текст был напечатан без поправок. В журнале прекрасно знали, что ни один их репортёр меня не видел, и что я находился вовсе не в Буэнос-Айресе. Но кого это волнует? Главное, чтобы публика, читая, охала и ахала!

Ей подробно рассказывали, чем занимаются мсье Онассис и бывшая мадмуазель Кеннеди в своей постели, описывали с иллюстрациями состояние яичников королевы Фабиолы, хотя ни один журналист не служил камердинером у четы Онассис или санитаром у постели королевы! Журналист отправляется в командировку, желая прокатиться за казённый счёт и получить приличную сумму на дорожные расходы. Там он расслабится, отдаст должное местным достопримечательностям, а затем небрежно, на скорую руку состряпает материал. После этого ему остаётся только получить «гонорар».

Но изгнанник, как он видит публику? Со временем у него возникает несуществующий в реальности образ читателя. Он приписывает ему тот образ мыслей, которым тот более не обладает. Сам же он потерял нить развития событий. Всё меняется, но он не знает, что всё изменилось. Мир больше не таков, каким он был, люди не такие, какими он их знал. Подобно какому-нибудь старому промышленнику, отставшему от современной жизни, он должен заново приспособиться к ней. Он продолжает верить, что старые методы не утратили своей действенности, что они могут по-прежнему выглядеть привлекательными для публики, так же как и он сам.

Но кто будет интересоваться им через несколько лет? Люди исчезают из поля зрения. События сменяют одно другое. Все мы хороним прошлое в могиле забвения. Изгнанник сохраняет веру в то, что он ещё не сошёл со сцены. Однако занавес давно уже опустился. Он ждёт, что вот-вот вновь раздадутся аплодисменты, как будто публика всё это время продолжала ждать его нового выхода на подмостки, не понимая, что прошедшие годы давно вытолкнули его за кулисы. За это непонимание нередко приходится дорого платить. Кто скажет изгнаннику, что его время прошло? Сам он этого не понимает, главным образом потому, что просто не желает понимать этого. Он вымученно улыбается, но это лишь последний способ, чтобы убедить себя в том, что будущее ещё не окончательно зарыто перед ним…

Я сам долгое время верил в то, что не всё ещё кончено. Я был ещё достаточно молод. Нет, я не собирался в тридцать восемь лет похоронить себя навсегда! Но, увы, это произошло! Далеко, один за другим умирали друзья. Прошлое растворялось в туманной дымке как удаляющийся берег, постепенно исчезающий из глаз моряков. Кто мы такие для нынешних двадцатилетних мальчишек, которые ещё не родились на свет, когда мы превратились в тени… Они всё путают. Они не знают ничего из нашей истории, которая интересует их не более чем истории о колючих усах или гнилых зубах Людовика XIV.

Но и это ещё не всё; среди изгнанников существует своя конкуренция. Изгнанники сменяют друг друга, их количество непрерывно растёт. Перон, Трухильо, Батиста, аббаты Фульбер Юлу (Fulbert Youlou), потерпевшие крах уже после нас, также уже превратились в еле различимые силуэты. Такие имена, как Лагайярд (Lagaillarde), Ортиц (Ortiz) или даже Бидо (Bidault) и Сустель (Soustelle), две последние политические звезды времён алжирских событий, спустя всего пять лет уже ничего не говорят девяноста процентам французов. Мы живём в век скоростей. И исчезновение из поля зрения публики также происходит очень быстро.

Даже для хорошо осведомлённых людей политический деятель, проведший более четверти века в изгнании, становится почти нереальной фигурой. Они считают его исчезнувшим или умершим.

Однажды меня пригласили на обед к одному всемирно известному медицинскому светилу, близкому знакомому главы той страны, где я жил в то время. Там собрались очень известные лица. Всем приглашённым доводилось встречаться со мной на различных этапах моей жизни в изгнании, и все они знали меня под разными именами. Для одного я был поляком, Энрике Дюраном (дурацкое имя для поляка!), для другого французом, Люсьеном Демёре, для третьего – Хуаном Санчесом, для четвёртого – просто Пепе. Я устал при каждом новом рукопожатии припоминать весь арсенал этих псевдонимов.

Когда вошёл один крупный банкир, с которым я до этого ни разу не встречался, я без колебаний представился своим настоящим именем – Леон Дегрель. Тот с ироничной улыбкой посмотрел на меня: «А я – Бенито Муссолини»! Мне

пришлось попотеть, чтобы убедить его в том, что я не шутил и действительно есть тот, кто я есть!

Так со временем изгнанник скользит в пустоту или забвение. Из мощного «Мерседеса» он пересаживается в зловонную подземку изгнания. Чтобы это осознать, даже самым умным людям требуется время. Изгнанник предпочитает цепляться за прошлое. Он верил в нечто такое, что в некий момент его жизни казалось чем-то исключительным. Он ужасно страдает от перехода от этой исключительности к обыденности, он мучается от необходимости питаться комплексными обедами, носить бельё стоимостью в четыре су. Великая мечта разбилась, рассеялась, это мучит его. Нередко он снова начинает верить, что может не всё ещё потеряно, что однажды что-то вернётся. Что-то – да. Но мы – нет. Мы – конченые люди.

Достаточно найти в себе мужество, чтобы осознать это и подвести итоги. Фашистские движения наложили отпечаток как на своё время, так и на будущее. Именно это имеет значение. Что они оставили? Что они изменили?

Независимо от того, как сложилась наша личная жизнь, столь бурная и яркая в прежние времена и столь унылая и тоскливая сегодня, настоящий вопрос, на который мы должны ответить, звучит так: что осталось и что останется в будущем от этой великой фашистской Авантюры или Эпопеи?

Глава 12
Если бы Гитлер победил?

Это серьёзный вопрос: «А если бы Гитлер победил?»

Поскольку долгое время это казалось вполне вероятным, предположим, что это бы случилось. В октябре 1941 г. Гитлер был близок к тому, чтобы захватить Москву (его войска достигли её пригородов) и взять под свой контроль Волгу от истока (куда он дошёл) до устья (оно было в его досягаемости). В Москве ждали только появления танков Райха на Красной площади, чтобы начать восстание. Сталин был бы свергнут, и на этом всё было бы кончено. Несколько германских колонн быстро достигли бы Сибири, как это сделал Колчак в 1919 г., или высадили бы там десант. Представим себе, что на Тихом океане, во Владивостоке, за десять тысяч километров от Рейна, реет свастика.

Как отреагировал бы на это мир? Англия в 1941 г. могла сдаться в любой момент. Черчиллю было достаточно однажды перебрать виски, чтобы, разбитому апоплексическим ударом, упасть в кресло, пуская слюну. Как этому закоренелому пьянице удалось протянуть так долго, остаётся медицинской загадкой, хотя его личный врач после его смерти опубликовал крайне комичные подробности, касающиеся вакхической стойкости своего знаменитого пациента.

Но даже живой Черчилль зависел от настроения своих избирателей. В 1941 г. англичане ещё пытались проявить стойкость. Но они устали. Захват Гитлером России, который освободил бы руки Люфтваффе, сломил бы их окончательно. Да и к чему вела эта война? Более того, к чему она привела? После пяти лет этого недостойного стриптиза Англия закончила войну голышом, потеряла свою Империю и в мировом масштабе перешла в ранг второстепенных государств. Чемберлен, на месте Черчилля, давно нацепил бы белый флаг на кончик своего зонта.

В любом случае, оставшись наедине с победившей Германией – Империей, не знавшей себе равных, протяженностью в десять тысяч километров, от англо-нормандских островов в Северном море до берегов Сахалина на Тихом океане – Англия оказалась бы в положении жалкого судёнышка, потрёпанного ураганом и готового затонуть в любой момент. Черчилль, а ещё раньше англичане, быстро устали бы вычерпывать воду из погружающегося в воду судна. Укрыться где-нибудь подальше? Но где? В Канаде? Черчилль, не выпускающий бутылки из рук, годился на роль тапёра или трактирщика, но не спасителя. В Африке? В Индии? Но Британская Империя была бы уже потеряна. Она не смогла бы стать последним трамплином для отныне бессмысленного сопротивления.

Мы никогда бы не услышали о де Голле, который стал бы профессором в Оттаве и вечерами перечитывал бы Сен-Симона или держал моток пряжи в руках, помогая вязать трудолюбивой тётушке Ивонне.

Победа Англии была поистине неслыханным везением для упрямого старикашки, работающего на алкоголе, в растерянности вцепившегося в зловеще потрескивающую расколотую мачту, к которому боги, покровительствующие пьяницам, проявили исключительную снисходительность.

И всё же! Окажись СССР осенью 1941 г. в руках Гитлера, английское сопротивление провалилось бы, с Черчиллем или без него.

Что до американцев, то к этому времени они ещё не вступили в войну. За ними следила Япония, готовая напасть на них в любой удобный момент. Если бы Гитлер завоевал Европу, он не стал бы вмешиваться в дела Японии, как Япония не вмешивалась в германское наступление в июне 1941 г. на СССР.

Соединенные Штаты, надолго увязшие в Азии, не захотели бы взвалить на себя тяготы новой войны в Европе. Несмотря на воинственный зуд старого Рузвельта, бледно-зеленого как труп в своём плаще извозчика, несмотря на возбуждение его супруги Элеонор с лошадиными зубами, выпирающими наружу как крюки на гусеничной цепи, военного конфликта между США и Гитлером не состоялось бы.

Итак, предположим, что в конце осени 1941 г. Гитлер вошёл бы в Кремль – от которого он находился на расстоянии в четверть часа поездки на трамвае – как он вошёл в Вену в 1937 г., в Прагу в апреле 1939 г., в Компьен в июне 1940 г.

Что стало бы с Европой?

Гитлер объединил Европу силой, это неоспоримо.

Но всё великое, что свершается в мире, сделано силой. Это печально, скажут некоторые. Конечно, было бы куда благопристойней, если бы храбрые приходские дамы-патронессы и бесстрашные весталки из Армии Спасения, благоухающие шоколадом, мимозой и святой водой, демократично, мирным путём объединили бы наши страны. Но так не бывает.

Капеты стали королями Франции не благодаря выборам и системе всеобщего равного избирательного права. Не считая пары провинций, запрыгнувших в королевскую постель, прежде чем король успел разоблачиться, подобно ерзающей от нетерпения юной супруге, остальная Франция схватилась за мушкеты и пищали. На севере, захваченном королевскими войсками, жители бежали из своих городов как крысы с тонущего корабля, особенно из Арраса. На юге в альбигойских землях против Луи VIII восстали катары, которых жестоко разбили крестоносцы Короля, заживо поджарив их в собственных замках, своего рода печах крематориев, изобретённых задолго до Гитлера. Повешенные протестанты Колиньи пачками болтались на шпилях церкви Святого Варфоламея. Во время революции Мараты и Фуке-Тенвили предпочли для утверждения своей власти блестящую сталь

гильотины, исправно наполняющую корзину отрубленными головами, вместо того чтобы поить своих избирателей красным вином в ближайшей кофейне.

Тот же Наполеон штыками, а не уговорами, расширял границы своей Империи. Католическая Испания не пожелала под звук кастаньет сделать из мавров испанцев. Она жёстко преследовала их в течении семи веков Реконкисты, пока последний из них не собрал свои манатки и не умотал к родным африканским пальмам и кокосам. Арабы также и не мечтали о мирном объединении южной Испании, они приколачивали сопротивляющихся испанцев к дверям их домов, распиная их между собакой и заходившейся визгом свиньей. Ещё в прошлом веке Бисмарк приковывал к пушкам германские части при Садовой и при Седане. Гарибальди собирал итальянские земли не с розой в руках, но взяв приступом Рим. Те же Американские Штаты стали Соединёнными только после почти полного истребления краснокожих, старых хозяев континента, и после четырех лет массовой бойни, названной войной за независимость, мало что имевшей общего с демократией. Но и это не всё! Двадцать миллионов чёрных, завезенных в Америку вопреки их желанию, живут под властью нескольких миллионов белых, которые ещё в прошлом веке продолжали клеймить калёным железом их отцов и матерей, как жеребцов и мулов. И хотя им уже тогда было позволено голосовать, они могли это сделать только после окончания процесса клеймения!

Только швейцарцам удалось более-менее мирно создать своё маленькое государство, славящееся своими кофейнями, стрелками из арбалета, горничными и молочной продукцией. Но, не считая известной истории с яблоком Вильгельма Телля, их уютные кантоны ничем не прославились на мировой арене политической истории. Великие Империи, великие державы, все они были основаны силой. Это достойно сожаления? Это – факт.

Гитлер, оккупируя строптивую Европу, делал то же самое, что и Цезарь, обуздавший галлов, Людовик XIV, захвативший Артуа и Руссильон, англичане, покорившие и ограбившие ирландцев, американцы, направлявшие орудийные дула своих крейсеров на Филиппины, Пуэрто-Рико, Кубу, Панаму и при помощи своих ракет расширившие свои военные границы до 37-ой параллели. Демократия, то есть общенародное согласие, приходит только потом, тогда, когда всё уже закончено.

Массы смотрят на мир сквозь замочную скважину своих мелких личных интересов. Никогда бретонец, фламандец или каталонец из Руссильона не сделали ни одного шага к объединению Франции. Житель каждой области, будь то Бретань или Вюртемберг, желает остаться бретонцем или вюртембержцем. Отец одного моего друга из Гамбурга предпочёл эмигрировать в Соединенные Штаты после 1870 г., поскольку не пожелал жить под властью Империи Вильгельма I. Миром управляют элиты. Сильные пинком под зад гонят слабых вперёд. Не будь их, раздробленные народы вечно топтались бы на месте.

Даже если в 1941 или 1942 гг. Гитлер одержал бы полную и окончательную победу в Европе, даже если бы по пророчеству Спаака Германия стала «госпожой Европы на тысячу лет», ворчуны не умолкли бы. Каждый по-своему продолжал бы сходить с ума, цепляясь за свой клочок земли, несомненно, ставя его выше всех прочих! С изумлением я слышал, как мои соратники из дивизии «Шарлемань» голосили над своими кружками пива:

Страна Шарлеманя
Ты моя любимая!
Ты, да, ты –
Прекраснейший край земли!

Итак, этот уродливейший край, с его нескончаемыми почерневшими от сажи кирпичными шахтёрскими посёлками и сотней покрытых угольной пылью замков, они считали прекраснейшим! Даже цветы там были неизменно припорошены чёрной пылью! Однако глаза загорались, каролингские земляки пылали энтузиазмом! Каждый был привязан к своей деревне, к своей области, к своему королевству или к своей республике!

И эта европейская местечковость и мелочность только возрастали. Сколько было примеров объединения различных европейцев, казалось бы, столь далеких друг от друга, но по сути своей очень похожих. Сотня тысяч протестантов, вынужденных покинуть свою страну после провозглашения Нантского Эдикта, легко смешались с приютившими их пруссаками. В ходе боёв февраля-марта 1945 г. в деревнях, расположенных как на восточном, так и на западном берегу Одера, нам повсюду встречались известные французские фамилии, явно указывающие на выходцев из Анжуа и Аквитании.

Точно так же обстояло дело и на фронте среди добровольцев. Точно так же сотни тысяч германских поселенцев на протяжении долгих веков селились в балтийских землях, на землях Венгрии и Румынии, и даже – в количестве пятидесяти тысяч! – на берегах Волги. Фламандцы, значительная часть которых переселилась на север Франции, подарили ей сильные промышленные элиты. Выгоды от совместного проживания несложно заметить и в латинских странах. Левые испанцы, вынужденные бежать во Францию после своего поражения в 1939 г., уже через поколение смешались с принявшими их французами – Мария Касарес (Casares), дочь премьер-министра «Народного фронта», стала одной из знаменитейших актрис Французского Театра! Сотни тысяч итальянцев, которых в прошлом веке заставил бежать во Францию голод, также ассимилировались там с необычной лёгкостью. Достаточно вспомнить одного из величайших писателей Франции итальянского происхождение – Золя. В наше время их стало ещё больше.

Та же наполеоновская империя объединяла европейцев, не испрашивая на то их согласия. Тем не менее, их элиты объединились с необычайной быстротой – германец Гёте стал кавалером Почётного Легиона; польский князь Понятовский

стал маршалом Франции; картины Гойи, испанского художника, украсили музей Лувра; Наполеон, на отчеканенных монетах, провозглашал себя Rex Italicus (Королём Италии). Солдаты наполеоновской армии, рекрутированные из десятка различных стран Европы, нередко находившиеся в напрягах друг с другом, сдружились между собой, так же как сдружились и мы в рядах Ваффен-СС во время второй мировой войны. Но всякий раз толчком к такому объединению становились или преследования, или война, или голод и нищета, или воля сильной личности. В обычном состоянии народы Европы предпочитают держаться своих границ. Они преодолевают их – и преодолевают всякий раз успешно – лишь при наличии внешнего толчка.

Эти плодотворные и многовековые попытки по объединению разнородных европейцев, предпринимаемые Пруссией и Аквитанией, Фландрией и Андалузией или Сицилией, можно было бы легко возобновить, усилив и расширив их масштаб.

Выигранная или проигранная вторая мировая война стала бы сильнейшим толчком к объединению. Она заставила бы всех европейцев, и особенно таких, казалось бы, непримиримых противников, как германцы и французы, объединиться. Несмотря на их сопротивление, несмотря на взаимные подножки, они волей-неволей были бы вынуждены признать друг друга. Четыре года обоюдных сражений, попыток наладить совместную жизнь, по необходимости понять друг друга, не прошли бы даром. Победителям или побеждённым, им пришлось бы взглянуть друг другу в лицо. Такой опыт не забывается. Плохое забывается, помнится то, что имеет значение. С конфронтацией европейских народов было бы покончено.

За двадцать пять лет, прошедших после войны, начавшееся тогда сближение пошло со скоростью, свойственной нашей эпохе. Сегодня миллионы европейцев спокойно путешествуют по всей Европе. Иностранец больше не является существом, на которого смотрят с боязнью или ненавистью или предметом насмешек. Житель Бретани уже не сморит на мир сквозь дыры в своём голубом сыре или сквозь кольцо, надетое на лапу доморощенной курицы. Нормандцы уже не считают лучшим в мире свой сидр, а бельгийцы своё крепкое пиво. Тысячи шведов живут на побережье Малаги. Французская компания «Мишлен» объединяется с итальянской «Аньелли», а германец Гюнтер Закс берёт себе в жены актрису «мейд ин Париж», и от этого не рушится французская Республика.

Даже генерал де Голль не стесняется рассказывать французам, что в его жилах течёт германская кровь благодаря двоюродному дедушке, пожирателю кислой капусты, рожденному в стране, где обрёл популярность нацизм!

Молодежь стала во многом космополитичной. Она создает для себя мир дерзких и смешных идей, с длинными волосами, потёртыми штанами, широкими рубашками, девушками, не отворачивающимися от юношей другой национальности!

Французский петушок 1914 г. и большой сумрачный Орёл, парящий над городом, перестали задирать друг друга, задиристо кукарекая и клекоча от негодования. Со своим оперением и клювом они кажутся новому поколению странными предметами из доисторической эпохи, место которым в заброшенном музее.

Это европейское и даже мировое сближение, которое за четверть века поглотило тысячелетия былых обид, произошло без политических стимулов, исключительно благодаря тому, что миллионы стали путешествовать из страны в страну, смотреть фильмы и телепрограммы, созданные в других странах и другими нациями. Нравы смешиваются столь естественно, что в образовавшемся коктейле оказываются самые разнородные элементы.

Безусловно, при Гитлере этот процесс объединения шёл бы ещё более стремительно, но куда менее анархично. Великое политическое строительство ориентирует и концентрирует все тенденции. Прежде всего, миллионы молодых людей, как германцев, так и нет, сражавшихся вместе на берегах Вислы и Волги, благодаря пережитым трудностям и страданиям объединились бы в братство, спаянное насмерть. Они друг друга знали. Они друг друга уважали. Прежние европейские разногласия, вызванные мелкими страстишками тупых буржуа, показались бы нам смехотворными. В 1945 г. «мы» были только косточкой. Но принцип жизни состоит в том, что в сердцевине каждого зрелого плода находится косточка. Именно этой косточкой, этим ядром мы и были. В прежней Европе, представлявшей собой расплывшуюся, желеобразную массу, такого ядра не было. Теперь оно существовало, и в нём было заложено будущее.

Молодежь должна была создать новый мир, новую Европу, рождённую силой гения и силой оружия. Миллионы молодых европейцев, которые во время войны спокойно жили, питаясь запасами своих папаш или пробуя себя на чёрном рынке, должны были, в свою очередь, пройти серьёзное испытание. Вместо того чтобы прозябать в своих забытых Богом краях, торгуя до старости копчёной селёдкой и мочеными яблоками, миллионы юношей и девушек должны были отправиться осваивать бескрайние восточные земли. Там они смогли бы начать новую, достойную жизнь, став организаторами, творцами, вождями!

Вся Европа пришла бы в движение благодаря этому потоку юной энергии.

Идеал, который всего за несколько лет овладел сердцами молодёжи Третьего Райха, поскольку он значил для них мужество, самопожертвование, честь, стремление к высокому, точно так же овладел бы сердцами молодежи всей Европы. Конец серой жизни! Конец жизни, навечно привязывающей к родному стойлу и обеспеченной кормушке, полной родительских предрассудков, погрязших и заплесневевших в ничтожестве! Перед ними открылись бы широчайшие, блестящие перспективы!

Новый мир без границ, раскинувшийся на тысячи километров, звал молодежь. В этом огромном мире можно было вздохнуть полной грудью, в нём хотелось бы жить на полную катушку, трудиться с полной самоотдачей в радости и в вере!

За ними последовали бы и старики.

Вместо того чтобы топтаться долгие часы на скучных до оскомины сборищах, железная воля вождя при помощи ответственной, исполненной решимости элиты, созданной им для реализации своей миссии, за двадцать лет построила бы настоящую Европу, представляющую собой не старое вечно колеблющееся и сомневающееся сборище статистов, подтачиваемое недоверием друг к другу и желанием личной выгоды, но великое политическое, социальное, экономическое единство, включающее в себя все сферы жизни.

Надо было слышать, как Гитлер в своём бункере рассказывал о планах на будущее! Громадные каналы должны были соединить все крупные европейские реки, так чтобы можно было проплыть по ним от Сены до Волги, от Вислы до Дуная. Двухэтажные поезда – внизу багаж, наверху путешественники – по подвесным дорогам, проложенным на четырехметровой высоте, позволяли бы с удобством пересекать всю бескрайнюю восточную территорию, на которой вчерашние солдаты налаживали бы сельское хозяйство и возводили бы самые современные заводы в мире.

Разве сравнятся с этим жалкие попытки объединения под эгидой Общего Рынка экономических сил – разрозненных, враждующих и соперничающих между собой, анархичных и эгоистичных, так и норовящих подставить подножку друг другу, – которые предпринимаются сегодня и воплощаются в жизнь со скоростью, достойной хромого, еле ковыляющего на своих костылях? Сильная власть мгновенно заставила бы их подчиниться закону, требующему разумного взаимосотрудничества и соблюдения общих интересов.

Общественность на протяжении двадцати лет всячески ворчала, брюзжала и фыркала. Но хватило бы одного поколения, чтобы сплотить её вновь. Европа впервые за всю свою историю стала бы мощнейшей экономической державой мира и величайшим очагом творческих сил. Европейские массы смогли бы вздохнуть свободно. В случае военной победы, прежнюю дисциплину можно было бы ослабить.

Поглотила бы Германия Европу?

Такая опасность существовала. Этого не стоит отрицать. Эта опасность существовала и ранее. Наполеоновская Франция также могла поглотить Европу. Но лично я в это не верю. Тот же Император не стал подавлять национального духа различных европейских стран.

Несомненно, германское стремление к господству также угрожало гитлеровской Европе. Германцы – приличные обжоры. Некоторые из них смотрели на Европу как на лакомый кусок, приготовленный исключительно для них. Они умели хитро подставить подножку. Да-да, мы это прекрасно понимали. Мы этого опасались. В ином случае мы были бы дураками или наивными простаками, что с политической точки зрения совершенно равнозначно. Мы предпринимали определённые предосторожности, стремясь, насколько это возможно, закрепить за собой контролирующие и престижные позиции, с которых мы могли бы обороняться, негодовать или блокировать перегибы.

Действительно, опасность существовала. Отрицать это глупо. Но были не менее серьезные причины, позволяющие довериться германцам.

Прежде всего, Гитлер был человеком, смотрящим далеко в будущее, и которого совершенно не волновала германская исключительность. Он был австрийцем, затем он стал германцем и ещё позднее – великогерманцем. С 1941 г., пройдя все эти ступени, он стал европейцем. Планы гения выходят за пределы государственных границ и рас. Наполеон поначалу также был только корсиканцем, более того, корсиканцем, враждебно настроенным к французам! В конце, оказавшись на острове Святой Елены, он говорил о «французском народе, который он так любил», как об одном из наиболее ценимых им народов, но не являющихся для него единственным из всех. К чему стремится гений? К максимальному преодолению. С чем большей массой приходится ему работать, тем больше он ценит каждый её элемент. В 1811 г. Наполеон уже мечтал о завоевании Индии.

Для Гитлера строительство Европы было задачей, соответствующей его масштабу. Германия была для него хорошо выстроенным зданием, вид которого доставлял ему удовольствие. Но его взор уже устремился дальше. С его стороны ждать угрозы «германизации» Европы не было никаких причин. Это полностью противоречило тому, что диктовали ему его амбиции и его гордость, к чему стремился его гений.

Но ведь были и другие германцы? Да, но были и другие европейцы! И эти другие европейцы обладали собственными исключительными достоинствами, независимо от германцев, без которых Европа так и осталась бы грубой бесформенной массой. Прежде всего, я имею в виду французский гений. Чтобы вдохнуть новый дух в Европу, германцы никогда не обошлись бы без французского гения, как бы некоторым из них этого не хотелось, как бы, как это было в отдельных случаях, они его не презирали.

Никогда ничего в Европе не совершалось и не может свершиться без тонкости и изящества, свойственных французскому характеру, живости и ясности французского ума. Французский народ обладает самым живым умом. Он легко схватывает, легко усваивает, легко передает другим и осмысляет схваченное. Он гибок и он лёгок. Французский вкус – совершенен. Никто не создаст ничего равного

куполу Дома Инвалидов. Никогда никто не сможет превзойти очарования Лувра. Никогда, ни в одном городе земли, вы не найдёте того шика и шарма, как живя в Париже.

Европа, создаваемая Гитлером, поначалу была сырой, грубой заготовкой. Рядом с Герингом, сеньором времён Возрождения, питающим пристрастие к искусству и роскоши, рядом с Геббельсом, с его отточенным до блеска умом, многие германские вожди выглядели туповатыми, вульгарными и безвкусными как деревенские пастухи; они излагали свои взгляды и идеи с тем же изяществом, с которым мясник разделывает мясную тушу.

Но именно эта сырость и грубость делали столь незаменимым для новой Европы французский гений. Это стало бы настоящим чудом. За десять лет он всему бы придал свой блеск. Столь же противоположным тяжеловесному германскому гению был итальянский дух. Над итальянцами часто посмеиваются. Но за годы войны мы увидели, на что они способны. Они с той же лёгкостью наводнили бы всю огромную гитлеровскую Европу своими безукоризненными ботинками, элегантной модой, автомобилями, несущимися как борзая, как и сегодняшнее тесное пространство Общего Рынка.

У меня нет ни малейших сомнений в том, что русский гений также внёс бы значительный вклад в процесс преобразования слишком германской Европы, в которую должны были влиться двести миллионов восточных славян. Четыре года жизни, проведённые рядом с русским народом, научили всех антисоветских бойцов уважать его, любить его, восхищаться им. Ужасно, что уже почти более полувека эти двести миллионов вынуждены вновь томиться за железным занавесом советского режима, и ещё ужаснее, что это может затянуться ещё надолго. Этот мирный, чуткий, умный и творческий народ одарён также математическими способностями, что и не удивительно, поскольку закон чисел лежит в основе всех искусств.

Попав в Россию, германцы, прошедшие очень поверхностную идеологическую обработку, поначалу воображали себя единственными существами во вселенной, достойными звания арийцев, которые обязательно должны были выглядеть как светловолосые крепко сложенные великаны, с глазами голубыми, как тирольское небо в августе.

Это выглядело достаточно комично, особенно если учесть, что Гитлер, как и Гиммлер, были среднего роста и тёмно-русыми, Геббельс – коротконогим коротышкой со жгуче чёрными волосами. Зепп Дитрих походил на коренастого содержателя марсельского бара, а Борман горбился, как бывший чемпион по велосипедному спорту, ушедший на покой. Не считая нескольких великанов, подававших аперитивы на террасе в Берхтесгадене, в окружении Гитлера редко можно было встретить бодрых голубоглазых здоровяков с румянцем во всю щёку.

Каково же было изумление германцев, которые по мере продвижения вглубь России постоянно встречали голубоглазых блондинов, воплощающих именно тот тип совершенного арийца, которым их учили восхищаться! Блондинов. И блондинок! И каких блондинок! Крепкие, великолепно сложенные, прекрасные крестьянки, с глазами цвета небесной лазури, более естественные и более здоровые, чем весь женский состав Гитлерюгенда. Невозможно было представить себе более типично арийской расы, исходя из священного канона гитлеризма!

За полгода вся германская армия заболела русофилией. Повсюду братались с населением. И особенно с женским населением! Позднее, во время отступления, эти прекрасные русские девушки, созданные для любви и семейного счастья, бесстрашно последовали сквозь ужасы жестоких сражений за своими Эриками, Вальтерами, Карлами, Вольфганами, с которыми они познакомились в свободное время, убедившись на своём опыте, что волшебная сила любви побеждает даже пришельцев с Запада.

Нацистские теоретики исповедовали откровенно антиславянские теории, но хватило бы менее десятка лет совместного русско-германского проживания, как они развеялись бы в прах. Русские обеих полов быстро осваивали германский язык. Многие знали его и раньше. Мы находили учебники германского во всех школах. Языковых проблем в России было гораздо меньше, чем где бы то ни было в Европе.

Германцы обладают прекрасными качествами как техники и организаторы. Но русские, мечтатели по натуре, обладают более богатым воображением и более живым умом. Одно прекрасно дополняет другое, кровные связи доделали бы остальное. Естественно, несмотря на все пропагандистские усилия, множество молодых германцев вступало в браки с русскими. Они нравились друг другу. Создание Европы на Востоке шло самым удачным образом. Русско-германский союз принёс бы чудесные плоды.

Это была поистине грандиозная задача: сплотить пятьсот миллионов европейцев, поначалу не имевших почти никакого желания сотрудничать, объединить их силы, гармонизировать существующие различия в характере и темпераменте. Но Гитлер обладал необходимым гением и могуществом для решения этой задачи, на которой споткнулись сотни политиков, благодаря своей посредственности и ограниченности.

Миллионы солдат из всех уголков Европы, испанская «Голубая дивизия» и формирования стран Восточной Балтии, «Фламандская дивизия» и солдаты балканских стран, «Дивизия Шарлемань» и сотни тысяч их товарищей из тридцати восьми дивизий Ваффен СС были привлечены к решению этой задачи!

На небольшом европейском островке, уцелевшем на Западе после потопления Третьего Райха, стали потихоньку складываться первые торговые союзы, пока ещё слабые и неустойчивые, объединенные под эгидой Общего рынка.

Но настоящая Европа, вдохновленная героико-революционным идеалом, устремлённая к величию, имела бы совсем другой облик!

Европейской молодежи открылся бы иной смысл и иное разнообразие, нежели те, которые стали привычны бродячим битникам и бунтующей молодежи, восстающей как раз против демократических режимов, которые за все годы, прошедшие после окончания войны, так не смогли предложить ей нечто воодушевляющее, но напротив, гасят в них всякий энтузиазм.

Разные европейские народы, немного поупрямившись, с удивлением для себя увидели бы, как они похожи. Народные плебисциты того времени наглядно доказали нам возможность свободной Европы, от Пиренеев до Урала, возможность единого Сообщества, основанного на взаимном согласии пятисот миллионов европейцев.

Жаль, что в XIX веке Наполеон потерпел неудачу. Созданная им Европа, прошедшая через горнило испытаний, смогла бы избежать позднейших бед, в частности, двух мировых войн. Она взяла бы в свои умелые руки управление общим мировым процессом, вместо того чтобы погрязнуть в колониальных распрях, чаще всего продиктованных элементарной жадностью, которые, к тому же, в конце концов, окончились ничем, не принеся существенной выгоды ни одной из европейских стран.

Точно так же жаль, что в XX веке неудачу потерпел Гитлер. Если бы он победил, коммунизм был бы повержен. Соединенные Штаты не смогли бы установить по всему миру диктатуры потребительского общества. И тогда после двадцати веков взаимных разногласий и провалившихся попыток объединения, потомки пятисот миллионов европейцев, объединенных вопреки начальному желанию, достигли бы, наконец, политического, социального, экономического и интеллектуального единства, стали бы самой могущественной державой на планете.

Стала бы эта новая Европа Европой концлагерей?

Сколько уже можно твердить эту чушь! Как будто в строящейся Европе ничего другого не было! Как будто после поражения Гитлера люди перестали убивать друг друга в Азии, в Америке, в самой Европе, на улицах Праги и Будапешта!

Можно подумать, что войны, нарушения территориальной целостности других стран, злоупотребления властью, заговоры, политические похищения навсегда исчезли с лица планеты, и все уже окончательно забыли о событиях во Вьетнаме, в Доминиканской республике, в Венесуэле и на Кубе, вплоть до дела Бен Барка (Ben Barka) в Париже! Не говоря уже о том, что творится на границах Израиля. Почему бы не поговорить об этом?! Ведь это не Гитлер двинул свои танки к горе Синай и силой захватил чужие земли на Ближнем Востоке!

Да, надо выступать против насилия, но тогда уж против насилия, применяемого любой из сторон. Не только против насилия со стороны Гитлера, но и против насилия со стороны Ги Молле, организовавшего высадку тысячи парашютистов в зоне Суэцкого канала в 1956 г., продемонстрировав тем самым не столько предусмотрительность, сколько лицемерность своей политики; против насилия со стороны американцев, за тысячи километров от родного Массачусетса или Флориды охотящихся на вьетнамцев, которых они с какой-то стати вздумали поучить тому, как им следует жить; против насилия англичан, снабжавших оружием нигерийцев, чтобы за счёт гибели миллионов мирных жителей установить свой контроль над нефтяными шахтами; против насилия со стороны Советов, давивших гусеницами танков венгров и чехов, не желавших жить под их тиранией!

То же самое можно сказать и по поводу военных преступлений.

В них обвинили побеждённых в Нюрнберге, заключив их в клетки, как обезьян, запретив их защитникам использовать свидетельства, способные опровергнуть слова обвинителей, в частности касающиеся массового убийства в Катыне пятнадцати тысяч польских офицеров, поскольку представитель Сталина, их палача, вместо того, чтобы оказаться на скамье осуждённых, входил в состав трибунала по военным преступлениям. Если уж вы прибегаете к подобным процедурам, то должно быть само собой разумеющимся, что подобное обвинение должно распространяться на всех военных преступников, не только на германских, но и на английских, уничтоживших двести тысяч невинных в Дрездене, на французских, расстреливавших без суда и следствия беззащитных германских военнопленных, на американских, поджаривавших на допросах половые органы заключенных эсэсовцев в Мальмеди!

Подобную процедуру необходимо применить и к советским военным преступникам, отличившимся во время второй мировой войны ужасающими жестокостями в оккупированной Европе и загубивших миллионы людей в своих концлагерях на Белом море и в Сибири.

Эти концлагеря, в отличие от концлагерей Третьего Райха, не закрылись после второй мировой войны, тем не менее, нам уже прожужжали уши именно «нацистскими» концлагерями. Советские концлагеря существуют и продолжают действовать по сей день. Туда по-прежнему отправляют тысячи людей, которые имели несчастье не понравиться тов. Брежневу или Косыгину или другим таким же демократическим овечкам! Об этих лагерях, работающих на полную мощность, куда Советы запихивают всех противников своей диктатуры, вы не услышите ни слова от левых крикунов! Ни одного из них ни малейшим образом не смущает их существование!

Так что же?! Где же правда? Где справедливость? Где добросовестность? Или это только фарс?

Кто более отвратителен: убийца или тот, кто, прикидываясь добродетельным, замалчивает убийство?

Полная безнаказанность военных и иных преступников, единственное достоинство которых состояло в том, что они не были германцами, пришлась по душе послевоенным бандитам, которые с легким сердцем запытали до смерти Лумумбу, погибшего в страшных мучениях; изрешетили Че Гевару; на глазах у прессы, в самом центре Сайгона расстреливали пленных из револьверов; с согласия самых высоких властей организовали устранение сначала старшего, а затем и младшего Кеннеди, – расстреляв их публично как в тире, где в качестве мишеней выступили живые люди, – которые мешали истинным властителям Америки, крупной финансовой буржуазии и спецслужбам, скрывающимся под маской демократии.

Всех преступников под суд! Всех, кем бы они ни были!

Сколько возмущенных воплей добродетельных судей раздаётся, как только речь заходит о Гитлере, и сколь стремительно смолкают они, как только речь заходит о ком-то другом. Эта гнусная комедия разыгрывается лишь для того, чтобы замаскировать дух мщения духом справедливости, а извращённое лицемерие – критикой насилия.

Мир праху убитых во времена Гитлера! Но лжепуритане от демократии, окончательно утратившие всякое чувство приличия, продолжают колотить над их могилами в свои адские тамтамы! Этот скандальный, одновременно предвзятый и циничный, шантаж длится уже более четверти века! Одностороннее движение хорошо только на узких улицах. Для истории оно не годится, поскольку неизбежно заводит в тёмный тупик, где среди почерневших от времени гробов прячутся в ожидании новой жертвы разжигатели вечной ненависти, фальсификаторы и обманщики.

Надо быть честными. Несмотря на поражение в СССР, несмотря на то, что Гитлер закончил свою жизнь в языках пламени, несмотря на то, что Муссолини был повешен, «фашизм», наряду с установлением Советов в России, был величайшим событием эпохи.

Некоторые из проблем, волновавших Гитлера в 1930 г., рассеялись сами собой. Идея жизненного пространства осталась в прошлом. Западная Германия, уменьшившаяся на треть по сравнению с территорией Великого Райха, сегодня богаче и сильнее, чем гитлеровская Германия в 1939 г. Развитие дешёвого международного и морского транспорта изменило всё. Сегодня даже на голой скале можно выстроить мощнейшее производство мира, лишь бы она была расположена в удачном месте.

Крестьянство, так поощряемое «фашизмом», сегодня отошло на второй план. Одна разумно устроенная ферма сегодня приносит больше, чем сотни старых крестьянских хозяйств, не обладавших современной техникой и способами обработки земли. Составляющие некогда большинство, сегодня крестьяне оказались всё более сокращающимся меньшинством. Скотоводство и пахота уже не являются единственным средством пропитания для народа, не имеющего других средств заработка. И самое главное – остались в прошлом социальные доктрины, оперировавшие исключительно такими понятиями как труд и капитал.

Сегодня всё более ценным становится третий элемент – серое вещество. Экономика стала делом уже не двоих, но троих. Нередко даже грамм творческого интеллекта оказывается важнее, чем вагон угля или пирита. Научно-исследовательская лаборатория имеет большую ценность, чем целая горная цепь. Над капиталистом и над рабочим стоит исследователь!

Без него, без команды сильных специалистов, без их компьютеров и вычислений, Капитал и Труд превращаются в трупы. Те же Круппы и Ротшильды были вынуждены отойти в тень перед более ясными головами.

Такой ход развития не застал бы Гитлера врасплох. Он много читал и был в курсе всего происходящего. Его атомные лаборатории были первыми в мире. Свойство гения в том, что он постоянно обновляется. Гитлер, обладавший богатым и неисчерпаемым воображением, предвидел эти изменения.

Но его главная задача состояла в формировании человека.

Даже потерпев поражение, Германия и Италия (в 1945 г. Третий Райх представлял собой фантастическую груду руин) быстро встали на ноги и стали одними из наиболее развитых европейских стран. Почему? Потому что великая школа гитлеризма и фашизма воспитывала характер. Она воспитала тысячи молодых руководителей, сформировала личности тысяч людей, в исключительных условиях она дала им такие навыки организации и руководства, которым в прежней буржуазной школе они не научились бы и за тысячу лет.

Германское послевоенное чудо состояло в следующем: почти уничтоженное в материальном смысле поколение, благодаря доктрине, базирующейся на авторитете, ответственности, духе инициативы, обладало превосходной подготовкой для занятия руководящих должностей; пройденное испытание огнём придало характерам поистине стальную закалку, проявившуюся тогда, когда пришло время восстанавливать разрушенное.

Но не только Германия и Италия были затронуты пронёсшимся по Европе ураганом по имени Гитлер. Он потряс нашу эпоху до самых оснований, перевернув наши представления обо всём, начиная с представлений о государстве, об общественных отношениях, кончая экономическими и научными воззрениями.

Именно с Гитлера – если вам не нравится, вы можете заткнуть уши, но это именно так! – началось активное использование современных научных открытий; он начал внедрять их в практику ещё тогда, когда сонная Европа довольствовалась своей ежедневной похлёбкой, не решаясь оторвать своего носа от края тарелки.

Кем стал бы без Гитлера фон Браун, этот молодой германец, совершенно никому не известный и не обладавший никакими материальными средствами? На протяжении долгих лет он оказывал ему поддержку, подталкивая и стимулируя его к новым свершениям. Помогал ему и Геббельс, даря свою дружескую поддержку. В 1944 г. этот министр – самый умный из гитлеровских министров – бросил все свои дела, чтобы ободрить впавшего в отчаяние фон Брауна.

И это только один из множества примеров. Талантливых людей было много. Но что они смогли бы сделать только со своим талантом?

Американцы хорошо понимали, что научное будущее мира создавалось там, в лабораториях Гитлера. Хотя они охотно корчили из себя королей науки и техники, в мае 1945 г. они первым делом поторопились прибрать к свои рукам сотню учёных, вылавливая их среди ещё дымящихся руин Третьего Райха.

Советы действовали точно так же. Они перевозили ученых Райха в Москву целыми поездами.

Но именно американцы отхватили в этом соревновании главный приз. Во главе их атомных разработок встал фон Браун, взращенный Гитлером, тем самым Гитлером, перед которым современная Америка в долгу, поскольку именно он в августе 1939 г., то есть ещё до начала войны в Польше, запустил первый в мире реактивный снаряд в небо Пруссии.

Именно в этот момент родился современный мир.

Так же как изобретение пороха изменило свою эпоху, атомная эра, открытая Гитлером в 1939 г., преобразила грядущие тысячелетия. Как и в социальной области, современники Гитлера были лишь его запоздалыми подражателями. Разве французский центр ядерных исследований, основанный с опозданием на двадцать пять лет, не является «подражанием» гитлеровской базе в Пенемюнде?

Гитлер – мёртв, демократический мир демонстрирует свою неспособность к созиданию нового в политической и общественной области или даже к минимальному ремонту той старой рухляди, которая досталась ему в наследство от старых демократий.

Но напрасны попытки поднять на дыбы загнанную старую кобылу, сколько не погоняй её бичом, она всё равно рухнет на грязную землю.

От Насера до де Голля, от Тито до Кастро, повсюду, как в старых государствах, пытающихся порвать с прошлым, так и в молодых государствах Третьего мира, вновь звучит лозунг – национализм плюс социализм, олицетворением которого был сильный человек, вождь народа, как магнит притягивающий к себе волю других, творец идеала и веры.

Старомодный демократический миф, напыщенный, трескучий, безграмотный и бесплодный, сегодня интересен лишь кучке пустоголовых болванов, но уже не способен никого обмануть, и попросту смешон для молодежи.

Кого сегодня волнуют старые партии и их старые бонзы, списанные со счетов и всеми забытые? Но разве забудут когда-нибудь имена Гитлера и Муссолини?… Миллионы наших юношей погибли в страшной одиссее. Мы даже не знаем, что сталось с их бедными могилами, оставшимися там, вдалеке… Жизни нас, уцелевших, разбиты, разрушены, уничтожены. Но те фашистские движения, которым мы отдали свои жизни, навсегда сформировали нашу эпоху. В наших несчастьях эта мысль продолжает составлять нашу величайшую радость.

Бесполезно соскребать татуировки с наших солдатских рук! Слишком поздно! Мы не доверяем новоявленным инквизиторам. Гитлер, как и Муссолини, уже ушли за занавес Истории, как это раньше сделал Наполеон. Карлики уже ничего не изменят. Великая революция XX века свершилась.